

Ольга Громыко

ГОД КРЫСЫ.
ПУТНИЦА

Год Крысы

Ольга Громыко

Год Крысы. Путница

«Автор»

2010

Громыко О. Н.

Год Крысы. Путница / О. Н. Громыко — «Автор», 2010 — (Год Крысы)

ISBN 978-5-9922-0627-2

Альк, Рыска и Жар продолжают свой нелегкий путь: кто желает убежать от прошлого, кто — изменить будущее, а кто рад и настоящему, но судьба неумолимо гонит всех дальше. Туго приходится не только неунывающей троице: тучи сгущаются над обоими тсарствиями, год Крысы неумолимо набирает силу и избежать его, похоже, уже невозможно. Куда придет Путница? Кому осветит дорогу Свеча? И, казалось бы, при чем тут гитара? Читайте — и узнаете

ISBN 978-5-9922-0627-2

© Громыко О. Н., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	46
Глава 6	53
Глава 7	63
Глава 8	71
Глава 9	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Ольга Громыко

Год Крысы. Путница

Горячие авторские благодарности:

злокозненному Сашию – за оттенеение Хольгиной добродетели;

Михаилу Черниховскому – за косы, сабли, полотенца и прочие ночные безобразия;

Андрею Уланову – за мужскую солидарность;

Елене Беспаловой – за черно-белое и цветное;

Анне Полянской – за моральную и техническую поддержку;

а также Фальку, Рыске, Паське, Весте и Фуджи за бесценное наглядное пособие!

При написании этой книги не пострадало ни одного шипонского зайца – только нервы заводчика-консультанта Нилы Лозовенко-Урсу.

В паутине судеб нет ни одной лишней нити, даже самая узкая тропка к чему-то ведет. И только Хольге известно, сколько раз мир оказывался на краю гибели из-за одного взмаха крысиного хвоста – и сколько раз бывал спасен им.

Богонись, глава 23

Глава 1

*В одиночестве крыса тоскует и чахнет.
Трактат «О тварях земных, водных и небесных»*

Бабка Шула ушла на небесные дороги ночью, во сне, и обнаружила ее соседка, заглянувшая одолжить чашку муки. Старушка лежала бледная и хладная, с вытянутыми поверх одеяла руками, и вид у нее отчего-то был очень довольный: не то сама Хольга сподобилась проводить, не то открывшееся перед смертью будущее (ведь по ту сторону времени нет, вся паутина судеб как на ладони) до того Шуле не понравилось, что она с радостью променяла его на Вечный Дом.

Соседка подняла крик, набежали бабки-подружки и деловито заголосили, вмиг разнеся скорбную весть по веске. Не прошло и пяти лучин, как чистенькая переодетая покойница лежала в вытащенном с чердака и протертом от паутины гробу, а узелок с «могильными» сбережениями был передан Цыке и Миху, взявшимся выкопать могилу и сколотить надгробную клеть. Молец, которому тоже кой-чего перепало, благоговейно начищал песочком статую Богини, дабы на отпевании и Шуле было приятно, и Хольге не стыдно. По веске пошел запах творожных лепешек, главного угощения за поминальным столом. Каждая хозяйка норовила расстараться, чтобы гости налегали именно на ее кушанье: по поверью, с творожниками-дорожниками из избы уходили мелкие беды – чем больше съедят, тем больше уйдет. Сыпали в тесто и мак, и сушеные сливы, и виноград, и даже медьки в середку запихивали, кто побогаче. Не у всех, конечно, такое объедение выходило – теми, что Колай принес, впору гвозди заколачивать, – но покойной все равно почет. В веске-то почти все друг другу родня, даже Сурок на похороны собирался, хоть и не мог припомнить, в каком колене Шула ему теткой приходилась.

К полудню худо-бедно управились и столпились у осиротевшего бабкиного дома. Это пущай савряне своих покойников по двое суток в избах держат, мертвечиной дышат. А нам-то чего ждать? Душа с последним вздохом отлетела, ну так и тело надо поскорей прибрать, дабы кто другой, недобрый, в него не залез. У белоколых, говорят, из-за их дурацких обычаев беспокойники наравне с живыми ходят, и не отличишь, покуда смердеть не начнут.

Ближе к крылечку стояли беременная Фесся и две весчанки с младенцами на руках: считалось, что пронесенный мимо покойник забирает с собой золотуху, ночные крикухи и прочие детские хвори. Рядом толпились мальчишки с мешочками толченой горчицы; ее пустят в ход лишь на обратном пути, но похороны для весковой детворы тот же праздник: тут тебе и гулянье, и угощение, и песни. Разве что смеяться нельзя, поэтому мальчишки только пихали друг друга локтями и перемигивались.

Последними вернулись с жальника потные, перепачканные землей батраки. Рубахи у обоих были обвязаны вокруг пояса, рожи красные от усталости, и бабки сердито зашикали: что за непотребство перед ликом смерти, а ну живо ополоснитесь и оденьтесь! С хозяина своего пример берите: во всем чистом, хоть самого хорони, и в глазах скорбь вселенская...

Вид у хуторянина действительно был печальный донельзя. От сделки, которая могла принести ему сто златов навару – или разорить на триста, – пришлось скрепя сердце и скрипя зубами отказаться. Никакого обеспечения у Суркова поделника не было – только рискованный план, такой дерзкий, что мог бы сработать. Но подписываться на него без одобрения видуньи хуторянин не отважился (таких дураков, чтоб за сотню в омут с головой кидаться, во всем Ринтаре едва ль пара штук найдется!). С путником советоваться тоже не хотелось – дельце-то не слишком законное, как бы наместнику не донес. Так что оставалось только мрачно сопеть, в ожидании выноса бабкиного тела подсчитывая упущенные барыши.

Но интересно, куда же подевалась эта негодная девчонка?!

* * *

Ночью Жар спер у цыган гитару, за что теперь получал жуткий разнос. Причем цыгане уехали еще затемно, и догонять их с извинениями, как настаивала Рыска, было поздно. Пришлось двигаться своей дорогой, изнемогая под гнетом совести, которой у девушки, как всегда, хватало на троих.

– Вот скажи, – кипятилась она, неосознанно попинывая Милку в бока, отчего корова все ускоряла и ускоряла шаг, в конце концов перейдя на рысь, – зачем она тебе вообще понадобилась?!

Вор и сам не очень хорошо это понимал и лишь виновато разводил руками. Незамысловато щипать струны он умел, однако на кой гитара в дороге, если ты не менестрель? Только по спине лупит и бренькает некстати.

Цыгане подвернулись им днем – друзья проезжали мимо табора, когда тот начал сниматься с места, и трех всадников буквально засосало в пеструю круговорот. Смуглые белокурые женщины окружили Рыску, широко улыбаясь и треща на непонятном языке, будто стая сорок. Девушка испуганно прижала к груди узел с деньгами, впервые жалея, что за пазухой нет сторожевого крыса. Впрочем, цыганки вовсе не собирались ее обворовывать: их забавляла растерянная, густо покрасневшая весчанка на пестрой, как лоскутное одеяло, корове.

– Э-э-э, красавица! – нараспев проговорила пожилая, но одетая ярче молодежь женщина, звеня низкими браслетов на гибких и проворных, будто змеи, руках. – Зачем глаза прячешь? Они же у тебя особенные, счастье приносят! Что, не веришь? Точно говорю! На кого из парней посмотрят – тот и счастлив! Хочешь, погадаю, кому повезет?

Рыска, и без того сразу потупившаяся, зажмурилась и отчаянно замотала головой. Цыганки еще немного повеселились и оставили ее в покое, успев воткнуть в волосы над ухом желтый махровый цветок (девушка обнаружила его только утром, мятый и увядший).

Зато Жар сразу нашел общий язык с цыганским вожаком, смуглым кудрявым молодцем в броской синей рубашке и штанах такой необъятной ширины, будто их пошили из двух юбок. Четыре лучины свежее испеченные друзья ехали рядом, оживленно обсуждая, как лучше красить коров (на наивный Рыскин вопрос, зачем это вообще надо, оба обидно расхохотались), а на вечернем привале перешли от слов к делу, осуществив давнюю мечту Сурка: сделали Милку сплошь черной. В таком виде корова казалась намного стройней и свирепей, хотя глаза у нее выпучивались не от ярости, а от изумления.

Разницы между левой стороной (красил Жар) и правой (работа цыгана) Рыска не заметила, но в светлых штанах на Милку теперь лучше было не садиться.

– А если она под дождь попадет?

Цыган гнусно захихикал и сказал, что главное – чтобы дождь не пришелся на базарный день. После чего Жар отправился с ним к костру обмывать результат, а проснулся с гитарой, трепетно прижатой к груди под покрывалом.

Видя, что увещевания тут бессильны, Рыска прибегла к запрещенному приему:

– Альк! Ну скажи ему!

Но белокопый лишь покривился и вообще отвернулся к обочине, будто не слышал. Поведение саврянина беспокоило девушку все больше и больше. Во-первых, за минувшие три дня спутники слышали от него едва ли полсотни слов, и те по крайней необходимости. На попытки вовлечь его в дорожный треп Альк коротко огрызался или, как сейчас, отмалчивался. Во-вторых...

– О, глядите, кормильня! – попытался сменить тему Жар. – Может, по пиву?

– Не хочу, – сухо и предсказуемо отрезал Альк.

Рыска подавила огорченный вздох: со времени разговора с отшельником проклятый саврянин ничего не жрал. Уговаривать девушка не решалась: в конце концов, взрослый здоровый мужик, не пичкать же его с ложечки под сказочки, как капризного ребенка.

– Верно, без еды человек может прожить месяц, – ехидно напомнил Жар Альку его же слова. – А раз так, чего ее зря переводить?

Саврянин опять промолчал, и Рыске захотелось его стукнуть, чтобы хоть как-то расшевелить.

В кормильню все-таки зашли и пива взяли. Жар заказал себе сразу две кружки – до конца весны оставалась еще неделя, но солнце припекало уже по-летнему, – однако девчонка-служанка, не разобравшись, разнесла их по концам стола. Альк машинально взял «свою», отхлебнул.

– Могли б и до Зайцеграда потерпеть, – недовольно заметил он. – Несколько лучин осталось.

– А ты этого Матюху знаешь? – В ожидании заказанной каши Рыска таскала бесплатные черные сухарики из стоящей посреди стола миски. Судя по слою крошек на ее дне, посудину не вытряхивали и не мыли уже месяц. Но за дорогу девушка успела привыкнуть к кормильням и подаваемой там еде, не требуя от нее слишком многого. Зато самой готовить не надо. – Ну к которому расписка?

– Найду. – Альк тоже взял пару сухариков, но этим его завтрак и ограничился. Даже пиво не допил, сделал еще пару глотков и отставил, ожидая, когда спутники управятся с едой.

Жар с сожалением косился на кружку саврянина. За другом вор не погнушался бы, допил, а тут как бы не отравиться после этого гада. Все добрые чувства вроде сострадания и желания помочь отлетали от белокомого, как сухой горох от стены. Альк, похоже, нарочно делал все, чтобы за его гробом шли только падальщики.

* * *

Процессия повернула обратно. Бабы уже не выли, а всхлипывали и с чувством выполненного долга сморкались в узкие белые полотенца, висящие на шеях. Замыкающие цепь мальчишки горстями расшвыривали горчицу, чтоб за людьми не увязалась смерть с жальника. Ветер, как назло, дул в спины, и все хоть по разу да чихнули. У головы Приболотья нос вообще не просыхал: он шел прямо перед детьми.

А у весковых ворот стояли гости – пятеро на коровах, один на нетопыре. Створки были распахнуты, но пришельцы вежливо остановились в нескольких шагах, ожидая приглашения. Не разбойники, отлегло от сердца у головы. Весчане все равно насторожились, передние притормозили, задние надали, и цепь сжалась в кучу.

– Здорово, любезные! – весело окликнул один из гостей. Эй, да это ж тсарский гонец – в новом красном кафтане, бороду отпустил, только по голосу и признали. – Где это вы ходите? Праздник какой? Сдобой за три вешки несет, а веску как вымело...

– Не... – Голова подошел поближе, ответил на рукопожатие. – Бабка у нас померла. Древняя, но славная. Хоронить ходили.

– Ох, сочувствую, – согнал улыбку гонец. – Пусть Хольга даст ей прямую дорогу и уютный Дом.

– Богиня милостива, – эхом откликнулись сразу несколько человек.

Гостей по-прежнему разглядывали с подозрением: четверо тсецов (не охранники, а именно из рати, это гонец при них для пущей важности) и незнакомый путник, совсем молодой парень с надменным и недовольным лицом. Как же, целую лучину торчать под забором, ожидая каких-то там весчан! «Ничего, – злорадно подумал голова, – заплатили, так стой.

Знаем мы, сколько путники за свои услуги берут. Простому человеку за их дневную плату целый месяц пахать не зазорно». Вслух же приветливо сказал:

– Пожалуйте за стол поминальный, проводим старушку как должно.

Отказываться было неудобно, хоть и на службе. Гости вместе со всеми прошли к бабкиному дому и расселись за вынесенными во двор столами, благо вечер был тихий и теплый. Женщины быстренько притащили и расставили накрытые черными платками блюда, кувшины с крепким, до щекотки на языке, квасом и старые глиняные кружки со щербинами, а то и трещинами. Похороны – самое время от всего отжившего избавиться.

Изголодавшиеся тсецы набросились на угощение, словно бабка Шула приходилась им родной матерью. Гонец тоже с удовольствием «заедал слезу», а вот путника веское гостеприимство заметно корбило. Видать, только-только из Пристани выпорхнул, а ему вместо подвигов и славы – пыльные дороги захоlustья. Голова тайно ухмыльнулся. Терпи, крысенок! Настоящее дело еще заслужить надо.

Вначале за столами говорили только о покойнице, состязаясь, кто вспомнит о ней больше хорошего, потом посудачили о тщете сущего и божьей воле, а там как-то незаметно перешли на дела земные, привычные. Женщины затянули жалостливую песню, дети украдкой швырялись кусочками лепешек, лавочник шепотом травил кузнецу свежую байку про соседку.

Голова все выразительнее косился на гостей.

Гонец пощупал зуб, неосмотрительно покусившийся на Колаев творожник, и с болезненным видом пошутил:

– А мы уж при виде пустых дворов подумали, что вы нас завидели и сбежали!

– Чего нам от вас бегать? – удивился и одновременно насторожился весчанин. – Чай, не саврянское войско... Или опять дурную весть привез?

– Да нет, что ты, – поспешил заверить гость. – Так... не шибко приятную. Сейчас, погоди, грамоту достану...

– Давай на словах сначала, мне на ухо, – остановил его голова. Читать царский приказ за поминальным столом было как-то неловко – хотя бабка Шула, наверное, не обиделась бы. Без нее ни одно вече не обходилось.

Гонец понимающе кивнул, убрал руку от пазухи и наклонился к весчанину:

– Царь городские стены укреплять желает. Требуется от каждой вески по три человека и телегу с коровой.

– Что, насовсем?! – охнул голова.

– Не, в грамоте прописано – только на лето, – поспешил успокоить гонец. – Ну помнишь, в том месяце военный налог собирали?

– Такое забудешь... – проворчал весчанин. – Чего ему, горожан мало?

– Выходит, мало, – развел руками гость. – В Макополе из четырех сторожевых башен одна до сих пор в руинах лежит.

– Ну и что? Полежала б еще чуток.

– А вдруг война? – припугнул сидящий рядом тсец.

– А чего, все-таки будет?! – насторожился голова.

Другой ратник ткнул болтливого собрата локтем и веско сказал:

– Еж лисицу раз в месяц видит, а колючки каждый день носит. Вот и нам всегда готовыми быть надобно.

– А телега зачем?

– В обоз, камни и бревна возить. Можно старую, неказистую, лишь бы крепкая была.

Голова нахмурился. Не было печали! Летом в веске работы с зари до зари, а тут царь со своими стройками. Хорошо хоть отсееяться дал. Но если задержит мужиков до зимы, кто урожай собирать будет? Дрова запасть? В большинстве дворов только один кормилец, а где два-

три, там и нахлебников о-го-го: дети мелкие, старики. Поможем, конечно, всем миром, но тяжковато придется...

– Жребий киньте, – посоветовал гонец. – Так оно честнее всего выйдет.

– Да уж разберемся, – в сердцах огрызнулся весчанин, хоть сердиться на тсарского посланника и не полагалось. Знали бы – точно на жальнике отсиделись бы! Даже переночевали.

Голова встал, по обычаю грохнул об землю кружку. Та, зараза, не разбилась, а подскочила и закатилась под стол. Дурной знак...

– Хольга прислала – Хольга призвала, – громко объявил он. – Пусть тебе, бабушка Шула, в небесном Доме будет лучше, чем в земном, а мы уж тебя не забудем и попозже непременно в гости зайдем.

Вслед за ним стали подниматься остальные весчане.

Голова выждал, пока не разлетится вдребезги последняя кружка, и сумрачно продолжил:

– А покуда пошли к молельне, совещаться будем...

* * *

Первым его заметил Жар. А может, и Альк – но оставил это неприятное открытие вору. Случайно обернувшись, тот аж подскочил в седле:

– За нами путник едет!

Саврянин лишь глаза сузил, даже не удосужившись посмотреть назад. Рыска же чуть с коровы не свалилась, выворачивая шею. Конечно, путником на дороге никого не удивить, но когда совесть нечиста...

Время шло, человек на нетопыре не приближался и не удалялся. Когда дорога шла в гору, его удавалось рассмотреть получше: едет – не торопится, развалился в седле и вроде как даже подремывает. За холмом или леском всадник скрывался из виду, но потом непременно появлялся снова.

– Может, ему просто в ту же сторону? – с надеждой предположила девушка.

Жар вместо ответа подхлестнул корову. Щепок десять они мчались галопом, затем вернулись к шагу и с пол-лучины путника не видели.

Потом он появился снова, на том же расстоянии.

Больше обсуждать его не пытались. Только постоянно косились назад и друг на друга.

– Нет, это уже переходит всякие границы! – внезапно разъярился Альк, так натягивая поводья, что бедная корова чуть пополам не сложилась. – Еще издеваться он надо мной будет, старый ублюдок!

– Ты его знаешь? – уточнил Жар.

– Ха! – Саврянин резко дернул за повод, разворачивая Смерть. – Очень удивлюсь, если это окажется кто-то другой.

– А чего ему от нас надо?!

– Вот сейчас и спросим!

Когда коровы проскакали полпути (Жар с Рыской благоразумно держались позади Алька), преследователь остановился и, выпрямившись, стал спокойно их поджидать. Он оказался ринтарцем, мужчиной лет сорока пяти – пятидесяти, с почти полностью поседевшей головой и аккуратной, на удивление черной бородкой. Одежда, как сразу оценил вор, была пошита на заказ и стоила не меньше десяти сребров, хотя выглядела неброско и практично. О цене висящего при поясе меча оставалось только гадать, но одна рукоять тянула на пару златов. Нетопырь был старенький, тоже с проседью по хребту и многочисленными проплешинами – но не от возраста, а из-за шрамов. Похоже, животина прошла со своим хозяином огонь, воду и крысиные норы.

– Ну здравствуй, что ли, – усмехнулся путник, глядя на Алька.

Саврянин, не отвечая, молча объехал его по кругу, недвусмысленно выражая свое отношение и одновременно изучая противника.

– Неужто не рад меня видеть?

– Нет, – наконец соизволил разлепить губы белокосый, и слово вышло как плевок.

– А я вот, напротив, – очень рад. – Судя по тону, путник не кривил душой и не иронизировал. Да и смотрел дружелюбно, тоже оценивая Алька, но скорее с отцовской гордостью.

– Еще скажи, что община послала тебя передать мне свои извинения и позвать обратно в Пристань, – презрительно бросил саврянин.

– Нет, – даже не попытался юлить путник. – Мне поручили тебя убить. Точнее, я сам вызвался.

– Ну попробуй, – криво ухмыльнулся белокосый. Правая рука у него уже давно лежала на оголовье меча и сейчас лишь стиснула пальцы.

– Не хочу, – рассеянно, как от чего-то маловажного, отмахнулся путник. – Не сейчас. Альк, мне надо с тобой поговорить.

– Не хочу, – оскалился тот.

– Даже не хочешь узнать о чем?

– У нас было семь лет, чтобы наговориться всласть.

– Ты и тогда пропускал мимо ушей то, что не желал слушать, – с укоризной заметил путник.

– Лучше бы я пропускал еще больше.

– Вот упрямец! – добродушно, хоть и с досадой посетовал странный тип. – Я же хочу тебе по...

– Значит, не сейчас? – зло перебил его саврянин. – Тогда отлипни от моей подошвы!

– Альк...

Но белокосый уже развернул корову, и Жару с Рыской пришлось сделать то же самое, так ничего и не поняв.

Догонять их путник не стал, только вздохнул вслед и головой неодобрительно покачал. Однако никто не сомневался, что так просто он не отвяжется.

* * *

Благостная улыбка покойницы припомнилась сегодня многим весчанам. Особенно когда до жеребьевки дошло. Голова сам нарвал листьев с простой и рыбьей ветлы, смешал в глубокой шапке. По виду одинаковые, по весу вроде тоже, только вторые сразу тонут.

Принесли корчагу с водой, установили посреди двора. Самую большую, чтоб всем видно было: без обмана.

– Ну что, люди добрые, тяните...

Освободили от этой чести только голову, кузнеца, мельника да лавочника, потому как без них Приболотью убыток больший, чем если бы все остальные мужики в город уехали. Трое счастличиков, надув щеки, гордо расхаживали среди мнующихся у шапки одновесчан, упиваясь своей значимостью (ну и облегчение немалое, конечно!). Голова все равно был мрачен: овца только о своем ягненке думает, а пастух обо всем стаде. А как же общинное поле? И пруд собирались вырыть, сазанов запустить... Эх! Хоть бы жребий на какого-нибудь лентяя пал, вроде дядьки Хвеля – до обеда под яблоней дрыхнет, а после обеда на другую сторону ствола переходит, куда тень уползла. Другое дело, что он и тсарю не больно нужен, разгневется еще за такой «подарочек»...

Гонец и тсецы околачивались неподалеку, но к корчаге не подходили, чуя, что на них и так злы. Путник вообще куда-то исчез – небось к речке купаться поехал, весковый дух смывать.

– Давайте-давайте, – поторопил голова. – Ждете, куда завянут? Колай, тяни!

– А чего сразу я? – возмутился тот, пряча руки за спину. – Пушай Ледок тянет, он ближе стоит!

– А чего я?! – Высокий тощий мужик попятился, мигом став дальше.

– Тяни, – устало повторил голова, сунув шапку Колаю под самый нос. – Первым, последним – все равно от судьбы не уйти.

Отступать было поздно и некуда: сзади сопели и подпирали так, что хоть целиком в шапку нырни. Колай медленно вытащил потную ладонь, обтер о штаны. Потянулся к шапке – но с полпути отдернул, вытер еще раз. Вокруг нервно захихикали.

Со второго раза мужик донес-таки руку, запустил. Листья были гладкие и прохладные, с мелко иззубренными краями. Черешки колкими клювиками тыкались в пальцы: возьми меня! Нет, меня!

– Хорош мять! – не выдержал голова. – Поди, не девку под одеялом лапаешь. Доставай.

Колай убедился, что щупать бесполезно, зажмурился и обреченно вытащил из шапки свой жребий.

Толпа разом перевела взгляды на корчагу и затаила дыхание. Оттертый в задние ряды углежог – плечистый, но низкорослый – посадил на плечи сынишку, чтобы тот докладывал.

– Бросай, – терпеливо напомнил голова.

Листок, крутясь, упал в корчагу. Полежал-полежал на задрожавшей воде, будто размышляя, а потом – хоп! – стал на ребро, и ко дну. Завис у него, как рыбка, превратился в тоненькую, почти невидимую сверху черточку.

– Утоп! – звонко сообщил углежогов сын.

По толпе прокатился потрясенный стон. Никто не ожидал, что первый неудачник определится так скоро.

Колай тупо хлопал глазами, сообразив, что произошло, только когда запричитала жена.

– Это все ты сглазил! – в сердцах напустился он на голову. – Заладил: тяни, тяни... Знал же, что торопливого Саший под локоть толкает!

– А трусливого в зад кусает, – продолжил лавочник под общий одобрительный хохот. Один дурной лист из шапки выбыл, чего ж не посмеяться?

– Кто трус?! Я трус?! – Колай сделал вид, что закатывает рукава, но щуплый одновесчанин и бровью не повел.

– Ох-ох-ох, нашелся вояка! Да ты только девчонку свою колотить и отваживался, и то покуда она видуньей не стала.

– А вот давай проверим! – хорохорился Колай, приплясывая на месте, будто угли под лаптами рассыпаны.

– Ну давай!

– Иди сюда, я тебе щас покажу ясно солнышко!

– Да я и так напротив тебя стою, куда уж ближе? Самому, что ли, о твой кулак бородой хряпнуться? – Лавочник задрал голову, подставляясь, еще и пальцем показал.

– Тихо! – гаркнул голова так, что листья в шапке взвихрились. – Уймись, Колай. Не конец света, поработаешь на тсаря и вернешься. А тебе, сосед, стыдно должно быть: сам не рискуешь, а над другими потешаешься... Ну, кто следующий?

На сей раз заминки не возникло: курица за одно утро дважды не несется, вытянуть вторую «рыбку» кряду шанс невелик. Так и вышло. Остались в веске и Ледок, и углежог, и – эх! – дядька Хвель.

Хуторских пустили к корчаге последними. Те не особо и рвались, в надежде, что всю гадость выберут до них, но увы: оба нехороших листа остались в кучке втрое меньше изначальной.

У Миха листик потонул, а у Цыки поплыл. Фесся, не сдержавшись, бросилась мужу на шею и разрыдалась от радости. Тот неловко похлопал ее по спине, смущенно косясь на приятелей: мол, что с беременной бабы взять, по любой ерунде ревет.

Чернобородый же отнесся к проигрышу на удивление спокойно.

– Ну и ладно, – погудел он. – Хоть свет погляжу, а то уже мхом на этом хуторе оброс.

– Поглядишь, как же, – мрачно проворчал кто-то из мужиков. – Запихнут в каменоломню, еще и к тачке привяжут, чтоб не утёк...

– Кто там каркает? – сурово огляделся голова. – Щас второй раз тянуть будет!

«Ворон» примолк. Жеребьевка продолжилась, но у Сашия сегодня было шутовское настроение. Листья исправно пускались вплавь, пока в шапке не остался один. Тот самый.

– Кто еще не брал? – заозирался голова. Что за ерунда? Неужто обсчитался и придется перетягивать? В толпе вспыхнули споры: а ты тянул? А сам-то?! Поймать на вранье никого не удалось: у каждого нашлись свидетели, переживавшие по поводу его жребия.

– Вон кто! – звонко заложил углежогов «дозорный», показывая куда-то вдаль. Люди разом обернулись – и увидели Сурка, неспешно идущего со стороны речки. Рядом ехал на нетопыре путник, слегка подобревший: не иначе, хуторянин раскошелился на какой-то вопрос – а то и десяток, чтобы скрыть тот, что по-настоящему его волновал.

Сурок тоже был весел: видать, ответ ему угодил.

– Ну как, общество? – окликнул он. – Отжеребылись уже?

Все смотрели на него и молчали.

Глава 2

Крысиные драки могут быть и бескровными, но оттого не менее жестокими: нападающий вздыбливает шерсть и, щелкая зубами, начинает кружить вокруг более слабой крысы, запугивая ее своими размерами и яростью. Это может длиться несколько лучин, пока жертва не погибнет от разрыва сердца.

Там же

– Объяснишь ты нам наконец, кто это был?! – настойчиво, но пока безрезультатно допытывался Жар. Тащить на хвосте непонятно кого, которому непонятно чего нужно, вору ну очень не нравилось.

– Старый знакомый. – Альк сосредоточенно о чем-то размышлял, уставившись на коровью холку. Желтые глаза то прищуривались, то начинали быстро-быстро двигаться, словно перед ними мелькали какие-то картины.

– Да мы заметили, что не молодой чужак! Кто он?

– Путник.

– Я имею в виду – тебе он кто?

– Старый знакомый.

Рыска засомневалась, что саврянин вообще слышит вора. У нее уже язык чесался задать Альку какой-нибудь посторонний вопрос вроде «а кто это там по небу летит?», но тут саврянин тряхнул головой и выпрямился, видимо приняв какое-то решение.

– Не дергайся, тебя он не тронет. Если сам не полезешь.

– А Рыску?

– Если сама не захочет.

– Вот еще, – возмутилась девушка. – Он мне совсем не нравится, и старый к тому же!

Альк фыркнул:

– Дура, в этом смысле ты его не интересуешь.

– А в каком?

– Ты его внимательно рассмотрела?

– Ну... да, – неуверенно подтвердила Рыска.

– Ну вот. – Похоже, саврянин задался целью напоследок довести спутников до белого каления.

Девушка обиделась и от Алька отвернулась. Примерно с тем же успехом можно было отступать с поля боя, пытаясь изобразить спиной, что единственная причина этого маневра – презрение к противнику. Жар еще немного побранился и тоже замолчал. Ладно, вон уже город виднеется, а там они с крысой расстанутся навсегда – и заодно с путником. Не разорвется же он надвое.

Въездная пошлина оказалась выше, чем в Макополе, как и стены, ворота и сами стражники. Пожалуй, одному из них даже Альк уступал, а по весу так и обоим.

– Зайцы есть? – сурово спросил великан.

– Нет, – растерялась Рыска. – А надо?

Стражники расхохотались, будто услышали хорошую шутку.

– Жалко, а то мы зайцев любим! Ну да ладно, проезжайте так.

Девушка недоуменно наморщила лобик, чем развеселила их еще больше. Вслед еще долго летел смачный гогот.

– Хорошо хоть обыскивать не стали, – вздохнул Жар, стягивая шапку и обтирая лоб обшлагом кафтана.

– А у нас есть что скрывать? – подозрительно покосилась на него подруга.

– Ну как же – деньги! – с излишней, на Рыскин взгляд, горячностью напомнил вор. – Придерутся еще, откуда у весчанки златы...

– Да там всего один с мелочью остался, на троих-то... – Девушка осеклась, заметив понимающую ухмылочку Алька, обращенную к Жару. Вор, что еще страннее, покраснел, захлопнул рот и нахлобучил шапку по самые брови.

– Ладно, забудь, – пробормотал он. – Это у меня так, привычка... не люблю стражу.

Рыска думала, что городом ее уже не удивить, но Зайцеград отличался от Макополя, как веска от хутора. Крыши и сами дома тут были ярко-рыжими по-настоящему, без крашеной соломы, – глины в округе хватало. Весело зеленели деревья, редкие, но оттого высокие и раскидистые. Ветер привольно гулял по широким улицам, выметая с них спертый городской дух. К тому же наместник обязал горожан держать в чистоте не только пороги, но и кусок улицы по ширине дома, чем сделал общину мусорщиков едва ли не самой уважаемой в городе. Ежедневно оттирать мостовую от коровьего навоза мало кому хотелось, проще всей улицей скинуться и уборщика нанять. А чуть заартачишься с платой – бросит метлу и уйдет задрав нос. Еще и сам стражникам наябедничает, гад, что там-то грязь развели. А те легки на подъем, страх сказать: даже за политую мужиком стенку штраф дерут. Нужду полагалось справлять в горшки и не выплескивать оные в окна, а идти до ближайшей сточной канавы. Поговаривали, что скоро и харкать на площадях запретят, вот ужас-то!

Жить в Зайцеграде с непривычки было неуютно и боязно. Но местные ничего, как-то приновились.

– Что, нравится? – теребил Жар Рыску, видя, с каким детским восторгом подруга озирается по сторонам. – То-то же! А то заладила: озеро, озеро... Давай тут домишко снимем, а?

– Давай вначале с Альком разберемся, – осторожничала девушка.

– С собой я как-нибудь сам разберусь, – огрызнулся саврянин. – Купца ищите.

– Мы?!

– Это же у вас к нему расписка.

– Но ты обещал, что купец нам по ней выплатит!

– А искать его – не подрыжался.

– Саший с ним, – хмуро сказал Жар. – Сами найдем. Заедем в центр, где лавки, и спросим. Этот Матюха – он хоть по какой части? Меха, посуда, коровы, оружие?

– Понятия не имею, – с нескрываемым злорадством сообщил Альк.

Окончательно махнув рукой на саврянина, друзья продолжили путь, рассчитывая, что такая широкая и добротнo вымощенная дорога непременно выведет к площади. Альк тенью ехал следом – и на том спасибо.

Чем дальше, тем люднее и шумнее становилось на улицах. Впереди, сразу из нескольких мест, начала доноситься музыка, на ветвях деревьев, шпилях домов – и просто вывешенные из окон – развевались длинные узкие флаги. Пробежала собачонка, по виду бродячая, страховодная и облезлая, но украшенная аж двумя бантами – на шее и хвосте.

– Ой, да у них, похоже, праздник! – сообщила Рыска. – То-то стражники веселые такие.

Тут как раз и площадь показалась – прорезалась между домами, будто кулек с разноцветным бисером по шву треснул. Ох, сколько людей! Как Альк когда-то пошутил: впору друг у друга на головах сидеть. Даже не на сотни – на тысячи счет, и все это непрестанно бурлит, клокочет, перемешивается, как суп в котле!

Рыска натянула поводья, не решаясь окунуться в площадное варево. Альк нагнал ее и остановился рядом, тоже осматриваясь. На помосте для казней разыгрывали какое-то представление. Виселица была увита цветами и ветками, палаческая колода изображала то царский трон, то корову для отважного героя, то – в компании с огромным фальшивым топором – саму себя. По краям площади, на трех возвышениях поменьше, похлипче, наскоро сколочен-

ных накануне, тоже выступали лицедеи: ярко разодетые девушка с жалейкой и парень с дудком, наигрывающие грустную и одновременно бойкую мелодию; крутящийся волчком акробат-жонглер и пожилой благообразный мужчина, который просто стоял и что-то рассказывал. У каждой лавчонки, да что там – вынесенного на площадь лотка с безделушками толпилось столько народу, что к ним протолкаться-то невозможно было, не то что о купце расспросить.

– Да-а-а, – растерянно протянул Жар, выехавший было вперед, но быстро вернувшийся к подруге и саврянину, – сыщи горошину в мешке чечевицы... Придется ждать, покуда гулянье схлынет.

Рыску это вовсе не огорчило. Вокруг было столько интересного, что расписка вполне могла подождать лучинку-другую. Алык тоже, похоже, никуда не торопился. Может, неожиданно подумалось девушке, он потому и отказался искать купца, что оттягивает миг расставания? Куда ему теперь идти, с кем? А если он снова в крысу превратится?! За последние три дня такого, правда, не случалось, но это только усиливало напряженное ожидание.

В обтекающем всадников людском потоке ловко пробиравась толстая опрятная тетка с лотком пирогов.

– С мясом, горохом, капустой, картошкой, яблоками! – Луженой глотке торговли в пору было позавидовать: голосила она и на вдохе и на выдохе, прерываясь только на расчеты с покупателями. Впрочем, тогда тетка тоже не молчала, расхваливая свой товар и обещая едокам неслыханное наслаждение. – Сытные, червячные и на крышечку!

– Это как? – удивилась девушка.

– По величине, – пояснил Жар, привычный к городским лотошникам и их меркам. В Макополе, правда, говорили не «на крышечку», а «в довесок», но смысл тот же. – Вон те большие – сытные, от пуза наестся, поменьше – червячка заморить, ну и самые маленькие – полакомиться после обеда. Хочешь?

Девушка задумалась. Пожалуй, маленький с яблочками влез бы, ишь как пахнут, небось горячие еще...

– Дай пару монет, – неожиданно попросил Алык и одновременно протянул руку, не допуская мысли об отказе. Застигнутая врасплох Рыска действительно положила в нее несколько медек, спохватившись, только когда саврянин сжал ладонь.

– Зачем?

– Эй, тетка! – окликнул Алык, свесившись с седла. – Подай-ка сытный с мясом.

Рыска ошеломленно глядела, как саврянин кидает торговке монету и жадно впивается зубами в длинный поджаристый пирог.

– Здра-а-асте! – возмутился Жар. – Три дня нас своей голодовкой изводил, а теперь жрет как ни в чем не бывало!

– Неужто ты так из-за меня переживал? – с интересом покосился на него Алык.

– Ну Рыску изводил, – поправился вор. – У нее самой из-за тебя кусок в горло не лез!

– Вовсе даже лез, – запротестовала уличенная и смутившаяся девушка. – Просто... беспокоились за тебя! Немножко.

– С чего бы это? – Алык критически изучил пирожную начинку, но счел безобидной и снова в нее вгрызся.

– Ты ж ходил такой смурной, будто вконец сдался! Если б не мы, так бы на дубу и повесился! – сгоряча выпалила Рыска свое потаённое опасение, не покидавшее ее всю дорогу и заставлявшее следить за каждым шагом саврянина.

– Я?! Девка, ты меня с кем-то путаешь. – Белокопый уставился на нее высокомерно-жалостливо, как на больную.

– А кто деду «прощай» сказал?! – настаивала разобиженная девушка.

– И что? Он же совсем старенький, больной, вряд ли долго протянет.

У Рыски не нашлось слов. Альк нагло глядел ей в лицо, жуя пирог. Пришлось, как ни позорно, потупиться.

От волны сдобного духа у девушки подло проснулся аппетит, но было поздно: торговка успела раствориться в толпе.

– Не надейтесь. – Саврянин вытер жирные пальцы о коровью шею. – Скорее все дубы в округе попадают, чем я какой-нибудь из них осчастливию.

Рыска вздохнула, не зная, радоваться или огорчаться. Она уже немножко изучила Алька, и целеустремленный блеск, вновь появившийся в желтых глазах, наводил на нехорошие мысли о собственно цели. Не пирожок же так его взбодрил. Девушка подозревала, что это как-то связано со встреченным путником, – но ведь Альк отказался от его помощи! Нет, понять, что творится в дурной саврянской башке, было совершенно невозможно...

– Это еще что такое?! – перебил Рыскины мысли суровый оклик стражника. – Тут людям места мало, а они со скотиной приперлись, чужие ноги давить! Вон там коровязь платная, туда и ведите!

Пришлось подчиниться и вернуться на площадь пешком. Торговка пирогами снова орала где-то неподалеку, как кулик в камыше, но увидеть ее больше не удалось. Тогда Жар купил себе с подругой по берестяному кульку жаренных в меду орехов, золотистых и хрустящих. Рыска впервые попробовала это лакомство, и оно привело ее в восторг. Да и вообще – хорошо здесь! У всех лица веселые, довольные, поневоле в ответ улыбнуться хочется. Кто семечки лузгает, кто языки чешет, кто на карусели катается: к макушке столба крутящееся колесо приделано, а с него веревки свисают; ухватишься за одну, разбежишься, подожмешь ноги – и лети по кругу! Но туда только с тараном пробиваться – столько желающих.

Невдалеке стоял еще один столб, высокий и такой гладкий, что аж лоснится под солнцем. Может, даже чуток намастен для пушей сложности – призы-то знатные, от огромного копченого окорока до красных сапог с подковками, снизу видно, как блестят. Возле него народу было поменьше, только глазели завистливо.

– Залезешь? – с подковыркой спросил Жар у Алька.

Тот брезгливо дернул левым углом губ:

– Делать мне больше нечего.

– А башмаки тебе уже не нужны?

– Не такой ценой. – Альк почесал левую ногу о правую. Подошвы у него были чернющие, еще и посбивал с непривычки, наверное, но ни за что ж не признается!

– Так бесплатно же, – не поняла Рыска. – И заодно потеха, весело!

– Вот именно, – проворчал саврянин. – Один идиот корячится, а остальные смотрят и уххатываются. Жуть как весело. Я лучше босиком похожу.

– Странно, крысы должны бы хорошо по столбам лазить, – с невинным видом заметил вор, сплевывая случайную ореховую лушпинку.

– Я не «не могу», – раздраженно повысил голос Альк, – а «не хочу».

– Так докажи!

– Своих дружков на «слабо» подбивай, ворюга. Меня твои подначки не волнуют.

– Врешь, вон как желваки на лице играют!

– Это меня от твоей компании тошнит. – Саврянин отвернулся, намекая, что иначе точно вырвет.

На противоположной стороне площади словно махровые маки расцвели: из переулка пестрой лентой выползал табор. Цыганки взмахивали юбками, как яркими крыльями, и пускались в пляс по кругу, звеня бубнами и браслетами. Зоркая Рыска узнала идущего впереди вожака и, наклонившись вбок, гулко щелкнула Жара по гитаре:

– Иди верни!

Вор чуть слышно застонал. Он-то надеялся, что этот вопрос уже утрясли и благополучно забыли.

– Не бойся, – неправильно истолковала оный звук Рыска. – Скажи, что нечаянно взял. Он обрадуется, вот увидишь!

Жар в этом как раз не сомневался и предпочел бы влезть по столбу. Но подруга неумолимо жгла его желто-зелеными глазищами, так что пришлось подчиниться.

Альк с Рыской остались вдвоем. За время пути в Зайцеград это случилось чуть ли не впервые, Жар оберегал подружку с ревнивой пылкостью брата, не выпуская из виду дольше чем на пять щепок. Рыске казалось, что она уже притерпелась к саврянину, но сейчас все равно ощутила какую-то неловкость и поспешила перенести внимание на площадь.

Акробат уже закончил выступление, и его место занял заклинатель с толстой желтой змеей, взирающей на хозяина с усталым отвращением. Змей Рыска побаивалась и даже на ручных глядеть не хотела. Немножко послушав музыкантов и честно кинув им монетку за усердие, девушка начала проталкиваться к третьему помосту.

– А здесь что?

– Ерунда, уличные сказители, – нехотя отозвался Альк из-за ее спины. – Одни бездельники языками мелют, другие уши подставляют.

– И что, любой может сюда влезть и рассказать сказку? – поразилась Рыска.

– Сказку, историю, поэму, поучительную байку... да хоть свежую сплетню. Если какая-нибудь мура окажется, слушатели его мусором закидают, если интересно – монет в шапку насыплют. Пошли назад к коровязи, там дружка твоего и подождем.

– погоди, – остановилась девушка, – давай хоть немножко послушаем!

Нынешний сказитель выглядел благообразно и располагающе: невысокий, в возрасте, но крепенький, хорошо одетый, с набегающей со лба лысиной и узкой, но не редкой, а просто подбритой с боков бородой. Мягкий голос ручьем журчал над толпой, заставляя ее то слаженно охать, то смеяться. Рассказ шел к концу, и уловить его суть Рыска не успела: вокруг захлопали, засвистели, зазвенела медь по доскам, и сказитель, откланявшись, величественно спустился с помоста. Несколько человек бросились ему наперерез, просительно взмахивая веревочками, чтобы завязал по узелку на память. Мальчишка-ученик остался подбирать монеты, торопливо сгребая их в кучу, пока уличные сорванцы не похватили те, что с краев.

– Кто это? – шепотом спросила Рыска у ближайшей женщины.

– Знаменитый странствующий мудрец Невралий, – благоговейно ответила та. – Он знает одиннадцать языков, владеет шестью видами оружия и пешком обошел восемь стран! Книги с его творениями хранятся в доме у каждого богача, и любой менестрель почитает за честь сложить песню на его стихи!

– Ой! – восхитилась девушка, глядя на сказителя совсем иным, почти влюбленным взглядом. Надо же, какой великий человек! Не каждому выпадает честь его хотя бы увидеть, а тут – послушать! – Альк, у тебя веревочки нет?

– Попроси, чтоб на косе завязал, – буркнул саврянин, на которого слова горожанки почему-то произвели обратное впечатление, глаза презрительно сощурились мудрецу в спину. – И год не расчесывайся.

– Злой ты, – обиделась девушка. – Завидуешь, наверное.

– Я? Ему?! – неподдельно возмущился Альк. – Чему тут завидовать-то – бороде козлиной?

– Уму!

– Борода и то завиднее.

Впрочем, сказитель так и так скрылся в толпе, догонять поздно. Сменять его на помосте никто не спешил, хотя веселая компания парней пыталась выпихнуть туда самого говорливого, но для похабных частушек тот выпил слишком мало, а для приличных – слишком много.

А на Рыску внезапно накатила тоска по хутору – особенно по длинным зимним вечерам, когда батраки и служанки собирались на кухне вокруг стоящей на полу доски с жиром и поочередно рассказывали байки. Отблески пламени превращали лица в загадочные красно-черные маски, а за спинами шевелились тени, подслушивая и так мастерски воплощая сказочных чудищ, что боязно было обернуться. Однажды кот уронил прислоненный к печи ухват, так даже Цыка заорал от страха: Рыска как раз про медведя-оборотня рассказывала.

– На, поддержи! – Девушка сунула Альку кулек с недоеденными орехами, ухватилась за край помоста и легко на него вспрыгнула. Чья-то сильная нахальная рука успела пихнуть ее под зад, больше помешав, чем подсадив. Рыска поспешно выпрямилась и развернулась, но кто это был, так и не поняла.

На новую сказительницу тут же уставились сотни глаз – одни с интересом, другие недоверчиво. Некоторые, особенно мужчины, разочарованно разворачивались и отходили, даже не дождавшись начала: ну что эта девчушка-простушка им рассказать может? Бабские истории только бабам и интересны, про любовь там или злую свекруху...

Смотрел и Альк, метко кидая в рот орехи из ее кулька. «Пока я тут стоять буду, все сожрет!» – мелькнуло в голове у Рыски, но тут же напрочь вылетело. Парни, которых она опередила, громко перебрасывались шуточками, от которых начинали хихикать и окружающие. Девушки-ровесницы глядели ободряюще, шикая на дружков. Что же им рассказать-то? Рыска торопливо перебрала в памяти свои лучшие байки. Страшные и печальные, пожалуй, не стоит – не то у людей настроение. Надо что-нибудь веселенькое и всем – а не только хуторам – понятное...

Тут Рыска заметила девочку лет семи, прижавшуюся к самому помосту и росточком едва ли с него. Бедно, но чистенько одетая, гладко причесанная, а на конопатой, обращенной к сказительнице мордашке такое восхищение, что грех обмануть ожидания.

– В одной... – Рыска сразу поняла, что говорить надо намного громче, почти кричать. – В одной маленькой веске жила-была девочка, круглая сирота...

Толпа притихла, как дикий зверь, замороженный человеческим голосом. Можно было уже не так рвать глотку, изобразить и хрипатое лесное чудище, и визгливую бабу...

Первой шутке сдержанно улыбнулись, вторая заслужила несколько смешков, а потом словно снежный ком с горки сорвался. Чем охотнее отзывались на байку люди, тем искусней становилась рассказчица. Обилие народа уже не смущало – напротив, наполняло вдохновением, как птичьи крылья ветром. Рыска больше не стояла столбом: махала воображаемым мечом, скакала по помосту за корову, «чаровала» скрюченными пальцами за злого колдуна и за него же падала на колени, моля добру девицу не убивать его, почти совсем раскаявшегося...

Тем временем великий мудрец – видать, привлеченный громовым хохотом – вернулся и встал у помоста, внимательно слушая. Вокруг него тут же образовался почтительный кружок.

– ...и вернулась она домой с победой. – Девушка закончила и выпрямилась, переводя дыхание и убирая с мокрого лба выбившиеся из косы и налипшие прядки.

Восторженный рев толпы стал Рыске лучшей – но не единственной наградой. Не успели отзвучать хлопки, крики и свисты, как по помосту застучали монетки. Одна подлетела к самым ногам сказительницы, и девушка, нагнувшись, подобрала ее и сжала в кулаке. Вот оно счастье – получать деньги за то, что умеешь и любишь больше всего!

Кто-то швырнул и тухлое яйцо, расквасившееся о доски и запачкавшее несколько монет, но это почти не омрачило Рыскиного торжества. Жар, невесть когда присоединившийся к зрителям, расторопно стянул шапку и начал собирать в нее выручку. Даже из яичной лужи не побрезговал вытащить.

– Еще, еще! – одобрительно орали вокруг. – Что там дальше с девкой было-то? А корова так и ускакала?

Воодушевленная Рыска не прочь была продолжить, но тут на помост степенно, по ступенькам, поднялся мудрец Невралий. Зорко осмотрелся, гася шум, как ворвань волны, и мягко, по-отечески обратился к благоговейно уставившейся на него девушке:

– Очень, очень похвально, милая. Язык у тебя хорошо подвешен, да и история забавная, необычная. У тебя определенно есть дар сказительницы, и немалый...

Рыска зарделась, чувствуя себя так, будто сама Хольга спустилась с небес, дабы похвалить ее за праведную жизнь.

– ...поэтому мне больно глядеть, как ты растрачиваешь его впустую, – со вздохом закончил мудрец.

– Где ж впустую? – опешила девушка. – Вон как мне хлопали! Боль... Не меньше, чем вам, – деликатно поправилась она.

– Верно – потому что ты говорила то, что они хотели услышать, – грустно укорил мудрец. – Шуточки, прибауточки, герои даже перед боем друг друга поддразнивают... Пена на волнах истины.

Рыска по-прежнему ничего не понимала.

– А разве это плохо? Мне нравится веселить людей, им нравится смеяться, все довольны...

– Девочка! – в праведном возмущении воздел руки сказитель. – Свинья тоже довольна, когда ей чешут пузо. Людей же надо не развлекать, а увлекать! Пробуждать их разум, заставлять задумываться о вечном, просвещать и прививать мораль!

– Но это же была сказка, – растерянно пробормотала Рыска. – Разве она не может быть просто доброй и веселой, чтоб люди хоть ненадолго забыли о своих бедах?

– Настоящий мастер, – мудрец нравоучительно поднял палец, – не должен растрачивать талант на такую ерунду. Если ты не будешь работать над собой, он уйдет, как вода сквозь пальцы, оставив в горсти только избитые шуточки, над которыми не станут смеяться даже самые преданные в прошлом слушатели... И тогда ты наконец захочешь сотворить истинный шедевр красноречия, но уже не сумеешь и с горя повесишься на вожжах в коровнике.

Рыске показалось, что ее щеки превратились в два угля, пышущие жаром на три шага вперед. Как это – ерунда?! Да она в детстве только такими сказками от «вожжей» и спасалась! Девушка хотела возразить, даже слова половчее друг к другу в уме пригнала, но тут мудрец все с той же благожелательной улыбочкой ткнул пальцем в монетку, которую Рыска безостановочно крутила в пальцах, и заметил:

– А ты нервничаешь, девочка! Значит, сама чувствуешь, что неправа.

Это было так подло и обидно, что ответная речь застряла у Рыски в горле, а взамен из глаз брызнули слезы. Ну конечно, она нервничает: незнакомый город, первое в жизни выступление, беседа с таким великим и уважаемым человеком... Но какое отношение это имеет к предмету спора?! А вокруг ехидно захихикала толпа – та самая, что минуту назад так горячо ей рукоплескала. И начала поддакивать: верно-верно, куда тебе, весковой синичке, до благородного журавля. Самодовольное лицо мудреца поплыло у Рыски перед глазами, в ушах зазвенело.

Доски под ногами дрогнули: на помост вскочил еще один человек. Подошел к Рыске со спины, вежливо оттеснил ее в сторону и, широкой улыбкой призвав собеседника к вниманию, выдал длинную витиеватую фразу на саврянском языке.

Похоже, онный входил в число известных мудрецу одиннадцати, ибо сказитель потрясенно разинул рот, но им не воспользовался.

Альк улыбнулся ему еще раз, отвесил ироничный поклон и, ухватив девушку под локоть, свел с помоста и потащил сквозь толпу. Вслед им понесся многоголосый гогот, но над кем – непонятно.

– Что ты ему сказал? – Рыска неуверенно упиралась и оглядывалась, но саврянин неумолимо тянул ее прочь с площади.

– Да так, всего понемножку. О прелестях юной самки коровы, резвящейся на весеннем лугу после сытного обеда. О долгом и извилистом пути, который, несомненно, приведет уважаемого собеседника к исполнению его тайной мечты. О совершенстве ствола тополя, чья форма идеально подходит для...

– Альк!!! – наконец осенило Рыску. – Ты что, обложил мудреца матом?!

– Вообще-то я собирался оттягать его за бороду, – с сожалением признался саврянин, – но ради праздника решил проявить вежливость и тактичность.

– Ты с ума сошел! – Рыска остановилась. Альк – нет, и теперь девушка ехала башмаками по гладкой брусчатке, как волокуша за волком. – Это же великий мыслитель, он старше и мудрее нас, вместе взятых!

Саврянин жалостливо покосился на спутницу:

– Рыска! Этот тип мудрее тебя лишь потому, что лучше треплет языком! А нес он полную чушь, облекая ее в красивые выпренные слова.

– Мы должны вернуться и извиниться! – настаивала девушка. Она даже попыталась сесть на землю, но оказалось, что ткань штанов скользит еще лучше, а протирается в разы быстрее. К тому же саврянину одобрительно засвистели и заорали из окон какие-то пьянчуги: «Так ее, потаскушку! Ишь строптивая какая попалась!»

– Мы? – Альк, мерзавец, показал им победно согнутую руку.

– Хотя бы я!

– Чтобы он снова начал над тобой издеваться?

– Слово нужно побеждать словом, а не кулаком!

– А я что сделал?

– Я имею в виду – мудрым словом!

Переулки надежно погребли вид на площадь, и Альк наконец остановился, выпустил Рыскино запястье.

– Мудрость рождается в споре равных, а это было избиение младенца, да еще на потеху публике. Такие велеречивые узлы безнадежно распутывать, их можно только хорошенько рубануть.

– Но толпа...

– Что – толпа? Она как ребенок: тянется за цветастым фантиком, даже если внутри полное дерьмо. Ручаюсь – девять из десяти слушателей вообще не поняли, о чем вещал этот «мудрец», но им очень хотелось показаться умными.

Рыска понурилась, чувствуя себя выжатой, как виноградный жмых – одни царапучие семечки да горькие шкурки. Сок же остался там, на площади, жадно выпитый толпой.

– Зря я вообще туда полезла... – пробормотала она.

– Да ладно, – отмахнулся Альк, – я тоже постоял, послушал. Здорово треплешься, тебе бы в балагане выступать. Надеюсь, твой дружок успел прихватить шапку? Там вроде даже серебро блестело.

– Тебе правда понравилось? – недоверчиво встрепенулась Рыска. – А мудрец сказал...

Саврянин фыркнул:

– Еще бы, он ведь тоже в шапку заглянул. Которая могла бы быть его. Выбрось из головы, у тебя там и так мало места для умных мыслей.

Тут Рыску с Альком наконец догнал Жар – он действительно задержался, собирая монеты, а потом еще прохожих пришлось расспрашивать, куда саврянин с девицей пошли.

– Там до сих пор потеха, – с гнусным хихиканьем сообщил вор. – Мудрец принялся какой-то стих читать, прочувственный – аж зубы сводит. А в толпе нет-нет да как захохочут! Сказитель-то улыбается, едко отшучивается, а глаза злые-презлые.

Рыска до конца так и не успокоилась, но повеселела. Особенно когда Жар торжественно вручил ей шапку с деньгами.

– Может, вправду сказительницей заделаться, а? Мне понравилось! И доходно так, оказывается...

– Если бы, – разочаровал ее Жар. – Сегодня праздник, вот толпа и собралась, веселая да щедрая. А ежели каждый день тут байки травить, то хорошо если десяток человек остановится. К тому же тогда помост выкупать придется, а еще стражникам платить, чтоб пьянь и дураков гоняли... Ну его к Сашию!

– А это что? – возмутилась девушка, указывая на по-прежнему болтающуюся у Жара за спиной гитару.

– А? – Вор крутанулся, решив, что Рыска заметила кого-то позади. Злосчастная покража мотнулась вместе с ним. – Ах это... Слушай, совсем про нее забыл! Ничего, в следующий раз отдам.

– А вдруг мы этих цыган больше не встретим?!

«Вот и прекрасно», – читалось в глазах Жара.

– А я купца нашего нашел! – поспешил сообщить он. – Ну то есть узнал, где он живет. Тут недалеко, даже коров можно не забирать. Идем?

– Ага, – согласилась Рыска, покосившись на Алька. Саврянин резко помрачнел, но, не сказав ни слова, развернулся в указанную вором сторону.

Идти действительно пришлось недолго, десять щепок и два поворота, однако на месте кредиторов поджидало разочарование: дверь скобяной лавки была заперта на висячий замок, даже стучаться нет смысла.

– А это точно его дом? – усомнилась Рыска.

– Точно-точно, сказали – над лавкой живет, вход один. – Друг так обиженно уставился на замок, словно лично у него, Жара, с Матюхой было уговорено о встрече, а тот подвел.

– Да он, наверное, на заячьи бои подался, – сообщила не в меру любопытная и болтливая соседка, вытряхивающая половик из чердачного окна дома напротив. – Раньше полуночи не вернется.

– Полуночи?! – изумился-возмутился Жар. – Чего там столько времени делать-то, сейчас же только-только за полдень перевалило?

– Ну так вначале на гулянье, оттуда на боевище, а потом в кормильню, горе заливать, – пояснила горожанка и так взмахнула плотной тряпкой, что Рыску обсыпало песчинками, а на вора свалилсядохлый таракан.

– Горе?

Женщина рассмеялась, втянула половик назад в окошко.

– Так он же невезучий, как первый блин, вечно не на того ставит!

– Невезучий купец? – подняв брови, пробормотал Жар. – Это что-то новенькое.

– Про торговлю ничего не скажу, вроде гладко идет, – признала соседка. – А с зайцами этими у него ну никак не складывается, хоть он их всех по кличкам и в морды знает. В этом году вообще решил свою зайчатню завести, заказал полдюжины аж в самом Шипоне, отдельного слугу клетки чистить нанял...

– Ага, спасибо, тетушка! – Про зайцев Жару было уже неинтересно. А вот страсть купца к ставкам сильно обеспокоила – вор знавал случаи, когда на таких боях спускались целые состояния. Особенно если своего зверяставляешь, считая его лучшим из лучших. Надо ловить должника, покуда не проигрался в пух и прах! – А где то боевище?

– Да вон туда, под горочку и до самого канала. – Соседка захлопнула окно.

– Ой, а я никогда заячьих боев не видела! – округлила глаза Рыска. – Это как?

– Вот заодно и посмотришь. – Жар поправил шапку, покосился на Алька. Саврянин подозрительно вглядывался в узкий переулок, затемненный общей крышей между домами. Даже несколько шагов к нему сделал. – Чего там?

Из тени, будто отвечая на вопрос Жара, выбежали две крысы, большая и поменьше. Без видимой цели покрутились по мостовой и шмыгнули обратно.

– Ничего, – отвернулся от переулкa Альк. – Уже ничего.

Глава 3

Крысы обожают зрелища и, если в доме происходит что-то необычное, непременно выглядывают из нор.

Там же

Заячьи бои, оказывается, начинались только с темнотой, когда зайцы входили в полную силу. До этого на боевище шло обычное гулянье, и в шатер с клетками стража никого, кроме хозяев, не пускала. Жар немного послонялся рядом, отлавливая всех выходящих, и выяснил, что Матюхи внутри нет, его зайцев – тоже и с утра купца никто не видал. Впрочем, все уверяли, что Матюха вот-вот непременно придет, без него ни одни бои не обходятся, тем более – главные ежегодные.

Но прошло две лучины, а купец-зайцелюб так и не появился.

– Может, он нарочно прячется? – с досадой предположил Жар.

– Откуда ему про нас знать-то? – удивилась Рыска.

– А если дедок нашего крыса, – вор зыркнул на Алька, – успел его оповестить?

– Тогда бы Матюха сам меня искал, – отгавкнулся саврянин. – Чтобы общине заложить.

– Так, может, мы с ним и разминаемся весь день?

– Не дури голову. На кой приплетать купца, если за нами и без того путник тащится?

– Отстал же вроде... – неуверенно напомнила Рыска.

– Этот – не отстанет, – зло бросил Альк.

– А что тогда делать? – Девушка не уточнила с кем – купцом или путником, и саврянин выбрал ответ на свое усмотрение:

– Подождем начала боев. От них, судя по слухам, Матюху только смерть удержит.

– А может, попробуем еще погулять, поискать его? – Рыска устала, но какое-то неясное беспокойство мешало ей согласиться с Альком. После разговора с мудрецом никак не успокоится, что ли?

– В этой каше? – фыркнул саврянин, обводя рукой заполоненные людьми улицы. – Мы даже не знаем, как он выглядит.

Жар промолчал, признавая его правоту, и Рыска тоже сдалась. Найти свободные места в кормильне в разгар праздника было не легче, чем беглого купца, и пришлось устроиться просто под стенкой дома, как последним бродягам. Впрочем, таких сегодня было много, даже стража смирилась и не гоняла. Стоило Жару попасть в тень и вытянуть усталые ноги, как он начал задремывать, клонясь головой к Альку на плечо. Саврянин зло отпихнул его раз, другой, потом не выдержал и пересел по другую сторону от Рыски. Жар тут же сполз окончательно, уютно устроившись щекой у подруги на коленях. Девушка шутливо потрепала его по пыльным кудрям, спящий друг расплылся в улыбке, чмокнул губами и пробормотал что-то отнюдь не братское. Рыска смущенно отдернула руку, хотя обращался Жар явно не к ней.

Идущие мимо люди их словно не замечали, только какой-то оборванец запнулся об Алькову ногу и в сердцах бросил что-то насчет падали и саврян. Альк лениво смерил его взглядом – этого хватило. Жара потихоньку шла на спад, сверху, из ящика на подоконнике, доносился одуряющий аромат каких-то цветов, легкое похрапывание друга действовало убаюкивающе, и вскоре девушка тоже начала клевать носом.

* * *

Темнело. Еще лучина – и неясно будет, где тут полено, а где его тень. Цыка поставил на колоду очередной чурбачок, но рубить не спешил. Утер щекочущий брови пот, потянулся,

не выпуская из рук топора, и чуть не уронил его на ногу. Вечно так: покуда работаешь – никто твоего старания не видит, а едва улечишь щечку передохнуть – хозяин тут как тут!

Но на сей раз Сурок не кинулся браниться, даже улыбнулся ласково и рукой махнул: мол, умаялся, труженик, сядь передохни! А я тебя беседой развлеку.

Садиться батрак не стал – постеснялся. Только топор в чурбак воткнул, задом чуя: что-то тут неладно. С Рыскиного бегства уже неделя прошла, а хозяин никак не мог простить Цыке с Михом, что упустили девчонку. Вначале грозился вообще без платы выгнать, потом вроде поостыл, но все равно отравлял жизнь, придираясь по каждой ерунде. Миху-то как с гуся вода, а у Цыки жена беременная, дом недостроенный, сейчас ругаться с Сурком ну никак нельзя, надо хоть до зимы доработать.

– Дружок твой уже к отъезду готовится, – кашлянув, начал хозяин.

– Ага, – осторожно поддакнул батрак. Еще как готовится: прихватил кувшин ледяного вина и утопал в веску к девкам, чтобы душу напоследок отвести. Даже Муха ворчать не посмела – последний же денек вольной жизни, а как оно дальше обернется, неведомо. Гонец с тсецами и путниками дождался конца жеребьевки, записали имена «везунчиков» и уехали, велел добираться в Макополь своим ходом и быть там не позже завтрашнего вечера. Назад поедут – проверят.

– А мои бабы во-о-оют, – вздохнул Сурок, присаживаясь на лавочку под стеной. – Мол, на кого ты нас, кормилец-поилец...

Цыка промышал что-то согласно-сочувственное. Жена с женкой, узнав о постигшем их горе, действительно подняли крик: дурак, пень бородатый, почему сразу с весчанами не договорился?! Небось посулил бы каждому по полсребра, чтоб без него тянули, – с радостью бы согласились! Нет, пустил дело на волю Сашия, потащился с путником советоваться, выгоды искать – а в итоге все потерял!

– Экая глупость, – продолжал Сурок, распаляясь, – хозяина хутора на царскую стройку отправлять! Да царь больше налогу с прибыли недополучит, чем на моем черном труде зарабатывает! Чтоб я камни на старости лет ворочал, позор!

– Так вас небось командовать поставят, – льстиво предположил батрак.

– Да на бычий корень оно мне! – выругался хозяин. – У меня сенокос на носу, пруд копать надо, скот клеймить и разбирать, что на племя, а что на продажу! А если царь нас там до морозов мурыжить будет, это ж вообще развал хутору... – Сурок поерзал на скамеечке, впери в работника тяжелый взгляд и уже без обиняков предложил: – Слышь, Цыка, пошел бы ты вместо меня, а?

– Да ты что, хозяин, Фесське ж моей рожать через месяц! – растерялся батрак. – Как я ее брошу?

– Тю, эти бабы как кошки, – махнул рукой Сурок. – Родит, никуда не денется. Я ей лучшую шептуху в округе позову. Зато вернешься с прибытком.

– С чего бы это? – не понял Цыка. Царь на деньги скуп, хорошо если по паре медек в день заплатит, а то и вовсе зажмет, скажет: на благо государства. Поди возрази – сразу изменником родины объявят, тогда хоть бы вообще домой вернуться.

– Так я ж тебя не так прошу, а по-хорошему! – появственней намекнул Сурок. – Будет твоему первенцу подарок: овечка молоденькая, тонкорунная.

– Да нам вроде как от вески ярко обещали, – почесал затылок Цыка, старательно отводя взгляд. Разговор здорово его тяготил: и отказывать хозяину неловко, и ох как не хочется куда-то уезжать. Избу доделывать надо, жена опять же вот-вот...

– Тогда барашка в пару, – продолжал соблазнять хуторянин. – По весне уже с приплодом будете.

– Да ее в общем стаде и так оседлают...

Сурок и не рассчитывал дешево отделаться – но торги следует начинать с заведомо малой суммы, тем ощутимей будет разница с серьезным предложением. К тому же, чем Саший не шутит, порой находятся дураки, которые даже на гнутую медьку соглашаются.

– А теленка – хочешь?

– Да ты нам и так две... – Батрак настороженно глянул на хозяина. Не сумел купить – так теперь начнет грозить, что заработанное не отдаст? Пусть только попробует, тогда Цыка точно не поленится до города дойти, к судье. Сурково-то имя в тсецкие бумаги вписано, не отопрешься!

Но хозяин это тоже прекрасно понимал.

– Ну надо же – все у них есть! Счастливые, – в шутку позавидовал он. – Только деньги-то – их ведь много не бывает. Вечно на что-то нужны – то корове новый хомут, то бабе платье, то ребенку пряник. Давай, покуда ты там за меня работаешь, я тебе как себе и платить буду? По серебру в день, а?

Цыка медленно присел на край колоды. Сурку удалось-таки его огорошить. Положим, в день хозяин зарабатывал далеко не один серебр, но это все равно было в двадцать раз больше того, что платили батраку. Если подумать, что тут такого страшного? Ходят же весковые мужики на заработки, плоты вон гоняют, лес за рекой рубят. Чем царская стройка хуже? Жена вот только... ну другие же бабы как-то справляются!

– Так... это... – кашлянул он. – Записано ж: Колай, Мих и Викий.

– А кто узнает? Скажешь, что ты этот самый Викий и есть, – заухмылялся Сурок, поняв, что рыбка заглотила крючок – осталось только осторожно подтянуть к берегу.

– Колай с Михом знают.

– Это уж моя забота – память им замутить. Так что, договорились?

– Ну... вообще-то... можно, конечно, только...

– Вот и отлично. – Сурок встал, довольно похлопал батрака по плечу и ушел в избу.

Цыка машинально взялся за ручку топора, расшатал его и выдернул из колоды. Поглядел на полено, поглядел на небо, где уже проклевывались звезды, плюнул и снова засадил.

Надо теперь как-то с Фессей объясняться. Вот дуры-бабы, ради них же стараешься, и все равно – слезы, упреки... Пойти, что ль, Муха догнать, покуда тот все вино не вылакал?

* * *

Рыска проснулась первой, не сразу поняв, где находится и какое сейчас время суток. То ли смеркалось, то ли светало, ныли спина и затекшая шея, а левое плечо вообще онемело от лежащей на нем тяжести. Девушка возмущенно трепыхнулась, и Альк, миглом очнувшись, выпрямился. Потер щеку, на которой четко отпечатался рубчик Рыскиного воротника.

Улица почти опустела, даже побирушки и бродячие псы исчезли. Редкие прохожие – все в одну сторону – распугивали сизые клубочки пыли; те откатывались к стенам, будто сдутые ветром, но, стоило человеку пройти, снова начинали снова по мостовой, подбирая насаженные толпой орехи, семечки и пирожные крошки.

«Да это же...» Девушка с писком поджала ноги.

– Ты чего? – недоуменно покосился на нее Альк. Один из «клубков» как раз обнюхивал его пятку, но саврянин лишь досадливо дрыгнул ногой, шуганув нахала.

– Кры-ы-ысы!

– И что с того? Отвыкла за три дня?

– Их много, и я с ними незнакома!

– Надо же, нашлась дама из высшего света, – ухмыльнулся саврянин. – Что, представить вас друг другу по дворцовому этикету?

– Да ну тебя! – набычилась Рыска.

– Это еще немного, – проснулся и Жар. Сел, смачно потянулся. – И мелкие, тьфу. В макопольских подворотнях порой не знаешь, куда ногу поставить, чтоб не на хвост; сбегаются к отбросам, как тараканы. Тут-то чистенько, жиреть им не с чего...

– Вот и хорошо! – Освобожденная девушка вскочила, навсегда зарекшись жить в Макополе. Крысы шарахнулись, но не слишком убедительно. Как будто из вежливости.

Мужчины тоже поднялись, осмотрелись. Гулянье стекло за мост, к боевищу – теперь пели и шумели там. В окнах реденько горели огоньки – домой вернулись только женщины с маленькими детьми да старики, которым сон уже дороже ночных забав.

– Началось? – прислушался Жар.

– Нет еще, – машинально отозвался саврянин. – Двадцать три к одному.

Рыска тоже была уверена, что можно не спешить, но такая точность показалась ей настоящим волшебством.

– Расскажи, как ты это считаешь? – пристала она к Альку уже по дороге к боевищу. Даже вперед забежала, с надеждой заглядывая саврянину в лицо.

Тихий теплый вечер настраивал на благодушный лад, на Алька и то подействовало.

– На чем вы там в веске гадаете? – ворчливо спросил он, как коровий лекарь, которого попросили осмотреть прихворнувшую курицу.

– На рыбьей ветле, – с готовностью сообщила девушка, – на горошинах еще цветных, желтых и зеленых.

– Ну вот представь, что на столе перед тобой лежат две горошины. Желтая – вероятность, зеленая – противоположность.

Рыска хотела спросить, почему именно на столе – неужто ладони мало? – но побоялась разозлить Алька глупым вопросом. Задала более важный:

– А если вероятностей несколько?

– Все рассматривают поочередно, такими вот парами. Необходимо сосредоточиться на том, что ты пытаешься угадать, и соотнести это с горошинами. Если совместятся – вероятность события один к одному.

– А если нет?

– Представляешь три горошины, одну желтую и две зеленые. Или две желтые и одну зеленую, если чувствуешь, что вероятность больше противоположности. И так до победного.

– Но их же целая тыща может быть! – изумилась Рыска. Так вот зачем целый стол!

– Больше сотни обычно не считают, и так ясно – пустышка.

– Так ведь пока даже сотню напредставляешь, полдня пройдет!

– Это поначалу. Потом оно машинальным становится, как любой навык, сразу нужное количество перед глазами встает. Хм... – Саврянин заметил кое-что интересное, подошел поближе.

В темном проулке-тупичке стояло невысокое, рукой до крыши достать, строение. На двери висела табличка: «Вход – 1 медька», а под ней виднелась щель хитрого стального устройства, отпирающего замок только после брошенной туда монетки. Несмотря на более чем приличный и недавний вид постройки, запах она источала убойный – не иначе как горожане таким незамысловатым способом выражали протест против нововведения.

– Ринтарцы, – брезгливо поморщился Альк. – Темный, бескультурный народ! Ты погляди, как наместник для них расстарался: внутри же небось и приступочки удобные сделаны, и пол каменной плиткой выложен, и подвальные лопушки на подносе лежат. Цивилизация! А горожане, чтоб их, такое начинание опаскудили...

Саврянин обошел платный сортир по кругу, воровато косясь по сторонам, чтобы в итоге пристроиться у самого неприметного с улицы угла.

– Ты что делаешь?! – Рыска едва успела отвернуться. За спиной громко зажурчало. – А кто только что рассуждал о темноте и бескультуре?!

– Я-а-а-а... – блаженно отозвался Алык. – Но монеты мне жалко, а в этом месте город все равно уже испорчен. Так что лепту в поддержании уличной чистоты это строеньеице определенно внесло!

«Хорошо еще, что ему живот от пирога и орехов не прихватило, – сердито подумала Рыска. – После трехдневной голодухи-то».

– Жар, слушай... Жар?

Друг куда-то исчез. Журчание, почти сошедшее на нет, возобновилось с новой силой. Судя по бурному издевательскому перешептыванию за сортиром, спутники улучили момент и померились-таки и теперь спорили насчет результатов.

Рыска покачала головой и назло бесстыдникам кинула медьку в щель. Замок мелодично тренькнул, дверь приоткрылась. Девушка сунулась внутрь, но тут же зажала нос и поспешила ее захлопнуть. Алык недооценил мстительность горожан. Некоторые из них не пожалели монет, дабы изгадить оплот чистоты и изнутри.

– Стража идет! – припугнула Рыска.

– Врешь, – презрительно отозвался белокодый, но из-за сортира спорщики все-таки вышли, с разных сторон, на ходу затягивая пояса.

В темноте боевище выглядело совсем иначе, ибо темноты как таковой не было: площадь освещали сотни факелов, чад от которых сползся в низкое черное облако. Клетки с зайцами вынесли из шатра и расставили в рядочек, вдоль них прохаживались зрители, выбирая возможного победителя. Неподалеку принимали ставки – солидно, под охраной, выдавая расписку даже на одну принятую медьку. Там стояла немаленькая очередь, но еще горячее люди бились об заклад между собой, мальчишки и те на плюшку против кренделя спорили.

Рыска, как самая худенькая в компании, первой протолкалась к клеткам, заглянула. Внутри поодиночке сидели бойцовские зайцы: матерые, большеголовые, полосатые, с вислыми, как у овец, ушами. То один, то другой принимался грозно хрюкать и топтать задними лапами. Остальные тут же подхватывали, и ящики начинали вразнобой трястись. Хозяева, присев на корточки, сюсюкались с грозными зверями, гладили через решетку, успокаивали.

– Шипонская порода, – благоговейно шептались знатоки за Рыскиной спиной. – Драчливые – жуть! В прошлый раз чуть разнимающего не загрызли.

В самой большой клетке вальяжно лежал на охапке сена прошлогодний чемпион, черно-кремовый Лучик. Широкий лоб прорезала ложбинка, говорящая о чистоте породы и крепости черепа. Кокетливая синяя ленточка на шее только подчеркивала бугрящиеся подле нее мышцы. Заяц презрительно игнорировал тсорящую вокруг него суету, и только свирепо шевелящийся нос говорил о готовности рвать и метать.

Позади продолжали шушукаться, и Рыска узнала, что по весне, когда шипонские зайцы токуют, в лесу нередко находят задранных ими волков.

– Матюха появился? – Жар поймал за рукав уже знакомого зайцеводца.

– Не-а, – чуток растерянно ответил тот. – Странно, он на той неделе три дня за мной хвостом ходил, чтоб я его зайцев оценил... самому уже любопытно стало, что ж он в том Шипоне прикупил.

– Ага, – поддержала его сидящая на клетке дочка, смуглая шустрая худышка. – Говорил, что одного даже выставить будет. Ой! Лучик, не балуй!

Сидящему в клетке зайцу надоели ноги в сапожках, мельтешащие перед решеткой, и он больше из любопытства, чем всерьез прихватил девчонку за пятку – к счастью, из толстой жесткой кожи.

Зайца отцепили как раз вовремя: низкий и гулкий звук дудука (более резкий инструмент мог напугать нервных животных) возвестил о начале состязаний.

– Крысий купец, – разозлился Жар. – Куда он запропастился? Зайцы его сожрали, что ли?

– Да вы что! – возмутился зайцеводац, отрываясь от разглядывания дырок в сапоге. – Это же милейшие звери, если нарочно не дразнить! К тому же мяса им нельзя – понос пробегает! Погладить хотите?

Лучик облизнулся, смешно, поочередно двинув половинками верхней раздвоенной губы. Язычок был узкий и розовый, зубы – длинные, похожие на крысиные, только посветлее и пошире.

– Нет, спасибо! – Рыска попятилась, и ее тут же вовлекло в общий поток: толпа отхлынула от клеток, устремившись к шестиугольным площадкам, огороженным невысокими, по пояс, заборчиками. Распорядитель боев громко объявлял, какую пару зайцев куда сажают. Каждому игроку хотелось, разумеется, взглянуть на поединок «своего» бойца, так что в толпе возникли завихрения, одно из которых на диво удачно прижало Рыску со спутниками прямо к заборчику.

– Ты на кого ставила, красotka? – прицепился к девушке какой-то забулдыга с алчным взглядом и пачкой расписок в судорожно стиснутом кулаке.

– Ни на кого. – От мужика разило несвежим потом, и Рыска попыталась от него отодвинуться, но проще было в землю закопаться – так тесно стояли люди.

– А хошь, посоветую?

– Не хочет. – Жар, стоящий за Рыскиной спиной, решительно всунул руку между подругой и забулдыгой, хоть так их разгородив.

Мужик понял, что «тележка при быке», отвернулся и начал цепляться к кому-то справа.

– Кстати, могли бы пару монет поставить, раз уж все равно здесь. – Жар панибратски ткнул Алька локтем в бок: – Ну, на которого, везунчик?

– Закатай губу, шулер, – прошипел саврянин, отбивая его локоть своим. – Ты что, не знаешь, что на таких состязаниях всегда пара переодетых путников околачивается? Сами зайцеводцы скидываются и приглашают, просто постоять. Нет у нас здесь дара. Только случайная удача, как у прочих игроков.

– Сдается мне, что вас чаще не работать нанимают, а друг другу мешать, – разочарованно заметил Жар.

Альк сердито блеснул глазами:

– Сторожей тоже только из-за воров держат.

– Но чтоб сторожей из-за сторожей?!

– А как рать из-за рати? – подобрал более удачный пример саврянин. – Чуть шпионы донесут, что у противника на одну катапульту больше, – надо срочно и себе достраивать...

Тут на боевище запустили зайцев, и разговор оборвался.

Выпущенные из темных ящиков звери пару щепок удивленно моргали, застыв на месте и давая зрителям себя разглядеть. Один был чуть больше и худее, черно-белый, другой рыже-черный, кругленький как колобок. Рыске он сразу приглянулся, особенно когда девушка услышала, что его противника зовут Шошка. Черно-белый тут же оправдал свое прозвище, первым бросившись на врага. Тот в последний миг подпрыгнул, и зайцы схлестнулись грудь в грудь, сцепились и волчком закружились в жестоком танце. Над площадкой поднялись клоки шерсти. Толпа орала как бешеная, подбадривая любимцев. Зайцы безмолвствовали, остервенело вгрызаясь друг другу в морды. На заборчик брызнуло первой кровью, еще больше опьяняя зрителей.

Рыска поняла, что это зрелище ей совершенно не нравится, но деваться было некуда. Разве что вперед, к зайцам. Девушка обернулась, ища поддержки у друга, но тот азартно вопил и улюлюкал, выбрав в победители черно-белого. Альк смотрел спокойно: руки сложены на груди, губы загадочно искривлены – не то улыбка, не то просто оценивает шансы обоих. Пряма-таки Саший, любующийся, как дерутся стравленные им соседи.

Пришлось глядеть дальше.

Вскоре стало ясно, что черно-белый берет верх. На воле рыжий сдался бы и пустился наутек, но тут ему деваться было некуда, и биться пришлось уже не за первенство – за жизнь.

Разнимающий поднял ведро с водой, но пока медлил – бывало, что совсем сложивший уши заяц неожиданно воспревал и задавал врагу взбучку похлеще полученной.

Рыска стиснула кулаки. Это не бой, а бойня какая-то! А тут еще хозяйка Шошки, худая противная тетка с горячечно блестящими глазами, перегнулась через край ограды и визжит:

– Давай добивай его, малыш!

Ладони защипало. Рыска помнила, что сказал Альк – дар тут бессилён, – но почему бы не помечтать? Вот сейчас рыжий ка-а-ак вырвется, ка-а-ак даст врагу затрещину, чтобы кубарем покатился, а потом подпрыгнет – и противную тетку за нос...

Девушка чуть откинулась назад, вжавшись спиной в чью-то грудь. Ну давай же, рыженький...

И тут сквозь Рыску словно поток тепла хлынул, сверху вниз, наискосок и вперед. Боевище раздвоилось. Рыжий заяц лежал окровавленной тряпкой – и одновременно кругами гонял противника вдоль заборчика, и эта картинка все крепла, оттягивала в себя краски, становясь единственной...

А потом что-то так садануло Рыску по затылку, что в глазах у нее потемнело. Девушка качнулась вперед, судорожно вцепилась в край заборчика, но это только навредило – от следующего тычка она не просто свалилась в загон, а с переворотом на спину.

– Ай!!

– И-и-и, девку зайцы рву-у-ут!!! – тут же заголосила какая-то баба с богатым воображением.

– Человек упал!

– Разнима-а-ай!

На Рыскино счастье, перепуганные зайцы тут же расцепились и, отчаянно работая лапами, выкарабкались из-под рухнувшего на них тела. Хозяева изловили их за шкиряки и, поддерживая под зады, вытянули из загородки.

– Эй, девка! – Над распростертой, оцепеневшей, как лягушка, Рыской веночком нависли встревоженные лица. – Ты цела?!

Девушка как раз пыталась это понять. Наверное, все-таки да, хотя копчиком приложилась знатно, и голова гудит.

– Давай вставай! – К Рыске потянулось сразу несколько рук, кто-то вообще перелез через забор, ухватил ее под мышки и рывком поставил на ноги.

Девушка, морщась, потерла затылок – и обнаружила, что большинство людей смотрит не на нее, а куда-то по ту сторону ограды, где идет не учтенная в ставках драка. Жар и Альк сцепились не хуже зайцев, только что зубы в ход не пускали. Судя по тому, что сверху был вор, он ударил первым и без предупреждения. Торжеству Жара вряд ли суждено было длиться долго, но тут разнимающий привычным широким взмахом выплеснул на драчунов не использованную на зайцев воду и грубо заорал:

– А ну живо утихи, придурки! Щас стражу позову!

«Стража» подействовала на Жара лучше воды. Каковой, кстати, на вора пришлась большая часть, зато Альку залило глаза, и ошарашенных противников живо растащили в стороны.

– Щас ты у меня лекаря звать будешь, – пообещал саврянин, раздраженно стряхивая держащие его руки. Над бровью у Алька успела набухнуть шишка, но ладонью он прижимал почему-то нос. – Пустите, идиоты! Не буду я больше об это дерьмо мараться.

Сидящее в луже «дерьмо» попыталось пнуть его ногой, но не достало.

– А что случилось-то? – недоуменно пробормотала Рыска.

– Она еще спрашивает! – возмутился Альк, поворачиваясь к ней и убирая руку от носа. Ничего такого страшного девушка на нем не заметила, весь на месте.

– Он еще возмущается! – Не помогай Жар подруге выбраться из загородки, драка закипела бы по новой.

– Чего, не на того поставили? – сочувственно уточнил забулдыга. – Бывает! Мне тоже раз моя баба насоветовала... С тех пор ее, змеюку, даже близко к боевищу не подпускаю.

– А ну заткни пасть! – одновременно вызверились на него Альк с Жаром.

– Вон отсюда, все трое! – лопнуло терпение у разнимающего. – Не умеете проигрывать, так не играйте!

– Да мы вовсе... – Жар осекся, поняв, что спорить бесполезно. Подхватив Рыску под локоть, парень стал пропихиваться к выходу с площади – благо толпа немного расступилась, пришла в движение: отсмотрев первый бой, люди принялись меняться местами у загончиков.

– Так что произошло-то? – жалобно повторила Рыска, когда им удалось выбраться на широкую пустынную улицу.

– Он тебя ударил. – Жар метнул на Алька ненавидящий взгляд. Бредущий по другой стороне улицы саврянин ответил ему тем же. – Ни с того ни с сего.

– Ни с того?! – аж споткнулся Альк. – Да она меня зажгла!

– Чего-о-о? – Вор поглядел на него, как на сумасшедшего. – Не дымишься вроде.

– «Свечу» зажгла. – Саврянин был так зол, что еще чуть-чуть – и точно дым из ушей повалит. – Эта коза безмозглая потянула из меня дар!

– А тебе жалко? – по инерции огрызнулся вор. Ну дела!

– Нет, что вы, пользуйтесь на здоровье! – издевательски предложил Альк, почти срываясь на крик. – Ерунда какая – будто раскаленную спицу с размаху в нос вбила! Еще чуть-чуть – и кровь хлынула бы!

– Ой... – Рыска так растерялась и виновато ссутулилась, что даже Жар перестал костерить саврянина.

– Зачем ты это сделала, дура? – допытывался Альк, перехватив инициативу. – Ты же даже не ставила!

– Он такой хорошенький бы-ы-ыл, – всхлипнула девушка, чувствуя себя хуже некуда. Выходит, вся эта заваруха из-за нее?! Оба спутника мокрые, злые, побитые, с боевища их выгнали, как теперь купца искать – непонятно...

– Кто?!

– За-а-айчик... ры-ы-ыженький... мне его жалко стало...

– А меня не жалко?!

– Тебя то-о-оже... Я не зна-а-ала... Я неча-а-аянно!

– Так ему и надо, – вмешался Жар, не давая Альку окончательно заклевать подругу.

И, повернувшись к саврянину, жестоко добавил: – Ты же крыса. Тебя для этого и создали.

– Для *этого*? Чтобы тупоумные весчанки зайцам подсуживали?

– А ты большего и не заслуживаешь! Бить-то зачем было? Девушку?!

– Ты ее вообще к зайцам кинул, – злорадно напомнил Альк.

– Я-а-а?!

– Ну да, это ведь ты ее в спину пихнул, когда драться полез.

Жар смутился – он был уверен, что Рыскино падение тоже на совести саврянина.

– Так я ж нечаянно!

– Вон одна уже воет. Нечаянно.

– Я не во-о-ою-у-у...

Альк напоказ заткнул уши и ускорил шаг.

– Да плюнь ты на него, – попытался ободрить Рыску Жар. – Пусть не приbedняется. Если б он у путника остался, ему б каждый день так доставалось.

Девушку это не утешило. Хороша спасительница – от одного мучителя избавила, чтобы самой измываться! Только пореже.

Саврянин неожиданно замедлил шаг и сместился к середине мостовой. Опустил руки, походка стала мягкой, крадущейся. На улице как будто резко похолодало и потемнело, заставив Рыску теснее прижаться к Жару. Крысы осенними листьями разбегались в стороны, уступая им дорогу. Только – шур-шур-шур...

Дом Матюхи по-прежнему казался нежилым – ни огонька в окошке, ни дымка над трубой.

А самое поганое: на крыльце сидел «старый знакомый», положив на колени путничий меч в ножнах.

Глава 4

*Крысиная схватка свирепа и беспощадна.
Там же*

– Ну как, нашли купца? – сочувственно, с живым интересом спросил путник.

– Нет, – наивно призналась Рыска. Альк коротко на нее зыркнул, и девушка в который раз ощутила себя дурочкой.

– Чего тебе здесь надо? – в свою очередь обратился саврянин к «знакомцу».

Между ними, вдоль нижней ступеньки, пробежала здоровенная крыса. Альк ее словно не заметил, путник же с интересом проследил за тварью до виноградной лозы на углу дома. Крысе его внимание очень не понравилось, и остаток пути она отмахала длинными скачками, с разбегу нырнув в листованую шаль.

– Да так, понадеялся, что вы сюда тоже придете, – с сожалением оторвался от зверька путник. – Хотя вообще-то очень неосмотрительно, Альк. Тут ведь могла быть засада.

– Могла?

Путник демонстративно отложил меч на крыльцо, рядом с собой.

– Я же сказал: мне нужно с тобой поговорить. Пойдем где-нибудь сядем, возьмем пивка...

– Проваливай отсюда.

Путник вздохнул, покачал головой:

– Альк, ты ведешь себя как обиженный мальчишка. Где твоя дипломатическая выдержка, посольская расчетливость? Даже с заведомым врагом следует общаться вежливо – хотя бы в надежде выведать его планы.

– С врагом. Не с предателем.

Путник коротко хохотнул:

– Божиня, что за глупости! А если бы тебя отец ремнем выдрал? Тоже – предательство?

У Алька только жилка сбоку шеи дрогнула.

– Проваливай.

Рыска неожиданно поняла, кого они ей напоминают: двух котов, столкнувшихся в огороде. Оба замерли, вздыбились, глаза выкатили и воют друг на друга. Может, сейчас подерутся, а может, до утра так простоят.

– Давай ты меня хотя бы выслушаешь, а? – мягко предложил путник. – А потом спокойно подумаешь и решишь.

– Я не желаю иметь с тобой никаких дел, даже если речь пойдет о моей жизни, – неумолимо отчеканил Альк.

– А если о... – путник покрутил кистью, подбирая словцо, – виде? Или тебе уже и так хорошо? Приспособился?

– Вполне, – и бровью не повел саврянин. Как будто не он недавно за нос держался и Рыску костерил!

– Я же о тебе забочусь, дурак, – сменил тон путник, и стало ясно, что с Альком их связывает нечто большее, чем простое знакомство. Родство? Старая дружба? – Мне-то как раз проще выполнить задание общины и умыть руки.

– Спасибо, ты обо мне уже позаботился, – язвительно напомнил Альк.

– Я голосовал против.

– Ты должен был мне сказать!

– Нет, – уверенно возразил путник. – И ты бы тоже не сказал.

– Я бы не лгал!

– Альк...

– Вон!

Где-то на крыше завывали коты, настоящие.

– Вот послал Саший наказание... – пробормотал путник, понурившись. – Действительно убить его, что ли?

– Не надо! – вырвалось у Рыски.

– Ага, – поддержал ее Жар. – Дайте хоть купца дожидаться, он нам сто златов должен.

Путник оглянулся назад и вверх, на темные окошки:

– Сдается мне, что не дождетесь.

– Почему? – насторожился вор. Прирезал он Матюху, что ли? Или просто велел не путаться под ногами, пока видуны будут выяснять отношения?

– Вот уж чего не знаю – того не знаю, – развел руками путник. – Просто предчувствие. Да вон у подружки своей спроси – ей, поди, тоже не хочется напрасно здесь стоять.

Рыске действительно не хотелось, но из-за дурного соседства, а не предчувствия. После знакомства с макопольским путником она опасалась их не меньше, чем Жар – стражи. Хотя этот вроде ничего, человек как человек. Лицо усталое, голос доверительный.

– Говорю же, пойдемте в кормильню, – продолжал соблазнять он. – Есть тут поблизости хорошее местечко, поросятину по настоящему чуринскому рецепту готовят, в лимонной карамели. Я угощаю.

Вор сглотнул слюну, но Рыска продолжала глядеть исподлобья, наполовину прячась за Жара. Пытается подольститься к саврянину через его спутников? Это он зря, Альк же сказал, что они ему не друзья...

– Не разговаривайте с ним, – тем не менее достаточно ревниво одернул белокопый. – Этот тип ничего не делает и не дает просто так.

– А сам-то?! – праведно возмутился путник.

Но у Алька сегодня и без того выдался тяжелый вечер, и красноречие саврянин предпочел оставить клинку, вытянув его из-за пояса.

– Так ведь убью тебя, козла упрямого, – тоскливо сказал путник, тоже протягивая руку за мечом. – Куда «свече» с путником сражаться, я ж твой дар против тебя же обращаю...

– Ты меня уже убил.

– Ох ты, горюшко... – Путник поднялся, морщась и потирая спину. – Прострел уже из-за него заработал, на камнях сидя, теперь еще скакать старика заставляет... А чего вы мокрые-то такие? – с легким изумлением спросил он, спустившись по ступенькам и только сейчас заметив плачевное состояние одежды Алька и Жара. – Дождя же вроде не было.

– Вспотели, – не удержался, съязвил вор.

Путник поглядел на них с удвоенным интересом:

– Чем же для этого надо было заниматься, да еще на пару?

Альк взмахнул мечом. Путник отбил, с отнюдь не старческой ловкостью отпрыгнув в сторону, к середине улицы, где больше простору. Саврянин последовал за ним, снова вызывая клинок на клинок, но до по-настоящему серьезного боя дело не дошло: окно над головами поединщиков распахнулось, и оттуда выглянула уже знакомая тетка-соседка.

– Вы чего это удумали, а?! – визгливо заорала она. – Ночь на дворе, добрые люди только заснули, а они тут ржавьем бренчат, улицу кровищей загаживают! Идите вон на площадь и там махайтесь, если невтерпех!

– А ну закрой ставни, покуда сама цела! – рыкнул на нее Альк.

Тетка наклонилась, показав широкую, обтянутую ночной рубашкой попу, чем-то там побренчала и снова высунулась из окна – сразу с двумя ночными горшками в руках.

– Ну?! – грозно спросила она.

Друзья и враги дружно шарахнулись от окна.

– Вот бешеная баба, – выругался Жар. – Слышь, тетка, ты вон в тех двоих целься! Мы с подружкой тут ни при чем!

– Ниче, – воинственно отозвалась та, – до всех добрызнет!

Пришлось отбежать еще дальше, в переулочек, где даже ножом толком не размахнуться.

– Кто там, солнышко? – сонно поинтересовался мужской голос за теткиной спиной.

– А, оборванцы какие-то, – громко, чтоб и в переулочке услышали, ответила соседка. – Весь день у Матюхиной лавки околачивались, небось грабануть хотели, да я их спугнула!

– Ничего себе заявленьице! – оскорбился Жар. – Да если б я вправду к купцу залезть хотел, шиш бы ты чего заметила!

– Оборванцы?! – пробормотал и путник, оглядывая свой дорогой костюм.

Торжествующая тетка со стуком поставила горшки на подоконник, в упреждение новых шумов, и вернулась в постель.

Альк перевел взгляд на путника.

– А может, все-таки в кормильню? – тоскливо спросил тот. Теперь, когда видуны стояли бок о бок, было видно, что белокопый выше на полголовы, зато путник кражистей, матерей.

Саврянин неумолимо сдвинул брови.

– Или до утра хотя бы подождете? – с надеждой предложила Рыска.

В конце переулочка послышались торопливые шаги. Альк резко обернулся, однако это оказался всего лишь худосочный паренек лет пятнадцати, в штанах и башмаках, но почему-то без рубашки.

– Ой, дяденька, миленький, не надо!!! – заблажил он, прижимаясь спиной к стене и загромождаваясь руками. – Честное слово, у меня ни медечки нет, даже рубаху проиграл!

Альк недоуменно поглядел на трясущегося паренька, потом на меч, который продолжал сжимать в руке, направив парню в пах, все понял и досадливо махнул клинком вдоль улицы.

– Иди, дурак, куда шел. Мы не грабители.

Паренек замешкался, не сразу поверив, что саврянин не шутит, потом по-крабьи, боком, выскочил из переулочка, бормоча всякую ерунду вроде «дай вам Божиная здоровья, люди добрые!» и «хвала Хольге, попустила!».

Альк и путник снова уставились друг на друга.

– Давай и впрямь до утра огложим, – ухватился за Рыскину подсказку путник. – Высохнешь, успокоишься...

– Не надейся, – презрительно бросил саврянин. – Я не изменю своего мнения.

– Ой, гляди! – отчаянно потеряла его рукав девушка – единственная, кто проследила за пареньком. А тот, между прочим, поднялся на крыльцо Матюхиного дома и теперь ковылялся ключом в замочной скважине!

– Эй, ты, стой!!! – Вся компания кучей, чуть не сбивая друг друга с ног, вывалилась из переулочка.

Завидев такое внимание, парень принялся вдвое усерднее греметь замком, но только выронил ключ и понял, что теперь точно не успеет укрыться за спасительными стенами. Когда «неразбойники» полукольцом обступили жертву, она закатила глаза и начала тихо сползать по двери.

– Ты чего, тут живешь? – с азартом загнавшего дичь охотника уточнил Жар.

– Я-а-а...

– Что-то мелковат он для купца, – недоверчиво сказала Рыска.

– Я-а-а-а...

Альк сердито, чуть не отчекрывив себе причинное место, сунул меч за пояс, в ножны-носок. Спohватившись, оглянулся, но путника уже и след простыл.

Паренек сглотнул, слегка прояснился взглядом и затараторил:

– Это дядьки моего лавка, я ему там помогаю, хотел вот рубаху рабочую взять, а то мама скандал подымет, если голышом домой заявлюсь... Я кричать буду!!!

– Кричи, – равнодушно позволил Альк, кивая на стоящие на подоконнике горшки. Парню, видать, они тоже были знакомы, потому что он сразу захлопнул рот и сник.

– А где сам дядька? – продолжил допытываться Жар.

Рыска услужливо наклонилась, подобрала и подала пареньку ключ. Тот вцепился в него, как сова в мышку.

– Он нам денег должен, – доверительно пояснила девушка. – По расписке.

– А-а-а... – Парень чуток оттаял. – Ну так отдаст, он честный, не бойтесь!

– Прекрасно, но где он?! – уже с раздражением повторил вор.

– Не знаю, – растерянно признался купцов помощник. – Он вчера говорил, что, наверное, с утра навстречу обозу выедет – так ему невтерпех на купленных зайцев поглядеть. А у меня сегодня выходной, я днем к лавке и не подходил!

– Слышь, паря, а может, ты сам нам деньги отдашь? – оживился Жар. – А то надоело уже за твоим дядей бегать!

Рыска полезла за пазуху за распиской, но парень испуганно и виновато потряс головой:

– Он казну на ночь прячет, я даже не знаю где.

– Вот зараза... – Вор поскреб макушку. Волосы почти высохли, частью слиплись, а частью завихрились. – Когда этот ваш обоз должен был прийти?

– Да как обычно – к обеду. Ну, может, к вечеру, если ось сломается или дорогу развезло...

– Дождя вроде не было... – задумчиво повторил Альк слова путника. – По какой дороге идет обоз?

– Которая через Курий пупок и по Нилькиному мосту.

– С какой стороны города, балда? Я что, все ваши пупки-мосты должен знать?

– Через южные ворота, первые три лучины прямо, – послушно поправился парнишка.

– Ага. – Альк побарабанил пальцами по стене, глядя на крысиную нору у ее основания, потом вскинул голову: – Ну, поехали навстречу.

– Ночью?! – растерялась Рыска.

– А чем еще заняться? Видала, сколько народу на праздник съехалось? Все ночлежные места небось еще за неделю выкупили. Или опять под стенку хочешь?

– Не-а-а, – поежилась девушка. На остывших камнях, крысы опять же... В лесу хоть костерок развести можно и ельничка наломать.

Спутники сошли с крыльца, но теперь парнишка сам их догнал.

– Дяденька, возьмите меня с собой! Что-то я за дядю тревожусь, ему и вправду давно бы дома быть пора!

– Иди домой, заяц щипаный, – цыкнул на него Альк. Не хватало еще одного бестолкового труса себе на шею вешать!

– Мама, наверное, волнуется, у окна сидит, – укоризненно добавила Рыска.

– А, – уныло махнул рукой парень, – она привычная. Я на заячьих боях обычно до самого утра пропадаю, ну или покуда не проиграюсь.

– Достойный племянник своего дяди, – фыркнул вор. Он-то как раз взял бы купчишку, пусть бы дорогу указывал, но тогда придется сажать его на свою корову, а Жару на одного себя еле-еле верховой сноровки хватало.

Парень разочарованно вернулся к лавке, а любители ночных прогулок отправились забирать коров. У коровязи их не сильно убавилось: заячьи бои были в самом разгаре, и ловкие ребята, снявшие кусок улицы под коровью стоянку, за сутки выручили больше, чем если бы год эту скотину разводили.

Рыска рассчиталась с льстивым коровнюхом, надеявшимся выцыганить пару монет на пиво. Девушка его намеков, увы, не поняла – в веске оговоренная плата считалась окончательной, брать сверх нее было даже стыдно, и Рыска не стала «смущать» мужичка.

– А как ваших коровушек кличут? – попытался он подлизаться тогда к Жару, угадав в нем более понятливого.

– Бо... – Вор осекся. – Бочка, Стрелка и Милка.

– Ну-у-у, – разочарованно протянул мужичок. – Я б таким красавицам позвучней имена придумал!

Жар насупился и выхватил у него поводья Болезни. К Альку коровнюх даже подходить побоялся, только убедился, что саврянин отвязывает свою корову, а не какую-нибудь получше.

* * *

В поле за городскими воротами горело несколько десятков костров, паслись стреноженные коровы и стояли телеги. Охраняли их по большей части подростки и женщины. Они, может, тоже не отказались бы поглазеть на бои, но ведь добро разворуют, а городской постой дорог!

– Вон и наши цыгане! – обрадовалась Рыска. Не заметить табор было сложно – он расположился вокруг самого высокого и яркого костра, старая цыганка била в бубен, три молодки извивались в зазывном танце.

– Не-э-эт! – Жар горько пожалел, что днем не вышвырнул покражу в канаву и не солгал Рыске, что отдал. – Давай на обратном пути, а? Никуда они отсюда не денутся, тем более у них бубен есть.

– А может, им и гитара нужна?!

Вор вслушался:

– По мне, бубна вполне хватает.

– Жар!!! Давай езжай, мы с Альком тебя здесь на дороге подождем.

– Еще чего. – Теперь заупрямился саврянин. Мокрая рубашка и холодный ночной ветер не располагали к стоянию в чистом поле, а до табора было не так-то близко. – Не умрут они до утра без этой несчастной гитары. Или пусть ворюга догоняет.

– А мы до утра проедем? – испугалась Рыска.

– Купчишка говорил, до развилки три лучины обозного ходу. Ну мы впотьмах тоже скакать не будем, столько и выйдет, – прикинул Альк. – Сдается мне, этого хватит. А назад уже засветло, наверное.

– Но цыгане могут...

– Дай-ка мне эту проклятую гитару, – таким тихим страшным голосом сказал саврянин, что Жар понял: сейчас предмет спора скоростно испортится, и хорошо если о дерево, а не о чью-то голову.

Вор сделал вид, что не расслышал, и поспешно сдвинулся к обочине, чтобы белокопый не смог дотянуться до его трофея. Рыска обиженно сморщилась, но бросить последний камешек в чашу Алькова терпения не посмела.

В Зайцеград спутники приехали с другой стороны, и нынешняя дорога была им незнакома. Широкая, ровная, она вела в столицу, и власти о ней заботились: подсыпали, когда размывало, вовремя чинили мосты и разбирали завалы после буреломов.

– Хорошая ночь, светлая, – одобрительно заметил Жар.

Лунный свет серебрил высокую траву, как воду. В ней трескуче перекрикивались перепела, заглушая немногочисленных еще кузнечиков. Дорога просматривалась до самого горизонта, на котором лежала лохматая шкура леса.

Альк, напротив, неприязненно косился то на безоблачное небо, то на оставленный город.

– Не люблю полулуние, – неожиданно признался он. – В такие ночи община проводит обряд посвящения в путники... или в крысы. В Пристани никто не спит, даже младшие ученики сидят на кроватях и гадают, на кого падет какой выбор.

– А луна растущей должна быть или убывающей? – подозрительно уточнил Жар. Выходит, Алык им наврал или сам запутался и прошло уже два месяца?

– Без разницы. Главное, яркая и открытая. *Тогда* росла... У нас считалось, что она более счастливая. – Белокосый горько хмыкнул.

Вор немного успокоился. Полтора месяца, значит. Хотя кой-кому, по словам саврянина, и одного до полного окрысячивания хватало...

– А как путники это делают? – робко спросила Рыска, опасаясь, что Алык снова нахамит в ответ.

Но поглощенный воспоминаниями саврянин негромко отозвался:

– Все наставники собираются в особом зале – есть такой в каждой Пристани, на верхнем этаже, с глухими стенами и слюдным окном в крыше, – и по очереди вызывают испытуемых.

– А отказаться можно?

– Некоторые отказываются... но очень редко. Никто ж до последнего не знает, что ему присудили. Впрочем, мой наставник оценивал новых учеников всего за несколько занятий, делился со мной по секрету: эх, вон из того и того путников не выйдет, сразу ясно... и почти никогда не ошибался.

– А о тебе он что говорил?

После долгого молчания Алык с трудом расцепил зубы, уже начавшие похрустывать.

– Говорил, что я лучший его ученик за все годы. Что меня ждет большое будущее. Что он уже стареет и ему нужен помощник... Теперь я понимаю, что он имел в виду. Он ковал меня, как меч, себе по руке. Следил за моими успехами, как птичник за гусем, выпасал, откармливал знаниями... чтобы в итоге сожрать.

Саврянин оглянулся еще раз, но дорога за ними оставалась пуста.

– Это он, да? – тихо спросила Рыска.

Алык промолчал.

* * *

На въезде в лес девушке стало как-то не по себе.

– Алык, – неуверенно окликнула она, – ты чувствуешь?

– Ага, – отозвался саврянин, продолжая ехать вперед. Рыска забеспокоилась еще больше.

– Может, вернемся?

Алык упрямо тряхнул косами:

– С шошем прогноз был куда хуже, но обошлось же.

– Пронос? – не поняла девушка. – Так беги скорей в кусты!

– Прогноз, дурочка! – фыркнул саврянин. – Предсказание.

«Сам дурак, – сердито и смущенно подумала Рыска. – Зачем какие-то прогнозы выдумывать, когда уже есть красивое, всем понятное слово?»

– Не хочу я еще одного шоша!

– Слушай, девка, – недовольно обернулся саврянин. – Ты так и собираешься всю жизнь соломку подстилать?

– Если знать, что там камни, – то почему бы нет? – возразил за подругу вор.

– Да потому что камни – везде! Увернешься от одного – по другому размажет.

Жар оценивающе, склонив голову к плечу и прижмурив один глаз, поглядел на саврянина:

– По-моему, ты просто нарываешься.

– А если и так? – с вызовом спросил Альк. – Все равно подохнуть от старости мне не суждено.

– Зато мы бы не отказались, – поежившись, пробормотала Рыска.

– Не дури голову. Я же тебе уже объяснял: наш дар не приговор, а подсказка. Надо быть осторожнее, только и всего.

– Ага, ты еще говорил, что на боевище он вообще не работает!

– Я имел в виду, что проку с него нет, – возразил Альк. – Дурак и в луже может рыбу удить, но это же не значит, что он с ухой будет.

– Потому что ты меня ударил! – обиженно запротестовала девушка. Затылок, между прочим, до сих пор ноет. – Еще бы чуть-чуть...

– Ага, – ядовито поддакнул Альк. – Все оттого, что злой дядя поклевку спугнул.

– Но я чувствовала...

Саврянин отмахнулся, не желая продолжать бессмысленный спор.

Тем временем компания успела углубиться в лес и снова сбиться в тесную кучку – точнее, Альк продолжал ехать посередине дороги, Рыска прижалась к нему слева, Жар справа. Кто тому виной, коровы или их всадники, неосознанно подтягивающие поводья, сказать было сложно, ибо струхнули все. Дорога оставалась широкой, но зрительно сузилась вдвое – у обочин лунный свет подъедали вытянутые над просекой ветви. В чаще что-то тонко и уныло выло – возможно, шипонский заяц. В Рыскином воображении начал зарождаться сюжет, как стая бродячих зайцев нападает на корову, но продумывать новую сказку девушка не спешила – чтобы не накаркать.

Альк резко натянул поводья, вырываясь из капкана спутников.

– Что?! – Когда они спохватились сделать то же самое, саврянин уже спешил.

– Кажется, в кустах что-то шевельнулось.

На его месте Рыска рванула бы от кустов, а не к ним. Да и Жар не стал бы так опрометчиво в них ногой ворошить.

Шевельнулось отчетливее, и на дорогу выскочил здоровенный, почти черный заяц с едва заметными наметками полосок. Только морда, как у всех шипонцев, четко пополам разделена – слева рыжая, справа как углем вымазанная.

– А-а-а, Альк, берегись! – завизжала Рыска. – Они на тебя сейчас всей стаей бросятся!!!

– Заткнись, баечница, – цыкнул на нее саврянин. Заяц, растопырив уши, сделал к Альку несколько скачков – не то воинственно, не то, напротив, просясь в компанию. – Какая, к Сашю, стая? Они только в шипонских горах водятся.

– Значит, мы туда уже доехали, – справедливо заметил Жар, глядя на зайца. Тот раздумал биться-знакомиться, пересек дорогу и, шумно принохиваясь, скрылся в лесу.

Саврянин попытался продраться сквозь куст, но после нескольких шагов намертво завяз в ежевичных плетях. Пришлось вернуться и обойти сбоку.

– Думаешь, там у него логово? – трагичным шепотом спросила девушка.

– Ага, гнездо, и самка яйца насиживает. – Альку на плечо сел толстый ночной мотылек-падальщик. Саврянин досадливо его стряхнул. – Стойте здесь.

– А ты куда? – Жар все равно слез с коровы, строго велел Рыске: – Жди тут.

– А вы куда?!

Но вор уже бросился догонять саврянина. Девушка обиженно посопела, потом тоже спешила и собрала в кулак поводья всех коров. А то мало ли, испугаются чего-нибудь, кинутся врассыпную... Что удержать их Рыска все равно не сможет, она как-то не подумала.

Альк тем временем наткнулся на заросшую тропу, по которой совсем недавно проехало что-то большое и тяжелое.

– После одной телеги трава бы поднялась, – опытно заметил Жар. – А тут аж измочалило ее колесами.

– Сам вижу. – Саврянин запнулся, наклонился и вытащил из-под босой пятки что-то небольшое, круглое. – Ручка, – присмотревшись, сообщил он.

– Чья?!

– Дверная. – Альк выронил находку, шагнул вперед, заметив что-то еще. – Ого...

Тут объяснений не понадобилось – поставленную торчмя косу сложно с чем-то спутать. Саврянин шелкнул по длинному, чуть искривленному ножу, вслушался в ответный гул.

– Так себе, – заключил он.

– Можно подумать, ты в косах разбираешься, – презрительно сказал Жар.

Вместо ответа Альк развернул косу, широко взмахнул – вор еле успел отпрыгнуть. Трава легла ровным полукругом, вкусно запахло ее соком.

– А всю поляну – слабо? – завистливо спросил Жар. Он-то косить умел, но чтоб вот так, ночью, не примерившись... Просто повезло, что земля ровная и роса уже выпала, нож легко идет!

– Может, тебе еще весь лес вырубить, доказывая, что топором я тоже работать умею?

– А откуда, интересно? Ты ж у нас благородненький, ручки холеные должны быть...

– Благородство, – Альк перехватил косу за середину косовища, – в голове, а не в руках. Господин должен уметь все, что и его холопы, и даже лучше их.

– Тоже мне нашелся господин, – проворчал вор, прикидывая, отобрать ли косу и попытаться переплюнуть наглеца или лучше не рисковать.

– Тебе? Нет, – серьезно покачал головой саврянин и, прежде чем Жар успел удивиться такому почтению, добавил: – На кой мне такой холоп? Одни убытки. Жрет много, ворует еще больше...

– Можно подумать, от тебя прибыли много!

– От меня она другого уровня, – надменно бросил Альк. – Выше твоего понимания.

– Ага, как вон от той звезды – вроде бы и нужна она для чего-то, раз Хольга повесила, а проку с нее... – скривился вор.

– По звездам корабли прокладывают путь в открытом море, – еще больше подбодчился саврянин.

– Только мы сейчас не на корабле, а посреди леса, – разозлился Жар. – И пора бы обезьянке перестать воображать себя капитаном и слезть с мачты!

– Ну что? – окликнула их приближающаяся Рыска. Девушка вела за собой коров, всех троих, веером, за кончики поводьев. – Там чуть подальше тропа нашлась, я по ней, – виновато пояснила она, остановившись возле спутников. – А то страшно одной.

– Видимо, обоз тоже сюда свернул, – задумчиво предположил Альк. – Но зачем?

– Наивняк, – фыркнул Жар. – Конечно, полодырничать напоследок! А че, время есть, хозяин над душой не стоит, местечко укромное, можно на травке поваляться и бочонок пивка раздавить. Потом-то побегать придется, телеги разгружать, сверять все по описи.

– Время... Что-то не подрастчитали они с ним. – Альк всмотрелся в темноту по ходу тропы. – Там, случаем, не поляна впереди?

– Поляна, – согласился более остроглазый вор. – Но если б у них там стоянка была, костер бы зажгли.

– Схожу-ка проверю. – Саврянин, не выпуская косы, двинулся по травяной колее. Жар, чуть помедлив, пошел следом, а за ним и Рыска с коровами.

Поляна оказалась большой, десять телег кружком поставить можно. Стояло же всего три, с уныло опущенными оглоблями. Еще одна валялась на боку, возле нее пучком огромной щепы лежала куча вил, кочерег, кос и ухватов, уже насаженных на длинные обструганные ручки – наверное, прямо на торжище везли.

Альк с Жаром вышли в центр поляны, Рыска остановилась на краю, напряженно всматриваясь в тень под высокой елкой. Там как будто что-то копошилось, но так смутно, что пищать стыдно, а подходить страшно.

– А вот и костер. – Жар наступил на уголь, обозначив его резким хрустом.

Мотыльки разом вспорхнули с трупа – будто рыжий саван сдернули – и шатром зависли над ним, трепеща крылышками.

Под елью, раскинув руки и ноги, лежала девушка – еще младше Рыски, лет пятнадцати. На кругленьком, почти детском личике застыла предсмертная мұка: глаза широко распахнуты, рот приоткрыт в последнем крике. Светлая косынка сползла на шею, длинная складчатая юбка бесстыдно задрана до груди, низ живота и раздвинутые бедра перепачканы темным, почти черным.

Пока Рыска таращилась на покойницу, не в силах издать ни звука или хотя бы глубоко вдохнуть, с другой стороны поляны встревоженно крикнул Жар:

– Эй, я мертвяка нашел!

Альк поспешил к нему и по дороге наткнулся на еще двоих, лежащих внахлест. Сбились, видать, спиной к спине, так их и зарубили. Один судорожно стискивал кнут, другой вообще был с пустыми руками. По удару на каждого хватило.

– А это, кажись, сам Матюха, – хрипло предположил вор.

Третий труп принадлежал пожилому рыхлому мужчине с окладистой бородой. Убийцы стянули с него верхнюю одежду и сапоги, но рассеченная напополам шапка явно принадлежала купцу – круглая, расшитая серебряной нитью.

Мотыльки тыкались в лицо, щекоча кожу мохнатыми лапками, садились и ползали по одежде, по волосам, отчаянно трепеща крыльями. Жар, не удержавшись, хлопнул по шее и взвыл от омерзения: мотылек размазался в едко пахнущую кашицу с лохмотьями крыльев.

– Сдувай их, – серьезно посоветовал саврянин.

– Спасибо, я уже догадался, – буркнул парень, вытираясь пучком травы. – Рыска, ты лучше там стой, не подходи... Ох ты зараза! – Жар заметил тело под елкой.

Рыска повернулась к спутникам. Девушка до того побледнела, что поменяй ее с покойницей – разницы не заметят.

– Все-таки началась, – пробормотала она таким деревянным голосом, будто вот-вот сомлеет.

– Кто? – удивился Жар.

– Война... с саврянами... уже сюда добрались...

– Дура, – огрызнулся Альк, подходя ближе. – Почему сразу савряне-то?

– А кто?! – Девушка шарахнулась от него, как от чумного, даже своих драгоценных коров бросила. Кто же еще мог сотворить такое с беззащитной женщиной?! Только теперь Рыска в полной мере осознала, что довелось испытать ее матери – а потом еще жить с этим.

– Да любые подонки без чести и совести.

– Я же говорю – савряне!

– Ну знаешь ли... – Альк сделал еще шаг, и девушка, не выдержав, с писком развернулась и бросилась в чащу. – Стой, идиотка!

Ветки затрещали еще громче, чаще.

– Рыска, вернись! Ры-ы-ысь! – присоединился к нему Жар. Оклики бесплодно растворились в лесу, шагов тоже больше не было слышно. – Ну что, доволен?! Довел-таки девчонку?

– Что? – возмутился Альк. – Да она с рождения на голову доведенная!

– Так не надо было трогать, я б сам с ней поговорил, успокоил! Мало ли у кого на чем сдвиг, на себя вон погляди!

– Я свой сдвиг контролирую. – Саврянин упер косу концом в землю. Длинный узкий нож качнулся как флюгер, блеснув под луной.

– Что-то незаметно! И вообще, она девушка, с ней мягче надо. Ры-ы-ысь!

Рыска отбежала недалеко, присела за деревом – толстым, кряжистым, вроде бы дубом. В лесу было все-таки страшнее, чем рядом с Альком. Разговор парней она прекрасно слышала и теперь не выходила уже от обиды: друг называется! Соглашается с этим гадом, что она, Рыска, какая-то ущербная! А сам, между прочим, в детстве саврян тоже костерил только так.

Вот пусть теперь волнуются, ищут!

– Плюнь, никуда она не денется, – с путничьей уверенностью заявил Альк. – Посидит-посидит и выйдет. Эй, девка! Мы уходим. Пусть тебя там волки сожрут, честные и справедливые.

Рыска подалась вперед, со стыдом понимая, что, видимо, придется все-таки выйти. От саврянина сочувствия точно не дождешься, уйдет и не оглянется.

Сук сломался с оглушительным треском – не припишешь ни зверю, ни порыву ветра. Альк и Жар мигом оглянулись – напрасно. Их успели окружить, просто подкрадывающийся сзади человек выдал себя первым. Теперь таиться было незачем, и кольцо быстро сжалось до двадцати шагов. Семеро «волков» на этом остановились, а один начал неспешно, по кругу приближаться к замершим парням, зловеще ухмыляясь и помахивая мечом. Мужик был широкоплеч, бородат и совсем неплохо, для лесного-то разбойника, одет. Даже в сапогах. Поднаторевший в воровских разборках Жар мигом понял, что это не главарь, а его подбрех – тупая, но злобная шавка, которая всегда лает и бросается первой. За жоака же, скорей всего, вон тот, невысокий и толстый. Альк его тоже разглядел и тут же поместил как самого опасного противника. Рост и вес не главное, а вот взгляд, выправка, движения...

Саврянин качнул косовищем, перехватив его обеими руками.

– Ты гля-а-ань, ка-а-акая девчо-о-онка с коси-и-ичками, – завел подбрех, противно растягивая слова.

– В войну за пару таких по серебру давали, – поддакнул густой бас сбоку. – Я вола с телегой потом купил.

Со всех сторон разноголосо захихикали, заулюлюкали.

– Врешь! Небось одних баб стриг! – Разбойники без смущения подначивали друг друга при чужаках. Все равно они уже никому ничего не расскажут.

– А их, уродов, хрен различишь, – лениво отозвался бас. – Хорошо бы и это девкой оказалось, а то одной как-то маловато было.

Разбойничья стая снова одобрительно взвыла.

– Ложись, – холодно велел саврянин, глядя на приближающегося разбойника, но обращаясь явно к Жару.

– Зачем? – К счастью, вор вначале послушался, а потом уж задал вопрос.

Альк даже не стал дожидаться, когда спутник растянется на траве. Чуть его макушка ушла вниз, как над ней свистнуло лезвие, а мигом позже раздался дикий крик, почти сразу сменившийся бульканьем.

Рыска судорожно вцепилась руками в шершавый, пахнувший мхом ствол. Альк выдернул косу, и подбрех, не успевший даже толком замахнуться мечом, упал на колени, а там и на бок. Из самой раны в подмышке кровь почти не текла – все пошло вверх, пенным потоком забив глотку.

Нападение произошло так быстро и внезапно, что разбойники еще щепку тарасились на дрыгающееся тело – пока оно наконец не затихло.

– Ах ты кр-р-рыса! Кончай его!!!

Разъяренная шестерка (главарь, напротив, отступил) разом бросилась на саврянина. Коса очертила круг, отгоняя и разделяя врагов, Альк хорьком скользнул между ними, широким взмахом шуганул левого и схватился с правым. Разбойник с ревом замахнулся мечом, Альк принял его на косовище, отбросил назад и в свою очередь треснул врага промеж ног концом

палки. Слепленный болью разбойник даже скрючиться не успел, как саврянин крутанул косу и до середины всадил ему лезвие меж ключиц, вдоль горла.

Человек всхлипнул, нелепо заломил голову к правому плечу и начал оседать, плеща изо рта кровью. А Альк уже выдернул косу и разворачивался к следующему противнику. Не успел, но для тычка в живот хватило короткого взгляда через плечо, и, когда саврянин закончил разворот, перед ним оказалась спина согнувшегося пополам врага. Альк не задумываясь вогнал нож ему в бок и дернул на себя, вспарывая живот и вываливая потроха. Донесшийся до Рыски запах ничем не отличался от обычной убоины, когда по первому морозцу во дворе разделявают свинью, еще тепленькую, с курящимся над кишками парком. Учуть его здесь было так дико, что даже пустой желудок не выдержал.

Пока девушка прокашливалась от горькой, жгучей желчи, Альк сцепился сразу с четырьмя разбойниками. Сабля ударила по подставленному косовищу с одной стороны, меч с другой, саврянин крутанулся, как ветряк, быстро работая обоими концами палки – одному в пах, другому в лоб, третьему по запястью, заставив выронить меч. Вырвался из окружения и тут же напал сам. Играючи отбил встречный удар, молниеносно нанес еще два, пока что палкой, а когда разбойник отшатнулся, запрокинув голову, – чиркнул его ножом по горлу. Нежно-нежно, самым кончиком, как будто едва коснувшись кожи, но в следующий миг рана раскрылась чудовищной улыбкой и из нее потоком хлынула кровь. Пинок в живот – и разбойник отлетел в темноту, доходить в корчах на земле.

– А-а-а, гнида саврянская!!!

Альк пригнулся, пропуская меч над спиной, ушел в сторону и с оттяжкой полоснул врага под коленями, перерубив сухожилия. Ноги сразу подломились, разбойник отчаянно взмахнул руками и рухнул вниз лицом. Меч отлетел далеко в сторону, раненый попытался отползти, вопя от боли и ужаса, но саврянин качнулся вперед и безжалостно, как таракана, ударил его пяткой в шею. Хруст вышел не слишком громким, но крик сразу оборвался, и шевелиться разбойник перестал. Жар, лежащий всего в паре шагов от него, зажмурился и закрыл шею руками, хотя это вряд ли сильно бы помогло.

Рыска тоже давно уже не следила за ходом боя, и хвала Хольге. Альк по-крысиному зашипел на подбегающего сбоку врага, нож описал огромную сверкающую дугу и с чавканьем вошел в промежность, достав аж до глотки. Разбойник завыл дико, как посаженный на кол, – и еще страшнее, когда белокопый, качнув косовищем – будто в горшке помешал, – выдернул обляпанное сверху донизу лезвие.

Последний противник отчего-то решил, что саврянина удастся взять его же оружием, и, сбегав к возу, вернулся с такой же косой.

Если бы темнота не помешала разбойнику разобрать жуткую улыбку, вконец изуродовавшую лицо Алька, то он предпочел бы послать все к Сашию и броситься наутек.

Косы скрестились, сцепились в пятках. Саврянин крутанул косовищем туда-сюда, словно пытаясь освободить оружие, а потом резко ткнул им вперед и тут же – назад.

Лезвия щелкнули, как огромные ножницы. Обезглавленное тело попятилось, рассыпая горячие брызги на три шага вокруг, запнулось о Жара и наконец рухнуло.

Вору показалось, что он тоже вот-вот отдаст концы. Вотсарившаяся могильная тишина только утвердила Жара в этом мнении.

Если бы на небесных дорогах существовало время, то прошло не меньше пяти щепок, прежде чем рядом что-то шевельнулось и Жар ощутил на себе босую ногу. На спине, не на шее.

Вор рискнул приоткрыть один глаз.

– Ну? – хмуро поинтересовался саврянин, дополнительно пихнув его в бок.

– Т-ты... – Жар с трудом поднялся на четвереньки, чувствуя себя вылезающим из могилы беспокойником. Ухватился за что-то в поисках опоры, потом осознал, что это упертое в землю

косовище, влажное на ощупь, и отдернул руку, словно ожегшись. – К-к-косарь, м-м-мать твою...

Альк не ответил. Взгляд у него по-прежнему был дурной, звериный, лицо закаменевшее; впрочем, от ругани Жара в нем что-то дрогнуло, начало оттаивать – но тут из чащи донесся истошный женский визг.

* * *

Главарь разбойников дураком не был. Вначале он собирался подождать, пока подручные не измотают саврянина, и спокойно его прирезать. Но «ножнички» его переубедили. Чтобы до того владеть телом и любым попавшим в руки предметом, нужно начать тренироваться раньше, чем ходить. Саврянин сражался так естественно, как дышал, замечая и мигом используя малейший промах противника. Главарь же насчет себя не обольщался: пять лет в тсецах, семь в наемниках – достаточно для мастера, но не виртуоза. А может, этот тип еще и путник?!

Разбойник тихонько отступил обратно в тень и пятился, пока поляна не скрылась из виду. Ничего, новых олухов набрать несложно, сегодняшняя добыча надежно припрятана, сейчас главное – убраться отсюда подальше. И дернул же их Саший вернуться! Уже обмывали добычу в кормильне, когда подслушали от какого-то побирušки, что обоз, дескать, редкостные ценности вез, раз сам Матюха ему навстречу выехал. Убийцы же ничего такого не нашли, только всякие железяки да клетку с зайцами. Хотели зажарить их на обед, открыли дверцу, а они как кинутся – чуть без руки не оставили! Так по лесу и разбежались, паскуды вислоухие.

Главарь понемногу ускорял шаг, не опасаясь быть услышанным с поляны. Темень, правда, – глаз выколи, и чем дальше, тем гуще. Тени переплетались с корнями, мороча взгляд.

– Ах ты! – Споткнувшийся разбойник вскрикнул негромко, хотя боль в щиколотке была острой и подлой. Да и упал он на мягкое, почти беззвучно.

Вот только это мягкое неожиданно брыкнулось и заверещало.

* * *

Когда Альк и Жар добежали до дуба, разбойник уже стоял во всеоружии, прислонясь спиной к стволу и прикрываясь Рыской, как щитом. Девушка поджала было ноги, но главарь пнул ее коленом под зад, заставив выпрямиться. Приткнутый к горлу нож совсем отбил охоту вырываться.

– А ну бросай косу! Не то прирежу твою пискуху!

Альк лишь крепче стиснул пальцы на косовище, прищурился. Жара прошиб холодный пот: он вспомнил, что саврянин неважно видит в темноте. Если даже вор с трудом различал, где кончается разбойник и начинается Рыска, то перед Альком, наверное, маячил только черный сдвоенный силуэт.

– Эй, не надо! – отчаянно зашептал Жар. – Не он, так ты ее убьешь!

Саврянин продолжал молчать. Девушка не видела выражения его лица – только бледное пятно с двумя потеками-косами, да и то внезапно начало мутнеть, расплываться.

«Не слушай его! – безмолвно взмолилась Рыска. – Он все равно меня не отпустит, лучше уж так, чем как та девочка. А еще лучше – прирежь этого выродка. Ты ведь можешь, я это точно знаю, я даже могу тебе помочь...»

Разбойник нервно шевельнул ножом, вынуждая девушку еще сильнее задрать голову, и один лунный лучик все-таки пробился сквозь листву, на миг позолотив Рыскины глаза.

Альк медленно наклонился, положил косу на землю, ножом вверх и вперед, и легонько подпихнул. Коса скользнула по траве, точнехонько вписавшись между ногами заложницы и разбойника, ткнулась в ствол и там уже завалилась набок.

– И меч тоже брось!

Саврянин недоуменно сдвинул брови – похоже, он напрочь забыл о клинке, успевшем уехать под поясом за спину.

– Давай-давай, не притворяйся! Нашел дурачка!

Альк пожал плечами, вытащил меч и отбросил его в далеко в сторону. Даже слишком далеко, теперь лучину будешь по кустам искать – не найдешь. Разбойник проводил клинок взглядом, расплываясь в торжествующей ухмылке, – и тут Альк резко топнул по концу косовища.

Коса развернулась острием вверх, подскочила и ужалила разбойника в зад. Неглубоко и несерьезно, но руки главаря непроизвольно дернулись к оскорбленному месту. Выпущенная Рыска качнулась вперед, Жар – навстречу к ней, а Альк наклонился, ухватился за косовище, приподнял и дернул.

От раздавшегося за спиной вопля девушка чуть не оглохла. Коса снова была у саврянина в руках, на Рыскиных штанах только мазок от лезвия остался.

Дочка возницы могла покоиться с миром – между ногами у главаря больше ничего не болталось, и кровь оттуда била ключом, как ни зажимай.

Вор добрался наконец до девушки и сдернул ее в сторону, а коса сделала еще один оборот и со смачным хрустом вонзилась упавшему разбойнику в ухо. Кончик ножа высунулся изо рта, как острый дразнящийся язык, крики сменились затихающими хрипами.

– Все, все уже... – глупо бормотал Жар, поглаживая по спине вжавшуюся в его грудь, судорожно вздрагивающую подругу.

Альк выдернул косу. Машинально наклонился, сорвал пучок травы и протер лезвие, как после обычной косьбы.

– Все, – бесцветным голосом повторил он. – Пошли домой... Или хоть куда-нибудь.

* * *

Коров на прежнем месте давно уже не было – сбежали, перепуганные воплями и запахами. Даже топота копыт не слышно.

Куда идти, никто из троицы не задумывался. По дороге. Просто потому что ровная и куда-то ведет.

Альк шел впереди. Коса в опущенной руке слабо покачивалась, поклевывала кончиком песок, как длинная тощая птица.

– Чего вы там плететесь? – не оглядываясь, поторопил он.

– У меня ноги подкашиваются, – всхлипнув, пожаловалась Рыска. Прежде она видела покойников только в гробах (тот, в макопольском проулке, не в счет – далеко было, темно, может, просто пьянчуга дрых), ухоженных и как будто смирившихся со своей участью. А таких – выпотрошенных, как куры, с перекошенными лицами, оскаленными от боли и ужаса зубами...

Девушка споткнулась, не упав только благодаря Жару.

– Ну попроси дружка, пусть поднесет, – так же равнодушно посоветовал белокопый.

Вор и так почти волок Рыску под локоть, сам борясь с дурнотой.

– Взял бы да помог, – огрызнулся он. – Можно подумать, мне легко... Да я отродясь людей не убивал!

Альк ссутулился еще больше.

– Я тоже, – глухо сказал он и, помедлив, выронил косу.

За их спинами неспешно, как хлопья пепла, осаживались на трупы мотыльки.

Глава 5

Крысы питают слабость к хмельным напиткам, с удовольствием лакомясь оными, отчего дуреют, буянят и теряют всякую осторожность.

Там же

Коровы нашлись на лугу возле городских ворот. Они уже успели успокоиться, отдохнуть и теперь спокойно щипали травку. Рядом крутилась, присматриваясь и примериваясь, какая-то подозрительная фигура, но при появлении законных хозяев бесследно канула во тьму.

Цыганский табор стоял на прежнем месте, но сейчас Рыске было не до него, а Жару тем более. Без труда поймав сонных коров, спутники, не заходя в город, двинулись вдоль стены к зазывно светившему окнами заведению.

Кормильня называлась «Очаг». На искусно вырезанной из дерева вывеске два зайца с радостными мордами поддерживали блюдо, на котором лежала запеченная тушка третьего. Видно, это был их кровный враг. У ворот стояли две заячьи же статуи в человеческий рост, с факелами в лапах, да и вообще заведение было устроено со вкусом, занятно: дом из необструганных бревен как будто разрубили пополам и раздвинули по разным концам двора, огородив второй этаж перильцами, чтоб подвыпившие гости не попадали. Посреди двора тоже стояли столы под навесами из пучков ивовых веток и росло несколько высоких елей, дополнительно защищая от дождя.

Бои, наверное, уже закончились, потому что народу внутри было полно. Рыске даже показалось, что придется развернуться и уйти, однако расторопная служаночка встретила гостей с радостью и провела к единственному свободному столу. Правда, в середине зала (Жар предпочел бы в углу или хотя бы у стеночки), но выбирать не приходилось.

– Что заказывать будете? – лукаво подмигнула девчонка, словно не замечая грязи-крови на лицах и одежде посетителей. Сегодня, видать, многие в таком виде заявили.

Рыска сглотнула и потупилась. Похожа на ту, под елкой...

– Пива, – буркнул Алык. – И ледяного вина. По кувшину.

– А закусочки? Свининка, телятинка, баранинка, птичка разная, печеный сырок, требушочки, все горяченькое, прямо с угольков! – с заговорщической улыбкой принялась потчевать служанка.

– Потом, – передернуло от «требушочков» саврянина.

Девчонка скорчила сочувственную рожицу – проигрались, с кем не бывает! – и упорхнула.

– Надо было хоть сыру взять, – запоздало упрекнул Жар. – А то с утра ж толком не ели. Алык хмуро на него покосился:

– Я на себя заказывал. Тебе-то кто не давал?

– Что, ты один два кувшина выпьешь?!

– А мы куда-то торопимся?

Вор замолчал. Торопиться действительно было уже некуда.

Хмельное подали не в кувшинах, а в здоровенных глиняных бутылках с ручками и рисунком вывески «Очага». Жар придержал служанку и попросил еще одно пиво, квас для подруги, сыр, зелень и хлеб.

Алык привстал, схватился за бутылки и, под изумленным взглядом Рыски, начал наполнять кружку одновременно из обеих. Левая булькала звонче, правая чаще.

– Ты что делаешь?

– «Дохлого ежика». – Рыжее и розовое, смешавшись, породили обильную пену мерзкого гнилостного оттенка. – У вас такого не пьют?

– Пьют, только называется оно «канавовка». – Жар предпочел чистое пиво. – Гляди, эта штука почище кистеня с ног сшибает.

– Ну и хорошо. – Альк выхлебнул то, что вздыбилось над краем, откинулся на спинку стула и огляделся. – Как раз то, что мне нужно.

– А мне потом тебя к выходу на своем горбу тащить?

– Я быстро трезвею.

Вор скептически скривился, однако продолжать спор не стал. Сказать честно, он бы на месте саврянина тоже поспешил напиться и забыться.

А вот Рыска не понимала мужского обычая молча топить беды в кружке. Женщины, напротив, предпочитают о них говорить, и чем больше, тем лучше. Есть, конечно, опасность еще сильнее растравить душу, но иногда и просвет появляется.

– Может, лучше в молельню сходим, коптилочку за усопших поставим? – предложила она.

– Заткнись, дура, – вяло огрызнулся Альк, делая долгий глоток.

– Деньги, между прочим, у меня! – возмутилась девушка. – Вот сейчас обижусь, встану и уйду, а вы с кормильцем штанами рассчитывайтесь.

– Я тогда его просто прирежу. – Глаза у саврянина были такими пустыми, а голос – равнодушным, что Рыска сразу ему поверила и не на шутку перепугалась.

– Слушай, Альк...

– Заткнись, кому сказал! – Белокопый так саданул по столу кулаком, что на дребезг посуды оглянулись все посетители. В голосе прорвались истерические нотки, и Рыска с облегчением поняла, что кормилец, пожалуй, пойдет по земной дороге дальше, но с синяком под глазом. – Закрой рот, – уже тише повторил Альк. – И дай мне спокойно напиться.

– Правда, Рысь, помолчи, – поддержал его Жар. – Видишь, человеку плохо? Завтра поговорим.

На соседний стол поставили здоровенный поднос с тремя жареными курами, насаженными на один вертел. Заказавшая их компания разразилась восторженными криками и тут же принялась раздирать птиц на части, кто ножом, кто просто руками. Горячий жир обильно капал на поднос и брызгал во все стороны.

От запаха жареного мяса Рыску снова замутило.

– Я выйду на щепочку, – пробормотала она и, глядя в пол, поспешила к выходу.

Вышибала подозрительно покосился на оставленный девицей стол, но, видя, что там еще сидят люди, пропустил и даже услужливо распахнул дверь. А то знаем мы этих гостей: выскользнут поодиночке, якобы в сортир, и будто в нем потопнут!

Луна потускнела – или просто Рыска привыкла к факелам и свечам в кормильне. Горизонта больше не было видно, тьма и тьма, а костры на лугу – как звезды. Девушка стояла за порогом, жадно глотая прохладный воздух. Чувствовала она себя странно, будто заболела – голова тяжелая, щеки горят, но хочется не прилечь от слабости, а, напротив, куда-то бежать, что-то делать, чем угодно себя занять, лишь бы не думать.

Там, в лесу, лежало одиннадцать покойников, а миру до них не было никакого дела. Ну найдут их завтра или позже, оплачут и похоронят, но это не то... Утром все так же встанет солнце, потянутся по дороге обозы, и какая-нибудь тетка в веске за двадцать вешек отсюда будет полоть огород, даже не подозревая, что на земле стало на одиннадцать человек меньше.

И только для Рыски что-то непоправимо изменилось.

Убить, оказывается, так просто. Так быстро. Один взмах косы, один удар ноги. Когда весь твой выбор – ты или тебя. Когда нет времени задуматься, кто больше достоин жить.

«А ведь я хотела, чтобы Альк убил того разбойника, который схватил меня за шею». Рыска вспомнила накотившее на нее ликование, когда саврянину это удалось. И леденящий ужас, когда девушка поняла, что разбросанные по поляне тела уже никогда не поднимутся...

Рыска сама не заметила, как дошла до коровязи. Опомнилась, только когда Милка ткнулась ей мордой в руку, думая, что хозяйка принесла лакомый кусочек. Девушка виновато погладила корову по широкому лбу.

– Что, тяжелый денек выдался?

Рыска так и подскочила, оглянувшись. В десятке шагов от нее, возле телеги, стоял человек. Луна светила ему в спину, превратив лицо в черное пятно, но девушке хватило и голоса.

– Вам Алька позвать? – глупо проямлила она.

Но путник безнадежно покачал головой, махнул рукой:

– Он опять не захочет со мной разговаривать.

– Я тоже не хочу, – пробормотала девушка, прикидывая, не дать ли деру.

Однако вид у ссутулившегося, привалившегося к обрешетке мужчины был такой жалкий, а голос – печальный, что Рыска решила чуток погодить с паникой. Только обошла вокруг коровы, отгораживаясь ею от путника. Тот повернул голову, и лицо стало видно чуть лучше.

– Но я же пытаюсь ему помочь!

– Спасибо, вы ему уже очень помогли, – в сердцах ляпнула и тут же устыдилась девушка. Все-таки старшему хамить некрасиво, даже если он – твой враг.

Путник помолчал, поворошил траву носком башмака, словно разыскивая оброненную монетку, а потом неожиданно спросил:

– Что ты о нем думаешь?

– Он... – Рыска запнулась. Думала-то она об Альке много чего, хватило б на четверых, причем совершенно разных людей. Именно сейчас ей хотелось его придушить, но признаваться в этом конечно же не следовало. – Он отличный боец. И видун тоже.

– Верно. Он действительно был моим лучшим учеником. Умным, старательным, талантливым. В чем-то даже гениальным. Идеальным для преемника... Даже, пожалуй, для главы общины. – Путник поднял голову и посмотрел Рыске прямо в глаза. – А теперь скажи честно: ты бы хотела видеть его на этом месте?

Девушка снова покосилась на кормильню, но уже с иными мыслями. Альк. Дерзкий, вспыльчивый, надменный, безжалостный. Уверенный, что мир вращается вокруг и ради него. Готовый убить любого, кто встанет на его пути.

– Нет, – через силу, чувствуя себя предательницей, выдавила она.

Путник кивнул:

– Вот и мы не захотели. Побоялись, что сила и власть окончательно его испортят. Но я все равно голосовал против. Потому что этот клинок еще можно было довести до ума, потратив лишних два-три года... но мне их не дали. Община посчитала, что проще и надежнее воспитать другого путника.

– Альк тоже сравнивал себя с вашим мечом, – снова не удержалась девушка. – Только в другом смысле.

– Понимаю, – вздохнул путник. – Сейчас он озлоблен и растерян, и его худшие черты проявляются с утроенной силой. Но, поверь, у него есть и достоинства...

– Я не верю, – перебила Рыска. – Я знаю. А вы его обманули и теперь оправдываетесь.

– Ничего подобного, – возмутился наставник, – просто объясняю тебе ситуацию.

– Лучше объясните, что вам на самом деле от него нужно?

Путник нахмурился, потом внезапно рассмеялся:

– Какая проникательная девочка! Хочешь, возьму тебя в ученицы?

– Нет, не хочу. Мне и так хорошо, человеком.

– Не веришь в свои силы?

– Просто не хочу. Ни становиться крысой, ни превращать в них своих друзей.

– Почему друзей-то? – удивился собеседник.

– А как иначе? Если долго учиться с человеком бок о бок, кем-то он для тебя да станет. – Рыска с содроганием представила в роли крысы Жара, раздираемого болью и медленно сходящего с ума на ее глазах. Потом на ум пришел Илай, но короткая вспышка злорадства сменилась жгучим стыдом. – Ну необязательно другом. Приятелем. Да хоть и врагом, даже ему я такой участи не желаю! Это неправильно, нечестно! Каждый имеет право на жизнь!

– И на выбор, дитя. Мы с первого дня готовим учеников к мысли, что взять «свечу» и стать ею – равная честь. Это как на войне: слабые погибнут, сильные пройдут по их трупам и победят. Мы скорбим о потерях, но они неизбежны.

– Можно вообще не воевать.

Путник испытующе поглядел на Рыску и снова огорошил ее простеньким, казалось бы, вопросом:

– Ты часто используешь свой дар?

– Ну... приходится, – настороженно призналась девушка.

– И хорошо получается?

– Как когда. – «Зачем ему это? Прикидывает, какая из меня противница?»

– И сколько жизней ты им спасла?

– Э-э-э... две.

– Без своей, – уточнил путник.

– Одну, – еще больше смутилась Рыска.

– А могла бы сто. Тысячу. Ценой всего десяти – пятнадцати крыс.

– Людей!

– Добровольных жертв.

К изумлению путника, девушка зажмурилась и резко провела ребром ладони сверху вниз.

– Я рублю этот узел.

– Что?!

– Я уверена, что вы неправы, но не могу понять, в чем именно. Просто знаю. Так что извините, но я пойду. Замерзла уже, да и друг будет волноваться. – Рыска подумала, не добавить ли вежливое «до свидания», но снова видется с наставником Алька ей вовсе не хотелось, а «прощайте» вышло бы еще наглее молчания. Поэтому девушка просто развернулась и пошла к кормильне, гордо расправив плечи. «Дойду, в спину не ударит», – уверенно подсказывал дар видуньи.

Ударил, только не клинком, а ответом на вопрос, о котором девушка уже позабыла.

– Я не теряю надежды, что из Алька выйдет замечательный путник. Или яркая «свеча». И я готов подождать – любого исхода.

Рыска только сейчас сообразила, что крысы у него при поясе не было.

* * *

В бутылках сильно ubyло, прибыв в основном в Альке. Взгляд у саврянина стал совсем стеклянный, но из него хотя бы исчезла боль. Жар тренькал на гитаре, простенький приятный мотивчик вплетался в шум кормильни, не привлекая особого внимания. А жаль: вору его очень не хватало. Неделя, конечно, не полгода, но Жар не привык обходиться без подружки дольше пары ночей. Увы, все девицы, которым он выразительно подмигивал, кривили подкрашенные губки и отворачивались. Бродяги с недельной щетиной, которым не хватило даже на приличное вино, их не интересовали.

– Тебе какие больше нравятся – черненькие или беленькие? – Язык у Алька уже заметно заплетался.

– Я их не по волосам оцениваю, – многоопытно возразил Жар. – Вон у той... ничего.

– А зад как доска, – безжалостно заметил саврянин.

– Ну это кто с какой стороны любит. – Вор с опаской оглянулся на дверь, но Рыска еще не вернулась. Живот ей, что ли, прихватило?

– Д-дай сюда, – Альк внезапно перегнулся через стол и выдернул у Жара гитару, – щас мы их... подманим. Всяких.

– Отдай, – возмутился вор, – ты же пьяный, струны порвешь!

– Я – пьяный?! – Саврянин с нажимом мазнул рукой по гитаре, заставив ее возопить на все семь голосов. – Ха! Да я еще даже не начал пить.

– Вот и петь тоже не начинай!

Альк, не обращая на него внимания, принялся подкручивать колки.

– Что ты делаешь? У меня запасных нету!

– Ничего, сопрешь где-нибудь. – Саврянин прокашлялся и громко, хоть и не шибко уверенно взял аккорд.

Разговоры поутихли, люди стали оборачиваться – кто с любопытством, кто раздраженно, и при виде белокомого пьянчуги их настроение отнюдь не улучшилось. Жар приготовился затыкать уши, но последующий проигрыш, длинный и сложный, Альк исполнил на удивление хорошо. Напряженная тишина сменилась тишиной выжидательной.

Завтра наше время закончится,
Разлетится драными клочьями,
Утром, криком вороньим порченным,
Заплету в клинок одиночество.

В дверях появилась Рыска, какая-то взъерошенная и растерянная, непрерывно оправляющая одежду, хотя с ней все было в порядке. Увидела певца – и застыла с раскрытым ртом.

Пальцы перескочили по грифу, сломали ритм – для припева.

И сказал бы, что все наладится, –
Только лгать тебе не умею.
Чуть шагнуть за порог успею,
Как следы мои ветром сгладятся.

Не сказать чтобы Альк был таким уж великим менестрелем, да и песню он пел не свою, по крайней мере Рыска где-то ее слышала. Но манера исполнения завораживала, пробирала до косточек. Голос то набирал силу, то понижался до полупшепота, и казалось, это к тебе, к тебе одной обращены страстные слова, от которых сладко щемит в груди.

Драгоценная, верная, чуткая,
Все отдал бы за счастье наше я –
Да никто в небесах не спрашивал,
Торговаться с богами хочу ли я.

Плакать некогда, не в чем каяться:
Что получено, то оплачено,
Не сыграть эту жизнь иначе нам –
Ведь иначе не жить, а маяться...

На дорогах судьбы распутица,

Грязь да холод – куда направиться?
Вправо, влево, вперед – что нравится,
Лишь назад, увы, не получится...

Завтра утром... Спи, моя милая,
На плече моем до рассвета.
Пусть впитается в память это,
Пусть нас это сделает сильными...¹

Музыка стихла, но никто из слушателей не шелохнулся. Альк довольно ухмыльнулся, не поднимая головы, и стал наигрывать другую мелодию. Опять – долгое виртуозное вступление, игра на публику: мол, брякать в лад все умеют, а поди на одной музыке выедь! Хрипловатый голос влился в нее так неожиданно, что слушатели невольно вздрогнули. Жар побледнел и попытался пнуть Алька под столом, но тот непринужденно развернулся, убрав оттуда ноги, и продолжил петь.

На саврянском.

У Рыски екнуло сердце, но, к ее изумлению, толпа как будто ничего не заметила. Девицы продолжали влюбленно пожирать Алька глазами, а мужчины, недавно готовые поднять бело-косого на вилы, сосредоточенно вслушивались – вражда враждой, но сотню-другую саврянских слов большинство ринтарцев знали. «Хорошо хоть любовную балладу выбрал, а не похабные частушки о нашем тсаре, – тревожно подумал Жар, вытирая выступивший на лбу пот. – С этого придурка станется!»

Когда Альк отложил гитару и демонстративно размял затекшие плечи, слева на его стул опиралась рыжекосая служанка, справа – чернявая с короткой стрижкой, а на полу у ног пристроилась темно-русая девица распутного, но весьма приятного вида.

– Вот, – торжествующе объявил Альк, рукой обводя это богатство, – выбирай!

Красотки захихикали, служанки пересели к саврянину на колени. Он, не чинясь, обнял обеих. Жар еле успел подхватить гитару, иначе она попросту упала бы на пол.

– Ты что, рехнулся?! – прошипел вор сквозь зубы.

Альк переложил правую руку повыше:

– Ты прав – у этой ничего. То есть очень даже чего.

– Ну не здесь же! И не так!

– Почему?

«Потому что такое внимание нам без надобности, идиот!» – чуть не завопил Жар.

– Попроси своего дружка, пусть еще споет! – капризно потребовала русая, дернув его за штанину.

– Сама проси, – огрызнулся вор, крепче прижимая к себе гитару и беспокойно осматривая кормильню. Хуже не бывает! Все на них пялятся, кроме разве что компании плотовщиков возле очага: у них своя музыка – из-под стола доносился зычный храп.

– Фу, нахал! – Девица игриво ущипнула Жара за ляжку.

Парень еле удержался, чтобы не пнуть ее в ответ.

«Надо отсюда сваливать», – пальцами показал он Рыске, едва протолкавшейся к столу. Служанки ревниво на нее косились и еще теснее липли к Альку.

«Как?!» – отчаянно развела руками девушка. Жар сунул ей гитару и указал на лестницу, а сам встал и громко заговорил:

– Простите, уважаемые, но мы с другом очень устали и собираемся пойти спать. Не огорчайтесь, завтра утром он с удовольствием снова вам спо...

¹ Здесь и далее в тексте стихи автора.

Толпа притихла и раздалась, но не выпуская, а впуская. Жар мысленно застонал: угрозило же их выбрать кормильню, на верхней веранде которой пируют стражники! Пока, впрочем, они были настроены благодушно: мундиры расстегнуты, щеки красны, один на ходу обгрызает гусиную ногу. Впереди важно выступал щеголевато одетый мужчина лет тридцати, с темными волосами до плеч, тщательно расчесанными и уложенными. Симпатичное, тонких черт лицо портили сильно косящие глаза да тоненькие, в ниточку, брови. Было в этом господине что-то неправильное, но что – Рыска по наивности не поняла. Зато Альк с Жаром одинаково брезгливо поморщились, вор даже отступил на шаг. Девушка тоже потянула носом воздух, но запах был приятный, сладкий, хоть и излишне сильный. Дорогие, наверное, духи.

– Хорошо поешь, саврянин.

Альк неопределенно мыкнул, не то соглашаясь, не то сдерживая «дохлого ежика», рвущегося на свободу. Незнакомец на всякий случай отодвинулся, стража полукругом выстроилась за его спиной.

– Я желаю послушать тебя в своей гостиной, – объявил косой, словно не допуская мысли, что у певца могут быть другие планы. – Идем, я хорошо заплачу.

– Не-а. – Саврянин спихнул чернулю, освобождая правую руку, дотянулся до кружки и выцедил из нее последние капли. Ленивым взмахом велел девице намешать еще.

– Что значит – «не-а»? – опешил косой.

Альк любезно уточнил. Толпа охнула и стала быстро редеть. Стражники одновременно пытались подавить смех и скорчить свирепые рожи, дабы не отставать от начальника.

– Да ты знаешь, хамье, с кем разговариваешь?!

– Знаю, – нахально подтвердил белокопый. – С недоноском, который в детстве подглядывал не в женскую баню, а в мужскую. Оттого, видать, и окривел.

– Ах ты саврянское хамло! – вскипел косой, выхватывая клинок, но благоразумно не замахиваясь им, а просто наставляя на Алька. – Встань, быдло, когда с тобой говорит городской наместник!

– А тебя посылает властелин дорог, так что пшли вон отсюда! По любой, пока я добрый.

Испуганные девки медленно расползлись в стороны. «Цыпочка» даже на ноги подниматься не стала, так под столами, под лавками до двери добралась и смылась, первой смекнув, к чему идет дело. Служанкам деваться из заведения было некуда, и они просто попрятались в кухне, молясь, чтобы драка не закончилась поджогом.

Пьяный Альк этого, кажется, даже не заметил. Он пил, и кружка рывками, в такт дергающемуся кадыку, запрокидывалась.

На лице наместника мелькнули замешательство и досада. Связываться с видуном ему очень не хотелось, знал бы раньше – остался на веранде. Но формально путники подчинялись городской власти, даже пошлину платили, и уйти из кормильни с поджатым хвостом (о чем завтра растреплют на всех углах!) было обидно и поздно.

Когда саврянин со стуком поставил кружку на стол и душевно рыгнул, за спиной косо стояла вся его пятерка, а от клинков рябило в глазах. Альк пьяно попытался их сосчитать, тыча пальцем, но сбился на трижды посчитанном четвертом.

– Да какая, к Сашию, разница, – пробормотал он, после чего резко метнул пустую кружку наместнику в лоб – тот в кои-то веки свел глаза в одну точку, выронил меч и отпрянул назад. Альк оттолкнулся пятками от пола и кувыркнулся назад вместе со стулом, уходя от тсецких клинков. Прокатился до самой стойки, вскочил, взмахнул попутно выхваченными у вышибалы саблями, как распахнутыми крыльями, и... мешком повалился на пол...

Кормилец очень любил свое заведение, и разбитая о голову бутылка показалась ему меньшим злом.

Глава 6

Хотя в общем крысиная стая процветает, жизнь отдельной крысы коротка и почти всегда обрывается до срока.

Там же

Пол был каменный, бугристый и обжигающе холодный. А под животом еще и мокрый. Когда Альк понял почему, то застонал от унижения и попытался подняться хотя бы на четвереньки, но спина отозвалась такой дикой болью, что саврянину стало все равно, в чем он валяется, лишь бы не шевелиться. «Хребет не перебили, – отрешенно подумал он. – Иначе я бы вообще ничего ниже пояса не чувствовал».

С пол-лучины он лежал тряпкой, неровно дыша и пытаясь собраться с силами, но вместо этого ощутил, что начинает куда-то проваливаться. Перед глазами плыло, безумно хотелось пить, но при взгляде на стоящий в углу кувшин накатил тошнота. «Внутреннее кровоотечение, – безжалостно отметил словно кто-то другой, глядящий на Алька со стороны. – Отбили печень либо селезенку». А вероятнее всего, обе – жгло, давило и там и там.

Следующая мысль была еще более четкой и уверенной: «Я умираю».

Настоящий мужчина не боится смерти. Потому что считает ее далеким, непременно героическим и к тому же проходным событием. Мол, бессмертный дух сбросит оковы тела, облегченно встряхнется и зашагает по Дороге, вспоминая жизнь как курьез.

Но вот так, в луже собственной мочи, на полу тюремного подземелья, под пересуды запертого в соседних клетях отребья, в одну яму с которым тебя и свалят... Не в благородном бою ради славы, чести или чьей-то защиты, а по пьяни ввязавшись в кормильную драку... И что-то не видать открывающегося, затопленного солнцем проема, не слышать ласково зовущих голосов предков, и пахнет тут вовсе не степными маками, любимыми цветами Богини, которыми она – либо воображение мольцов – сплошь усадила бездорожье... Вот сейчас темнота сомкнется окончательно – и все.

Альк, не плакавший с семи лет, всхлипнул от злости и обиды. Когда его предали наставники, а потом и дед, это было еще полбеды. Есть кого винить, кому мстить, с кем сражаться. Но получить такую подлянку от самой Хольги!

Или – заслужить ее?

Альк стиснул зубы, рванулся в еще одной отчаянной попытке встать – и бок пронзила такая острая боль, словно все сухожилия разом подрезала. Узник рухнул обратно на камни, гулко приложившись к ним виском – но этого уже не почувствовал.

Земная дорога оборвалась раньше.

* * *

Судья задумчиво потеревил кончик пера. Дело было мутным и щекотливым. С одной стороны – затеявший драку саврянин, по его утверждению – путник, но почему-то без «свечи». – Что, из-за крысы напился?

Стоявшие напротив стола парень и девушка (кажись, саврянская полукровка) переглянулись и не очень уверенно, словно судья угадал по сути правильно, но не точно, кивнули.

Судья, довольный своей проницательностью, прищелкнул языком. Ясно. Крысу уморил, перебрал с горя, а тут еще Румз Косой, то есть господин наместник со своими потными ладошками. Тут бы любой нормальный мужик взвился. Будь его обидчиком простой горожанин или даже купец, саврянин отделался бы вирой за развязывание драки, а то и простым изгнанием за городские ворота – вместе с компанией, которая явилась за него просить.

Но с другой стороны – Румз. Причем господин наместник лично попросил судью при-
смотреть, чтобы правосудие свершилось в его пользу.

– Не знаю я, что с вами делать, – честно сказал судья, отбрасывая перо и сцепляя пальцы
в замок под подбородком. – За нападение на наместника по нашим законам полагается пове-
шение или тридцать плетей, но лично я выбрал бы первое. Опытный палач может в дюжину
ударов спустить с приговоренного всю шкуру, и смерть выйдет куда страшнее.

– И что, совсем никак? – Девушка всхлипнула и прижала к губам кулачок. Молодень-
кая такая, свеженькая, явно не горожанка. Зачем она, интересно, с белокосым тягается?
Сестра ему, что ль? Для дочки старовата, на жену-подружку непохожа, при ней бы он потаскух
в кормильне лапаты не стал, у саврян с этим строго. И второй ее приятель доверия не вызывает,
так и шарит глазами, будто оценивает, почему вон тот светильник или картину можно в тайную
скупку сдать.

Судья снова принялся выстукивать стол, как голодный дятел. Здоровенный круглый
синяк на лбу господина наместника втайне порадовал не один десяток знакомых. Хотя вслух,
разумеется, были высказаны самые почтительные соболезнования и советы приложить капуст-
ный лист либо печеную луковицу.

И с общиной тоже ссориться не хочется... Пусть парень нынче и не путник, а простой
видун – но вдруг у него есть могущественный покровитель, который самого наместника раком
поставит?

Идея стравить двух хищников судье понравилась.

– Вот что, – решительно сказал он. – Я отложу казнь на сутки, для разбирательства,
а вам выпишу бумажицу, пойдете в тюрьму и поговорите с этим пьянчужой. Пусть поищет себе
дорогу без помоста... если сумеет.

* * *

– Я этой крысе хвост оторву! – кипятилась Рыска, пока они с Жаром пересекали двор:
суд и тюрьма находились на противоположных сторонах одной площади. Посредине – чтобы
не тянуть с правосудием – стоял помост с виселицей. Там и сейчас кто-то болтался, но прохо-
жие едва удостаивали его взглядом. Похоже, их скорее бы изумила пустая веревка. – Нет, буду
по кусочкам отщипывать!

Жар, напротив, отнесся к последней выходке саврянина на удивление снисходительно,
даже сам, без Рыскиных просьб, нашел подход к судье, потолковав с парой-тройкой сомни-
тельных типов. Когда рассвело, друзья первыми стояли у его двери.

– Да ладно, с кем не бывает – ну выпил мужик чуток, разухарился...

– Ты ж не ухарил!

– Так ко мне ж го... господин наместник не цеплялся.

– Ты ж девок соблазнять не пытался?

Жар смущенно кашлянул. «Не пытался» и «не получилось» – вещи разные.

– Как ты думаешь, он сумеет выкрутиться? – резко сменила тему сама Рыска.

– Не знаю, – соврал вор, не желая огорчать подружку раньше времени. – Зря Альк пут-
ником назвался. Пусть бы лучше судья думал, что он простой наемник.

– Тогда б его уже повесили!

– А теперь вообще неизвестно, что сделают. Как пирожок спереть в общину сообщат.

– Как... что?

Жар прикусил язык. Не украсть пирожок у растяпы-лотошника на углу Крученой и Семи
собак было позором даже для ребенка, на нем обучали всех начинающих воришек. Следую-
щей ступенью было незаметно подбросить лотошнику в карман монетку, дабы такой полезный
человек не разорился.

До объяснений, к счастью, дело не дошло: друзья уже остановились перед тюремными воротами. Выданная судьей «бумажица» оказалась простым обрывком, на котором судья поставил размашистую подпись и приложил печать. Стражники не глашатаи, чтобы грамотой владеть, но печати всех знатных горожан знают назубок. Казалось бы, неужто сложнее каких-то сорок шесть букв заучить...

– С виду вроде правильная. Только что-то не звенит. – Старший из охранников сосредоточенно помахал бумажкой над ухом и передал второму.

– Угу. – Тот надкусил краешек и скривился: – И мягкая какая-то. Уж не фальшивая ли? Жар, поняв намек, положил на бумажку две монеты.

– А так?

– Тонковата что-то... – продолжал кочевряжиться старший.

Вор добавил еще одну, и их наконецпустили, пренебрежительно указав копьём на лестницу в подвал: на первом этаже, вполне себе приличном, жили тюремщики и палачи, на втором хранились бумаги. Заключение же небось и под землей не заплесневеют.

Внизу гостей встретил еще один, куда более унылый пожилой стражник, мающийся в тесном сыром закутке с коптящим факелом. Тюрьму недавно почистили, скопом отправив на каторгу мелкое жулье и бродяг, и в камерах сидели только «порядочные» – те, за кого обещали собрать выкуп или похлопотать перед наместником. Эти считали ниже своего достоинства общаться с простым охранником, да тот и сам остерегался с ними связываться, отчаянно скучая по старой доброй швали, с которой можно было пошутить, побраниться, а то и безнаказанно дать в рыло.

– Вон там ваш дружок, в самом конце слева, – сообщил стражник, принимая от Жара монету. Посторонился, пропуская гостей в длинный тюремный коридор, и лениво заметил им в спины: – Только он, кажись, очурился ночью.

– Что?! – Рыска в ужасе обернулась.

– Ага. – Тюремщик вытащил изо рта зубочистку, осмотрел и вставил другим концом. – Ну его когда притащили, он совсем плох был, даже на лежак влезть не смог. Стонал-стонал, потом обделался и затих. Так там на полу и валяется.

– Ах!! – Рыска бросилась вперед.

Жар, печально покачивая головой, пошел за ней. Этого он, честно признаться, и ожидал. Бить можно по-разному. И просто разукрасить синяками на память – и почти бесследно, чтобы дознаватель не придрался к трупу и чересчур ретивым стражникам. Вор на такие штучки уже насмотрелся. Потому-то и остерегался до поры хаять саврянина – но втайне надеялся, что убить путника не так легко.

Девушка схватилась за прутья решетки, прижалась к ним лицом. Камера была узкая и длинная, с забранным прутьями окошечком на противоположной стороне, под самым потолком. Проникавшего в него света едва хватало, чтобы разглядеть узкую лавку-лежанку у стены, накрытую серым драным покрывалом.

– Ах?

Темное пятно на полу не шелохнулось.

– Откройте! – Рыска с лязганьем потрясла дверь.

– Но-но, не балуй! – ворчливо одернул ее тюремщик. – Ему уже без разницы, а замок старый и так вечно клинит. Помнится, в соседней камере как сломался, так приговоренного оттуда неделю для плахи добыть не могли. Пришлось жаждой уморить. – Стражник хихикнул и зазвенел ключами, неспешно подбирая нужный.

Жар прислонился к стене, заставляя себя дышать глубоко и ровно. Тюремное подземелье с его особым запахом сырости, немытых тел, крыс, тухлятины и нечистот и без того выбивало вора из колеи, навевая не слишком приятные воспоминания, а тут еще «веселенькие» баечки.

Дверь наконец открылась, и Рыска ворвалась внутрь, чуть не сбив стражника с ног.

– Тыфу, бешеная девка! – Тюремщик, впрочем, был не чужд человеческому горю, тем более исходящему от такой хорошенькой девицы. Он даже посторонился, пропуская в камеру Жара, прикрыл за ним дверь и подпер ее спиной. Пусть полюбуются напоследок, а то мстительный наместник может и трупу наказание назначить: голышом на кол насадить или за ноги подвесить, покуда не сгниет. А хорошо он все-таки Румза приложил, хе-хе! Весь город уже знает. Кабы не саврянином был, даже пожалели бы его.

Рыска упала на колени возле тела (как померещилось в полумраке, уже обезглавленного), схватила его за плечи... и ощутила под пальцами только мокрую ткань рубашки. Девушка взвизгнула от неожиданности, отпрянула. Жар, не веря глазам, подскочил к лавке и рывком сдернул тряпье, словно надеясь обнаружить узника под ним.

– Ах ты...

Рыска истерически рассмеялась.

Под лавкой чернел крысиный лаз.

Звякнуло, шелкнуло. Когда Жар обернулся к двери, на ней уже висел замок, а тюремщик спешил к выходу, трясая связкой ключей, как колокольчиком.

– Эй, ты чего, котяра?! – возмутился вор, подбегая к решетке. – Выпусти нас!

– Посидите тута до разбирательства, а то ищи вас потом, подозрительных! – не оглядываясь отозвался стражник и уже с середины коридора завопил: – Побе-е-ег!

* * *

Фесся молча глядела, как муж наматывает портянки и обувается в лапти. Тишина была тяжелой, напряженной. Лучше бы ругань, упреки, слезы, чем такое вот грозное ожидание.

– Ну пошел я, – неловко сказал Цыка, выпрямляясь. – Давай поцелуемся на дорожку, что ли...

Жена покорно позволила ему привлечь себя к груди, коснуться неподвижных губ.

– Бессовестная ты баба, – не выдержал батрак. – Муж на полгода уходит, а она его даже проводить по-доброму не желает!

– Что?! – прорвало Фессю. – Это я-то бессовестная?! Сам нас бросил, еще и упрекает!

Муж страдальчески поморщился: ну вот, опять все сначала! И как ей объяснить?!

– Не бросил, а наоборот – забочусь, деньги для семьи зарабатываю, горба не щадя!

– Как будто нам и так чего-то не хватало! Дом почти достроен, две коровы есть, приданого и дареного полный сундук. Иные на меньшее от хозяев уходят, в землянке по три года живут, но как-то же поднимаются! Сурок и тот с плешивого теленка начинал, за полсребра на скотобойне купленного.

– А я не хочу «как-то»! – Цыка в сердцах ударил кулаком по ладони. – На кой три года терять, если можно сразу на ноги встать?

– Вот! Это ты не хочешь! Тогда и не ври, что для семьи!

– Для сына моего! Мне лучше знать, что ему нужно!

– А может, это девочка? – ядовито предположила Фесся, опуская руку на зашевелившийся живот – ребенок как будто понял, что речь идет о нем.

– Мальчик, – уверенно возразил муж, – я у Рыски спрашивал. И не хочу, чтобы он, как я, в нужде рос!

– Так ведь нет никакой нужды. – По щекам жены снова покатались слезы. – Потерпеть только чуток, главное – вместе... Как же я одна рожать-то буду?!

– Что, и рожать вместе с тобой?!

– Постоял бы рядом, за руку подержал! – Фесся порывисто вцепилась в его локоть, как будто время уже подошло.

– Да ты чего, – растерялся батрак, выдергивая руку, – меня мужики засмеют, а тебя бабы!

– Пускай, зато мне спокойнее будет!

– Вот еще, придумала глупость! – Цыка распахнул дверь. Телега с царскими работниками выезжала из Приболотья сразу после завтрака, и сопровождавший их голова пригрозил, что если батраки опоздают, то пойдут в город пешком. – Вы, бабы, как кошки, – вспомнив, повторил он за Сурком. – Родишь, куда не денешься.

Но Фесся на такое утешение взвилась пуще прежнего:

– Вот и женился бы на кошке! Месяц помяукал, а потом можно до следующей весны не показываться – пусть сама как хочет крутится, котят растит!

– Тьфу, дура! – Батрак вскинул на плечо суму. Самому собирать пришлось, вредная жена даже пальцем в помощь шевельнуть отказалась. – Ладно, бывай. Поедет кто-нибудь из наших в Макополь – обменяемся весточками.

Цыка вышел, по поверью не закрыв за собой дверь. Пересек двор, на ходу попрощался с дедком и вдовой, потрепал по макушке одну из ее девишек. Прощальный взгляд Фесси жег спину, и батрак чуть ли не бегом пустился по ведущей с холма дороге.

Через полвешки Цыка остановился перевести дух, оглянулся. Жена, простоволосая, в свободном белом платье, стояла за хуторскими воротами, одной рукой придерживая живот, а другой то и дело утирая глаза.

«Вот глупая баба, накрутила и себя, и меня, – со смесью злости и жалости подумал батрак. – Я же для нее стараюсь! Это сейчас ей ничего не надо, а через месяц начнется: «Ой, Цыка, а давай еще одну коровку заведем? А почему сосед своим плугом пашет, а мы до сих пор одалживаемся?» Надо зарабатывать, куда молодой и силы есть!»

Махнул ей: мол, иди назад, не стой пугалом.

Фесся стояла. Ветер трепал подол, бросал волосы то назад, то на лицо. Женщина их не поправляла.

Цыка сплюнул, развернулся и быстро пошел к веске.

На душе было гадко, будто подлость какую-то сделал.

* * *

Спустя четверть лучины в подземелье торопливо спустился начальник тюрьмы, спотыкаясь на шербатых ступеньках и нещадно бранясь. Жара и Рыску выпустили – но не восвояси, а в коридор, под надзор стражников. Начальник лично осмотрел камеру, брезгливо поворошил ногой Алькову одежду, как сброшенную змеей шкуру, понял, что дело темное, и, не мешкая, послал к господину наместнику гонца с запиской.

Румз появился через считанные щепки – оказывается, он как раз шел по тюремному двору, желая полюбоваться на унижение своего обидчика и вконец отравить ему последние часы. Синяк на лбу наместника, охлажденный и припудренный, в половину потерял в цвете и размере, но все равно приковывал взгляды, особенно знающие. Румз их заметил и рассвирепел еще пуще.

– Что значит – исчез? – визгливо напустился он на вытянувшихся в струнку стражников. – В муху, что ли, превратился и в окошко выпорхнул?

Господин наместник даже не догадывался, насколько он был близок к истине.

– Лентяи, идиоты! Пропали побег! Будете вместо него висеть!

Жар попытался воспользоваться случаем и выскользнуть во двор за спинами оцепеневшей от страха охраны, но Рыска не поняла его знаков, а когда вор по-простому потянул девушку за руку, уперлась и покачнулась, привлекая внимание наместника.

– А это кто такие?!

– Сообщники, господин Румз, – хрипло вякнул начальник стражи. – Пришли заключенного проведать, ну мы их и задержали на всякий случай.

Наместник пригляделся внимательнее:

– Помню-помню. – Голос у него снова стал вкрадчив и тих. Ага, дружок белокомого и его девка. Женщин Румз вообще терпеть не мог, а Жар был не в его вкусе, так что друзьям предстояло огрести по полной. – Что ж... Проводите этих голубчиков в дознавательную, я сам ими займусь.

Стражники выдохнули (хвала Хольге, господин наместник нашел других коров отпущения!) и с удвоенным рвением заломили пленникам руки.

* * *

«Дознавательная» оказалась самой обычной пыточной дальше по коридору. Она вообще-то была занята, но гнев наместника вымел оттуда и одноглазого палача, и его тощего прыщавого помощника, и чье-то жуткое окровавленное тело, которое выволокли за ноги да так и зашвырнули в одну из камер. На полу осталась извилистая полоса – быстро высохшая, но не исчезнувшая.

Одна половина пыточной выглядела как обычная комната – стол, несколько стульев, полки с бумагами. В другой стояла иная «мебель»: дыба, «качель» из широкой доски с кандалами для рук-ног и что-то вроде сундука, изнутри утыканного гвоздями – то ли ржавыми, то ли в засохшей крови. С потолка свисали веревки и цепи, над дырой в полу поднимался желтоватый пар. Перед разожженным камином в рядок лежали острые железяки, напоминавшие лекарские, но любой больной при их виде предпочел бы помереть. В зарешеченном ящике скреблись, попискивали крысы, меж прутьев иногда высовывались кончики хвостов.

Пока, впрочем, «гостям» показали на стулья. Наместник сел за стол напротив.

– Что ж, милые мои, говорите, – велел он, придиричиво поправляя кружевные манжеты.

– О чем? – не поняла Рыска.

– А обо всем. Кто вы такие, кто этот саврянин, что в моем городе делаете...

По дороге друзей обыскали, торжествуя выудив из Жарового кармана связку отмычек, которая теперь лежала перед Румзом. Рыскины деньги тоже подверглись тщательному осмотру, во время чего бесследно сгинули.

Друзья переглянулись – и тут же получили по затрещине от стражников, предупредительно стоящих за стульями.

– Я сказал – говорить, а не сговариваться, – лениво пояснил наместник, перебирая тонкие гнутые железки. – Многих уже тут обчистить успели?

– Да я их просто так, на всякий случай ношу! – искренне возмутился Жар: в Зайцеграде ему еще ни разу не пришлось пустить связку в дело, а к ее весу и побрякиванию при ходьбе он привык, как к той же шапке. Скорее заметил бы, если б обронил.

– Это на какой же, например? Дружку побег устроить?

– Так ведь он еще до нас удрал!

– А как ему это удалось, не догадываешься?

Жар промолчал, понимая, что за правду ему точно влепят горячих – решат, что издевается.

– Выведите его, – неожиданно велел наместник стражникам. – Я с девчонкой один на один поговорю. Чтoб меньше стеснялась.

У Рыски, напротив, аж зубы от страха застучали – чего поднаторевший в допросах Румз и добивался. Девушка проводила Жара отчаянным взглядом, как привязанная к дереву собачонка, от которой уходит хозяин.

Дверь захлопнулась. Господин наместник неспешно встал со стула, обошел вокруг Рыски. Сегодня от него пахло другими духами, более легкими, но почему-то навевающими мысли о жальнике. «Белая лилия», последний шедевр известного столичного парфюмера, обошелся

Румзу в месячный доход с целого «курятника». Рыска этого, конечно, не знала, но мутить ее стало еще больше.

– Рассказывай, – повторил наместник. – Да не вздумай лгать, я сразу пойму.

Девушка и не собиралась – точнее, не смогла бы. В пыточной воображение и не у таких храбрецов отказывало. Все, на что Рыски хватило, – утаить крысиную сущность Алька и связанные с этим безобразия.

Господин Румз слушал рассеянно. При всех его недостатках наместник был человеком умным и проницательным и быстро понял, с кем имеет дело. Девчонка-простушка и молодой воришка. Второй еще мог заершиться или наврать с три короба, вынудив отделять правду от лжи раскаленными клещами, но глупенькая весчанка, оставшись в одиночестве, перепугалась до смерти и запела зябликом. Осталось только выяснить, за что саврянин задолжал ей такую кучу денег и кто он вообще такой. Хаскиль, хм... Известное имя. Старинный род, вроде бы кто-то из них даже правил в прошлом веке, и сейчас при дворе хоть один на высокой должности да ошивается. Чтобы назваться его отпрыском, нужна недюжинная наглость.

Или веские основания.

Наместник помрачнел, представив, какая буря поднимется, если откроется, что сынок саврянского посла подох в зайцеградской тюрьме. А кому, кстати, об этом известно? Ну как и из-за чего Румз с саврянином сцепились, многие видели. Весь город над наместником смеется. Да только они, белокобые, все на одно лицо, а имя...

– Он здесь еще кому-нибудь представлялся? Друзья у него в Зайцеграде есть, встречались с ними по приезду, говорили?

Рыска огорченно помотала головой, думая, что наместник интересуется, кто бы мог поручиться за саврянина. Наставник разве что, но он Альку не друг и не горожанин, да и где его теперь искать?

Наместник удовлетворенно хмыкнул. Нет, до суда это дело доводить нельзя. Поскорей выгнать этих засранцев из города? Все равно что чумных крыс на волю отпустить. В тюрьму засадить? Стражники болтливы, рано или поздно история оттуда выползет.

Что вообще делают с опасной заразой? Вот именно. Но под каким бы предлогом?

Румз уже собирался кликнуть палача, чтобы девчонке окончательно расхотелось что-либо скрывать, но тут дверь приоткрылась и в нее робко заглянул начальник стражи:

– Господин Румз! Тут парнишка пришел, родственник купца Матюхи...

– Ну?!

Стражник съезжился от наместничьего рыка, но героически продолжал:

– Плачет, жалобу подать желает. Купца-то с возницами, оказывается, прирезали и обоз разграбили, утром птицеловы в леске наткнулись. А вчера вечером Матюху какие-то бродяги искали, говорили – должен он им. Два мужика, саврянин и ринтарец, и девка-полукровка. Вот я и подумал, что вам интересно будет...

– Зови, – помягчел наместник. Стражник радостно кивнул и исчез, чтобы щепку спустя втолкнуть в пыточную зареванного купчишку.

– Эта девка? – без обиняков спросил Румз, кивнув на Рыску.

Парнишка всмотрелся и истово закивал:

– Да-да, господин наместник, точно она! А другой разбойник со стражей в коридоре стоит, я его сразу узнал! Еще с ними саврянин был, с мечом длиннющим, так им и тыкал! Я еле отбрехался, чтобы живым отпустили!

– Неправда! – возмутилась Рыска. – Он сам с нами хотел ехать купца искать, да мы не взяли!

– И как, нашли? – Наместник махнул купчишке на дверь. Тот отвесил несколько лихорадочных поклонов и выскочил.

– Ну... нашли, – не смогла солгать девушка.

– И убили?

– Нет! Он уже мертвый был!

– И опять вы ни при чем, да? – с издевкой уточнил наместник. – Саврянин уже сбежал, купец уже помер... Прямо стервятники какие-то! Только откуда ж тогда, девка, у тебя кровь по всей рубашке, да еще каплями? Из трупа набрызгало? Отвечай! – Румз сгреб Рыску за волосы, рывком задрал ей голову, как овце на бойне, и склонился нос к носу. С такого расстояния косящий глаз выглядел особенно жутко. – Чья кровь?!

– Разбойника, – пролепетала девушка. – Который купца убил и меня хотел. А Альк его...

– Ой ли? – Румз разжал пальцы, выпрямился и одобрительно погладил Рыску по голове, но от такой «ласки» стало еще страшнее. – А может, вы всем скопом на купца напали, а потом добычу не поделили и передрались?

– Нет! Мы только на поляну вышли, а они из кустов как выскочат! Они сами нас убить хотели, мы только защищались!

– А откуда вы узнали, что это разбойники? – огорошил ее наместник. – Может, они просто мимо шли и как раз вас за злодеев приняли?

Рыску словно обухом по затылку огрели. Неужели они с Альком, не разобравшись, совершили ужасную ошибку и убили невинных?! Да нет, эти люди такое говорили, что со случайными прохожими нипочем не спутаешь! Или все-таки...

Тем временем в пыточную впустили молоденького, скромно одетого, но высоко задирающего нос паренька, который сообщил, что община путников знать не знает никакого Алька-саврянина. Если он там и учился, то ушел до испытания, путничьей грамоты не имеет и общинной защиты – тоже.

– Соврал, ублюдок белокопый, – довольно заключил Румз. Что ж, тем проще. Община уже не раз выцарапывала своих людей чуть ли не с помоста, потому-то наместник и велел страже бить саврянина «наверняка». Но как же он все-таки умудрился исчезнуть из запертой камеры, да еще голышом?!

Когда паренек повернулся уходить, наместник легонько шлепнул его по ягодице, зубасто ухмыльнувшись в ответ на недоуменный взгляд. С паренька разом согнало спесь, по лестнице он взлетел белкой, из пыточной слышно было, как подошвы по ступенькам шлепают. Ты еще не путник, пацан, и отравить тебе жизнь в этом городе – раз плюнуть!

Затем наместник кликнул помощника палача, записать результат дознания. Он вышел корявым, но худо-бедно все объясняющим: стражу опоили каким-то снадобьем, временно отшибающим сознание и память, тело узника завернули в тюк и вынесли, а одежду оставили, чтобы очнувшийся тюремщик как можно дольше ничего не заметил. И хотя девчонка-полукровка и ее жуликоватый дружок в этом, похоже, не замешаны, грехов на них все равно предостаточно.

– Судье можете даже не докладывать. – Румз пробежался взглядом по сыроватой бумаге, исписанной крупным полудетским почерком, кивнул и вручил ее начальнику стражи. Все равно, конечно, доложат, но это уже не имеет значения: если убийца признал свою вину, то распоряжение о казни может издать и наместник.

* * *

Пока шли приготовления к повешению, Жара с Рыской снова заперли в камере. Правда, уже в другой – предыдущая неважно себя зарекомендовала.

Девушка молча, покорно подошла к лавке и медленно на нее опустилась, сложила руки на коленях. Друг, успевший схлопотать под дых и по уху (уж больно приговор не понравился), так просто смириться не желал.

– Мы ни в чем не виноваты! – возмущенно орал он, тряся решетку (в меру, памятуя о хлипкости замков). В самом деле, какое унижение для матерого вора – быть повешенным за то, чего он не совершал! – Я требую пересмотра дела! Дайте хоть с судьей поговорить!

– Щас, будет он ко всякой швали спускаться. – Тюремщик треснул узника по костяшкам связкой ключей, отпугнув от решетки. – Расшумелся тут... Скоро вам последний обед принесут, не портя аппетит.

– Можно подумать, нам что-то в горло полезет!

– Мне зато полезет, – успокоил стражник. – А вам никто и не предлагает, перебьетесь уже пару лучин.

– И не стыдно?!

– Не-а, – беспечно отозвался тот. Вверху как раз открылась дверь, потянуло запахом жареного мяса, и тюремщик поспешил навстречу посыльному из кормильни.

– Все правильно, – неожиданно сказала Рыска, тихо и обреченно. – Это расплата. Мы ее заслужили.

– Чем?! – изумился Жар.

Девушка уставилась на него с таким же искренним удивлением:

– Мы же убили семь человек!

– Чего это мы? – не понял вор. – Саврянин твой бешеный! А сам удрал, крыса сволочная, чтоб его телегой переехало...

– Мы, – настаивала Рыска. – Я ему помогла с последним разбойником. Я выбрала дорогу, на которой он не промахнулся.

– Он бы и так не промахнулся, – уверенно возразил вор. – Или промахнулся бы и снес головы вам обоим. Или убил его следующим ударом.

– Прекрати! – не выдержала Рыска. – Тебе что, совсем все равно?! Люди же умерли!

– Людей убили, – огрызнулся Жар. Кабы не казнь, эта поляна, пожалуй, еще долго стояла бы у него перед глазами и снилась в кошмарах, но пока что угроза собственной жизни все затмевала. Видал он и трупы, и как дружков его вешали. Второе куда больше впечатлило. – А разбойники сдохли, как бешеные собаки, туда им и дорога.

– Кто мы такие, чтобы их судить?!

– А кто, по-твоему, этого достоин? – Вор кружил по камере, как пойманный волк, отвечая раздраженно и отрывисто.

– Ну... есть же стража, судьи... – Рыска не отрывала от него взгляда, будто боялась, что стоит на щепочку отвлечься – и друг исчезнет и она останется совсем одна.

– Думаешь, они чем-то лучше и безгрешнее?

– Ну... раз их выбрали...

– Ха! – Жар ухватился за решетку и подпрыгнул. Уперся ногами в стенку, подергал за прутья. Сидели мертво. – Кто больше наместнику заплатил или пообещал, того в кресло и посадили! А разбойники заплатят – и будут стражниками называться!

– А как же справедливость?

– Кому она, к Сашию, нужна, твоя справедливость?! – Жар спрыгнул на пол, развернулся к подруге. Лицо у него было красное и злое. – Городу нужен по-ря-док! Чтобы грабили за месяц столько-то, убивали столько-то, а в тюрьме за это сидело и головы лишалось столько-то! И если что-то перевешивать начинает, задача власти – уравнивать! А не справедливостью маяться!

– Зато мне она нужна, – упрямо сказала Рыска. – Я без нее жить не могу.

– Вот и будешь через лучину висеть, правдолюбка, – в сердцах брякнул вор. – Только на ведро перед выходом сходить не забудь. А то справедливость – штука неприглядная.

Девушка уставилась на него – безумные желто-зеленые глазищи на бледном, заострившемся лице, – а потом уткнулась лицом в ладони и зарыдала. Впервые с ночи.

Жар выругался, сделал еще кружок, потом плюхнулся на лавку рядом с подругой, грубо обхватил ее за плечи и прижал к себе.

Глава 7

*Крысы с равной легкостью бегают по полу, стенам и потолку.
Там же*

Колая провожали жена и сын, похожий на него как две капли воды – такой же круглолицый, крепенький, с густыми бровями и безвольным подбородком. Жена плакала, мальчишка, глядя на нее, тоже хлюпал носом. Колай смущенно покряхтывал, обнимая то одну, то другого, то обоих разом.

– Ну-ну, чего вы, не на войну ж еду... Может, заработаю чего, гостинцев привезу...

– Сам-то поскорей возвращайся!

Цыка угрюмо отвернулся. Развели тут телячьи нежности. Уж он-то своему сыну с малолетства втолкует: мальчишки не плачут. Настоящего мужика воспитает, помощника. И драться его научит, и про девок все объяснит. Ну и баловать будет, не без того... Но в меру!

...Как-то там Фесся? Долго еще стояла? Хоть бы дедок догадался выглянуть и окликнуть...

Мих уже сидел в телеге, смолил сигарку. Глянул на приятеля и молча протянул ему окурок. Цыка жадно затянулся:

– Чего ждем-то?

– Голову. Он нас до города проводит, чтоб по дороге через борт не махнули, – иронично хмыкнул Мих. – Заодно по ярмарке погуляет, и назад.

– Пешком?

Из-за угла дома как раз вывернул голова, ведя в поводу спокойную рыжую корову. В седле вместо всадника покачивался куль муки, крепко примотанный веревкой.

– Все собрались? – для порядка спросил голова, привязывая корову позади телеги.

Мих кивнул, в одну затяжку прикончил возвращенную сигарку и кинул в колею:

– Кто править будет?

– А хотя бы и ты, – весело отозвался голова. Конечно, ему-то что – еще до заката дома будет, с барышом и покупками...

Батрак кивнул еще раз, перелез вперед. Шлепнутая вожжами корова удивленно мотнула головой – успела придремать стоя – и пошла тяжелой трусцой. Подгонять ее Мих не стал (телегу веска выделила паршивую, чтоб только до места доехать и пометку приемщика получить, а там пусть разваливается), устроился поудобнее.

Немногочисленные провожающие начали расходиться, жена Колая опустила руку с белым платочком и горестно в него высморкалась. Мальчишка по-простому утерся рукавом и уже косился на играющих возле молельни друзей, как вдруг ее дверь распахнулась и во двор выскочил молец. В одной руке он сжимал посох-рогатину, с которым уже тридцать лет справлял обряды, другой придерживал заброшенный на спину узел – объемный и увесистый, как будто овцу туда увязал.

– Постойте! Погодите!

Голова недовольно поморщился, но все-таки велел Миху придерживать корову. Молец, и смолodu не водивший особой дружбы со здравым смыслом, к старости стал совсем несносным. Раньше от него с Хольгой хоть откупиться можно было, а теперь, смех сказать, даже пить бросил. Совсем сбрендил на своей вере – ему, мол, Богиня чуть ли не каждый день является, стыдно на нее перегаром дышать.

Узел, а за ним и молец плюхнулись на телегу. Дно крякнуло, корова повернула голову и укоризненно посмотрела на добавившийся груз.

– Видение мне было, – отдыхиваясь, пояснил молец. – Надвигается на нас год Крысы, какового ни мы, ни предки наши еще не видывали, а потомкам дай Божиня вообще появиться.

– Ну и чего? – не понял голова.

– Богиня ткет дороги, а куда мы по ним придем, зависит от нашего выбора, – напыщенно заявил молец. – Я свой сделал.

Мужики со значением переглянулись. Голова украдкой покрутил пальцем у виска, но решил не спорить с полоумным. Пусть прокатится туда-обратно, лишь бы телега не треснула.

* * *

За приговоренными пришли только после полудня. Обычно казни устраивались по утрам, но сегодня виселицу уже успели занять, а на завтра был записан другой «счастливчик». Одноглазый палач, которому из-за неурочной работенки пришлось пожертвовать семейным ужином, ворчал так, что Жар язвительно предложил ему поменяться местами.

– Щас, размечтался, – буркнул палач, нахлобучивая алый колпак с прорезью для глаз, но жаловаться перестал. – Вяжите их, парни!

Наревевшаяся и обессилевшая девушка покорно позволила стянуть себе руки за спиной и поплелась к выходу между двумя стражниками. Следующей паре пришлось повозиться: Жар, решив, что терять уже нечего, отбивался, как схваченный за уши заяц. Заключенные в других камерах радостно орали и свистели в два пальца, радуясь нечастому развлечению.

Но наконец скрутили и вора.

После полумрака подземелья солнце слепило до слез, а воздух казался теплым, словно парное молоко, и таким же душистым. Как, оказывается, прекрасен мир, когда ты его покидаешь! Сразу и воркующих голубей начинаешь замечать, и собачья колбаска на мостовой становится такой трогательной...

Процессия поднялась на помост. Глашатай громко, со вкусом и выражением, зачитал приговор.

Жар жадно высматривал Алька. Если у этого гада есть хоть капля совести, он обязан прийти им на помощь! Всего-то четыре стражника охраны, глашатай и палач, толпу же можно в расчет не брать, в ней от силы пара храбрецов найдется, остальные с визгом и улюлюканьем раздадутся, давая дорогу.

Рыска молчала. Ей страшно было так, что в глазах чернело, самую малость до обморока не хватает. Хоть бы Альк не пришел! Он же сумасшедший, крысиный волк, – чего доброго, ворвется на площадь с каким-нибудь серпом или граблями и устроит резню, как на поляне. А тут женщины, дети... да и стража – она же не виновата, что ей велели охранять приговоренных! Уклониться от боя стражники не имеют права, а значит, полягут все.

Наверное, можно было попробовать использовать дар. Но девушка так устала и отупела от пережитого, что даже не пыталась барахтаться. Будь что будет, значит, такова воля Хольги.

В жиденькой толпе не мелькнуло ни единой белой макушки. Да и вообще народу собралось мало – подумаешь, каких-то бродяг вешают. Вот если бы хотя бы колесовали или за ребро... а тут пять щепок всего удовольствия.

Зато в первом ряду стоял племянник Матюхи, глядя на приговоренных злыми опухшими глазами.

Это было так обидно и нечестно, что вырвало Рыску из оцепенения.

– Неправда, мы твоего дядю не убивали! – крикнула она, шагнув к краю помоста. Стражник поймал ее за связанные руки, оттащил назад. Девушка споткнулась, упала на колени.

Парнишка потупился и попятился. Толпа заворчала. Начались перешептывания: «А с виду такая молоденькая, может, и не врет...»

– Ага-ага. – Палач почесал под мышкой. – Мы тут только невинных каждый день и вздергиваем.

Послышались смешки – большинство зрителей тоже были настроены скептически. Чего только перед казнью от страха не наговоришь, самой пресвятой Хольгой прикинешься.

– Конечно, невинных, – нахально подтвердил Жар. – У виновных-то есть чем от наместника и судей откупиться.

Симпатии толпы снова переметнулись на сторону осужденных. Косого наместника, несмотря на все его усилия по возвеличению Зайцеграда (а может, как раз благодаря им), в городе терпеть не могли, а продажность судей ни у кого не вызвала сомнений.

– Ну так молитесь Богине, – ехидно посоветовал палач. – Она небось гибели праведников не допустит. – И кивнул стражникам: мол, давайте поскорее избавимся от этой обузы, пока лишние слухи не поползли.

Страсть Румза к чистоте и порядку проявилась даже здесь: палачу не приходилось возиться с вышибанием пеньков из-под ног осужденных – достаточно было дернуть за выкрашенный красным рычаг, как кусок помоста эффектно проваливался. На виду оставалась только верхняя половина повешенного. Когда она переставала дрыгаться, тело подтягивали вверх и оставляли на всеобщее обозрение и глумление до завтрашнего утра. Дольше редко: господин наместник ненавидел трупный запах и требовал убирать место казни ежедневно.

Обычно преступников казнили по одному, но дело было скучным, и палач торопился домой. Жара с Рыской поставили рядом, накинули им на шею петли из толстой гладкой веревки – чтобы именно удавила, а не сразу сломала позвоночник. Девушке из милосердия надели на голову мешок. Рыска честно пыталась молиться, но ничего не получалось. Мысли путались, слова забывались, будто Хольга, оскорбленная ночным злодейством, отвернулась от заблудшего чада – а для Сашия, видать, девушка была слишком мелкой добычей.

Палач дернул за рычаг.

Пол провалился, и осужденные вместе с ним. У Рыски в животе екнуло, потом веревка впилась в горло, беспощадно его стиснув – но совсем ненадолго.

Падение продолжилось. На ногах девушка не устояла и упала на бок, больно им ударившись. Петля на шее расслабилась – все еще давила, но уже не душила вчистую. Больше плотный мешок мешал. Рыска затрясла головой, сбрасывая его, и обнаружила, что лежит на толстом слое песка под помостом. Рядом судорожно откашливался Жар. Сбоку, в щели под досками, виднелось множество всевозможных ног: и тощие, и толстые, и босые, и в башмаках, и даже рыжие собачьи лапы, две штуки – видно, передними псина оперлась о стенку.

Следом за повешенными в провал прыгнул обескураженный палач, ухватил конец свисающей с Рыскиной шеи веревки. Причина ее возмутительного поведения обнаружилась сразу.

– Вот твари!

Веревка оборвалась у самой балки – в месте, где никто бы не подумал проверять (обычно у самой шеи на прочность дергают), зато незаметно подгрызть удобнее всего.

– Я же ее лучину назад завязывал! – не укладывалось в голове у палача. – И не отходил никуда!

Отходить-то не отходил, но и неотвязно не пялился. А вытянувшейся в струнку крысе ничего не стоит взбежать по потемневшему, цвета ее шерсти столбу.

В дырку прыгнул глашатай. Вид у него был испуганный, шапка куда-то исчезла.

– Ты чего, ополоумел?! – напустился он на палача. – Гнилье подвязал, а казенные деньги пропил?

– Глянь! – Тот ткнул глашатаю в нос размахренным концом. – Новенькая, салом смазанная! Тьфу, видать, крыса на него и польстилась...

– Я тебя самого сейчас крысам скормлю! Слышишь, чего люди орут?!

Жар с Рыской наконец отдышались и тоже прислушались.

– Свободу невинным! Свободу! – ревела толпа. – Хольга-заступница свою волю сообщила! Чудо великое явила!

– Наместник – душегубец! – тонко взвизгнул кто-то, но его не поддержали. Хольга Хольгой, а наместник наместником.

– Чудо, мать его... – прохрипел вор, пытаясь поддеть подбородком петлю. – К Сашию такие чудеса, я уже одной ногой на небесную Дорогу ступил, а сейчас по новой...

Но палач не спешил заново подвязывать веревку. И даже назад лезть не торопился.

– Свободу-у-у! – продолжали неистовствовать люди, так напирая на помост со всех сторон, что аж доски похрустывали. Потом раздался гулкий удар, за ним еще парочка. К дыре подкатился и упал булыжник из мостовой, глашатай еле отпрыгнуть успел.

Стражники растерялись. Их было всего четверо, никто ж не ожидал от обычной казни такого безобразия. К тому же Рыска слишком хорошо думала о бесстрашии стражей закона – еще немного, и они посыпались в дыру, как спелые груши.

– А ну живо вылазьте и проваливайте!

Не успела Рыска понять, чего от нее хотят, как ее с двух сторон ухватили за локти и вышвырнули обратно на помост. Жар выскочил сам, едва веревка с рук спала. Поддержал пошатнувшуюся подругу, оглянулся. Из провала на них мрачно глядели пять с половиной пар глаз. «Мы, пожалуй, тут пока посидим», – читалось в них.

Толпа взревела так, что повешенные чуть не оглохли. Людей на площади было намного больше, чем когда на Рыску надели мешок, и они продолжали прибывать – весть о чудесном спасении быстро разносилась по городу.

– Что им надо?! – ошарашенно пролепетала девушка, цепляясь за друга. Кто и когда успел ее развязать, она даже не заметила.

– Какая разница?! Валим отсюда, куда страже подкрепление не подоспело!

– А они нас выпустят?

Толпа действительно так облепила помост, что убежать можно было разве что по головам.

– Предсказание! Предсказание! – теперь уже орали люди, не сводя с друзей горящих глаз. – Хольгина воля! Слушайте, слушайте все!

– Кажется, они хотят, чтобы ты им что-то предсказала, – смекалисто шепнул Жар, наклонившись к Рыскиному уху. Мгновенно подстраиваясь к ситуации вору было не впервой – работа такая.

– Я?! – в ужасе оглянулась та на друга.

– Ну ты же у нас видунья.

– Так ведь не вещунья!

– Какая разница?! – проникновенно зашипел вор, борясь с кхеканьем – шея припухла и все еще болела. – Ты баба... тьфу, женщина, тебе больше поверят, что твоими устами Хольга говорит! Сочини по-быстрому сказочку какую-нибудь!

– Я не могу! Мне плохо! Я, кажется, сейчас вообще упаду...

– Держись! – Жар обнял ее еще крепче. – Вспомни, как ты на таком же помосте вчера выступала! Все то же самое! У тебя ж была вещунья в байке про дерево, батраки вечно в лежку лежали, когда ты ее изображала. Вот и давай!

– Ничего не то же... – отчаянно пробормотала Рыска, озираясь. Толпа напоминала огромного пестрого паука с телом-площадью и лапками-улицами, нетерпеливо шевелящегося в предвкушении добычи. Сейчас не дождется представления, бросится и схарчит...

И вдруг – то ли усталость была тому виной, то ли все пережитое – на девушку накатило вчерашнее ощущение власти над толпой. Смотрите на меня? Ждете? Ну так получите, сейчас я заставлю вас то плакать, то смеяться!

– Внемлите мне, люди!

Жар почувствовал, что подруга навалилась на него еще больше, но голос у нее, напротив, окреп, разом заткнув прочие глотки.

– Грядет время великих испытаний! Прилетят к вам четыре могучих ветра – с запада, юга, востока и севера – и принесут с собой тучи белые, черные и пестрые, с дождем, грозой, ураганом и градом...

Жар еле сдерживался, чтобы не захохотать. Любому идиоту понятно, что какой-нибудь ветер да задует и какую-нибудь тучу с чем-нибудь да пригонит. А эти с такими лицами слушают!

Как нарочно, солнце на миг скрылось в облачке, ветерок мимоходом запустил пальцы в Рыскины волосы, расплетенные перед казнью. По толпе прокатился благоговейный вздох, кое-кто рухнул на колени.

Ветер, кстати, был западный.

Жар покосился на дыру. Палач сидел на корточках и мрачно плел из обрывка веревки замысловатые узлы, отчаявшись вернуться домой хотя бы к концу ужина. Стражники с надеждой прислушивались, причем явно не к «вещунье». Глашатая не было видно.

– ...И будет на одних полях урожай, а на других бурьян, в одних колодцах вода, в других ил, в одних горшках мясо, а в других кости... – По сказке пророчица несла этот бред, пока не лопнуло терпение даже у стоявшего рядом дуба.

– Рыска, закругляйся, – тревожно шепнул Жар, незаметно ущипнув девушку за руку. Видуний дар, конечно, дело хорошее, но воровская задница к опасности почутче будет. – Как бы к страже подмога не подросла!

Рыска моргнула, словно очнувшись, и послушно (перескочив через «у кого-то преумножится скот, а у кого-то сдохнет» и «кто-то женится, а кто-то выйдет замуж») закончила:

– И кто не убоится испытаний, того Хольга щедро одарит на земной и небесной дорогах, а кто убоится...

– Того не одарит, – емко закончил Жар. – А теперь простите, добрые люди, но нам пора в путь: пресветлая Богиня, осенив нас своей мудростью, повелела нам отправиться в паломничество, дабы разнести это бесценное знание по всем городам и вескам.

Под ликующие крики: «Воистину!», «Хвала Хольге!», «Да будет так!» – «святые» беспрепятственно спустились с помоста и поспешили к ближайшему переулку. Толпа расступалась перед ними и снова сходилась – так пузырек поднимается со дна к поверхности. Десятки рук одновременно касались друзей со всех сторон – люди торопились приобщиться к благодати Хольговых посланников.

– Госпожа, госпожа, дотронься до моего младенчика! – лихорадочно молила какая-то толстая тетка, сунув Рыске закутанного в лохмотья ребенка. Тот отчаянно ревел, надувая красные золотушные щеки. Дотрагиваться до него совершенно не хотелось, но иначе было не отвяжаться.

– Благословение Богини вновь снизошло на наш город! – блажил горбатый нищий, сам хватая Рыску за ноги и слюнявя их обметанными коркой губами – счастье, что девушка была в башмаках.

– Вновь?! – изумленно пробормотал Жар, но время для расспросов было исключительно неудачное: к помосту наконец добралась уличная стража. К счастью, проталкиваться за беглецами ей было куда сложнее: очарованные Рыскиной речью люди стояли, как стадо баранов, и стражникам приходилось жестоко их распикивать – простые окрики-угрозы не помогали.

Когда же преследователям удалось вырваться на более-менее свободное место, «святых» и след простыл.

* * *

Крыса притаилась на карнизе невысокой переулочной арки, откуда внезапно прыгнула Рыске на макушку.

Девушка, еще не оправившаяся от недавнего потрясения, завизжала и закрутилась, мотая головой, словно на нее упал клочок горящей пакли.

– Эй, эй, потише! Я уже семь лет коров не объезжал.

Рыска все-таки стряхнула его на землю:

– Ты!!!

В следующий миг перед ними уже стоял человек, но никто из троицы этого словно не заметил – все одновременно набросились друг на друга с обвинениями.

– Совсем спятил?!

– На себя погляди, висельница! Вы на кой в тюрьму поперлись, идиоты?

– Тебя спасать!

– А я просил?

– А то нет!

– Нет, – и глазом не моргнул Альк.

– А кто бы нам деньги вернул, если б ты сдох? – отомстил Жар за это наглое заявление.

– Ах вот, оказывается, в чем дело, – протянул саврянин, презрительно изломив правую бровь.

– И вовсе не в этом! – перебила Рыска. Худенькая, растрепанная, взволнованная, она напоминала взъерошенного котенка, шипящего на белого долговязого пса. – Мы за тебя перепугались, крыса ты бессовестная! Зачем ты сцепился с наместником? – Девушка угрожающе шагнула вперед, Альк попятился, сохраняя высокомерно-брезгливую гримасу.

– Он первый начал.

– Если б ты не напился, как свинья, ничего бы не было! Мог бы просто отшутиться и откататься!

– «Уйди, противный, я сегодня занят»? – Саврянин похабно подмигнул Жару, тот скривился и отвернулся.

– Спел бы ему пару песенок, потом улучил бы момент и удрал!

– Чтобы я, Альк Хаскиль, пел для какого-то ринтарского извращенца?! – Саврянин еще выше задрал подбородок.

Жар мрачно подумал, не врезать ли ему – уж больно красиво подставляется, – но стало жалко кулака, и так все тело ноет.

– Ага, а для потаскух, значит, не стыдно?

– Я для себя пел.

– Врешь! Я видела, как ты на них глазел!

– И скрипела зубами от ревности?

– Что-о-о?! – поперхнулась Рыска. Альку пришлось отступить еще на шаг и на всякий случай выставить вперед локоть. – Да нас из-за тебя чуть не повесили!

– А без меня повесили бы точно.

Страсти слегка охладели. Жар выбыл из спора еще на упоминании о наместнике, саврянин тоже не шибко ярился, – видать, все-таки чувствовал за собой вину.

Рыска посопела, пошмыгала носом, но все-таки встала перед Альком и... низко ему поклонилась, коснувшись земли правой рукой.

Опешил не только саврянин, но и Жар, успевший отвыкнуть от весковых обычаев.

– Это чего такое? – недоверчиво спросил Альк, подозревая, что его замысловато прокляли. Как говорили на юге Ринтара и севере Саврии, «чтоб ты здоровенький был, сволочь!», рассчитывая, что это услышит Саший и из вредности сделает все наоборот.

Но Рыска была предельно серьезна.

– Спасибо, что спас меня и моего друга от верной смерти, добрый человек, – прочувственно и напевно произнесла она обрядовую фразу. – Наши дети, внуки и правнуки будут помнить и славить твое имя.

Жар впервые увидел саврянина таким огорошенным. И пожалуй, мало кто из Альковых знакомых мог похвастать тем же. У белокомого аж лицо вытянулось, на миг став растеряннo-мальчишечьим.

– За воруго можешь не благодарить, – фыркнул Альк, быстро взяв себя в руки и снова отгородившись глумливой ухмылкой. – По мне – пусть бы висел.

– Но перегрыз-то ты обе веревки!

– А откуда мне было знать, на какой кого подвешат? – продолжал отпираться саврянин, перебрасываясь с Жаром мрачными взглядами.

– Слушай, почему ты вечно пытаешься казаться хуже, чем есть?! – возмутилась Рыска. Между прочим, Альку полагалось поклониться в ответ и тоже сказать что-нибудь душевное, а не ерничать! Можно подумать, ей легко было признать его заслуги, спрятанные под горой пакостей!

– Это ты идеализируешь людей.

– Чего?

– О людях, говорю, слишком хорошо думаешь, – сварливо перевел на «весчанский» Альк.

– А это разве плохо?

– Это глупо. Если наши поступки кому-то помогают, то это всего лишь означает, что нам они тоже выгодны. И благодарить за это нет смысла.

– Поэтому от тебя никогда доброго слова не дождешься?

– Я тебе за неделю уже три раза «спасибо» сказал и два – «пожалуйста».

– А ты их считаешь?! – Рыска потрясенно приоткрыла рот.

– Нет, – неожиданно рассмеялся Альк, пальцем поддевая ей подбородок. – Я тебя дразню. Придумала... кланяться.

– И вообще, какого Сашия мы тут уже лучину торчим?! – спохватился Жар. – Драпать надо из города, пока норы не заложили!

Саврянин кивнул, радуясь возможности закончить этот дурацкий разговор, и развернулся:

– Нам туда. – Место было безлюдное, дару почти ничего не мешало. Даже наоборот, что озадачивало Алька с самого начала.

В присутствии Рыски его видунские способности не только не ослабевали, а как будто даже усиливались. И ее, похоже, тоже. Ну второе еще можно понять: человеческий облик не избавлял Алька от роли «свечи», и девчонка потихоньку потягивала из него дар. Далеко не всегда болезненно или вообще ощутимо – но оттого не менее оскорбительно. Как будто тебя внаглую обкрадывают, с невинным таким весчанским личиком и честными-пречестными глазами.

Но чтобы «свеча» использовала путника?!

Проходя под натянутой поперек улицы бельевой веревкой, Альк подпрыгнул и сдернул с нее штаны. Короткие и драные, но Жар завистливо присвистнул: обычный прохожий нипочем бы до них не достал.

– А вон то платышко можешь?

Едва компания завернула за угол, как раздался удивленный и возмущенный вопль обокраденной прачки.

- Поздно, – буркнул Альк.
- И впереди ничего такая рубашечка, на той же высоте...
- Слушай, тебя еще не отвернуло от веревок? – Саврянин приостановился, натягивая добычу.
- Наоборот – я к ним уже как-то попривык, – съязвил Жар.
- Ничего, с таким ремеслом ваша разлука будет недолгой, – зловеще пообещал ему Альк и, помолчав, с мальчишечьим самодовольством добавил: – Ну теперь ты убедился, что я умею лазить по столбам?!

Глава 8

*В ненастную погоду крысы делаются вялыми и сонными,
отсиживаясь в глубине нор.*

Там же

По уму, следовало обойти «Очаг» по большой дуге, однако там осталось все имущество друзей. Вещи – Саший бы с ними, но без коров далеко (а главное, быстро!) все равно не уйдешь.

Пришлось рискнуть.

– И где? – мрачно спросил Альк, глядя на значительно оскудевшую коровязь. Теперь там стояли всего две коровы, рыжая и белая, с таким же теленком-сосунком. Заячьи бои закончились, гости разъехались.

– Может, хозяин в коровник перевел, – неуверенно предположил Жар. Сараев при «Очаге» не было.

– Нет, – отрезал видун. – Ждите здесь.

– А ты куда?

Саврянин, как всегда не отвечая и не проверяя, послушались ли его, направился к воротам.

Друзья переглянулись и – откуда только силы взялись! – кинулись за ним.

– Альк, погоди!!! Давай лучше...

Хлоп! Дверь, подло захлопнутая проклятушим саврянином, больно саданула Рыску по колену, а Жара по носу. Внутри кто-то возмущенно воскликнул – похоже, вышибала; грохнул об пол стул.

Вор, гнусаво матерясь в зажатый ладонью нос, подергал за ручку двери, но та не шелохнулась. По-видимому, от толчка упал на крюки запор – нарочно замыкаться, отрезая путь к отступлению, Альку не было резона.

– Если там опять сидит наместник... – в ужасе прошептала Рыска, закусывая ноготь.

Жар ударил дверь плечом, но только посадил на него еще один синяк. Бревенчатый забор в полтора человеческих роста пинать тем паче не имело смысла. При желании в «Очаге» можно было держать вражескую осаду, используя росшую во дворе ель как вышку.

Вор подпрыгнул, пытаясь достать до верха забора и подтянуться, но подточенная тяжелым днем ловкость ему изменила. Только в смоле испачкался – бревна оказались сосновые, свежие. Оставалось лишь прильнуть ухом к щели и молиться.

Вышибалу Альк просто отпихнул в сторону, рукой в лоб. С другим таким наглецом немедля завязалась бы драка, но страж разглядел гостя и изумленно отвесил челюсть: все были уверены, что на земных дорогах они этого саврянина уже не увидят.

– Ну? – поинтересовался белокопый беспокойник, обводя комнату тяжелым взглядом волка в овчарне.

В кормильне, где и без того было тихо и грустно (сегодня здесь не праздновали, а опохмелялись), стало *очень* тихо и грустно.

– Д-да, господин? – проблеял кормилец, машинально поднимая с ближайшего стола тарелку с недоеденной кашей и начиная с нажимом протирать ее полотенцем. Хозяин каши этого даже не заметил, тоже таращась на саврянина. – Ч-ч-чего изволите?

– Коровы наши – где?

– Ну, похоже... это... Боюсь, украли их, – с содроганием признался мужик.

Альк чуть сдвинул брови, и кормилец понял, что боится не напрасно.

– Кто?

– Да откуда ж мне знать, добрый человек? – залебезил мужик. – Вот только что глядел в окно – стоят, отвернулся – уже нету. Мы ж по закону за скотину отвечаем, только покуда хозяева в кормильне сидят, а чуть расплатились и вышли... Уж не обессудь, но тут вам не бесплатная коровязь на целый день...

– Кто? – холодно повторил Альк, удивительным образом вкладывая в это короткое слово все свое отношение к подобным законам и людям, за них прячущимся.

Кормилец с надеждой уставился на вышибалу. Тот отвел глаза: саврянин ему здорово не нравился и сам по себе (было в нем что-то звериное, хищное), и из-за бродящих по городу слухов. Может, сам уйдет, по-хорошему?

– Слушай, парень, не кипятись, – миролюбиво сказал вышибала, протянув руку к Альковому плечу, но белокопый так на нее поглядел, что она сама отдернулась. – Мы правда не знаем, кто твоих коров свел. Видели только, что по дороге на Рогатку, там завтра ярмарка будет. Если поспешишь и к утренним торгам успеешь, может, и отобьешь.

Альк сузил глаза, отчего тарелка как живая выскочила у кормильца из рук и усакала под стол, чудом не разбившись. Вышибала обреченно потянулся к мечу.

– Козлы, – презрительно проронил саврянин, развернулся, откинул запор и вышел, оставив дверь нараспашку.

– Верно, совсем эти воры распоясались, – неискренне посетовал вышибала, не слишком стараясь, чтобы быстро удаляющийся Альк его услышал.

– Ужас, – поддакнул кормилец, тоже крепко сомневаясь, что белокопый имел в виду скоткрадов. Но ронять лицо не хотелось никому.

Комната наполнилась шумом, неестественно громким и жизнерадостным: все усиленно убеждали себя и соседей, что ничего особенного не произошло – ну зашел мужик, что-то спросил и вышел.

– Дверь-то прикрой, а то вечереет уже, холодом тянет.

Вышибала, пожившись, подчинился. Хотя ветерок был вполне себе теплым, приятным. Только грозой пах.

* * *

Капли падали на дорогу, как в тарелку с мукой, глубоко проваливаясь в пыль. Это вначале. Потом дождевой узор стал плотнее, пыль прибилась, а намокшая одежда стала липнуть к телу. Закатное солнце медной монеткой лежало на краю окоема, натянув тучи до самого носа, как пуховое одеяло.

– Вот сволочи! – заплетающимся языком ругался Жар. – Чтоб у них руки поотсыхали!

– А сам-то? – напомнил Альк, тяжело, неестественно ровно дыша – если позволить измотанному телу вести себя так, как ему хочется, оно сдастся вдвое быстрее.

– Я ж говорю – сволочи! У своих гребут!

– Надо было записку на седле оставить.

Жар сдавленно выматерился, на Алька в том числе.

– Хоть бы сумки оставили!

– На кой они тебе? Бриллиантами, что ль, набиты?

– Там вещи! – Вор заметно беспокоился: видать, действительно лишился чего-то ценного, а не просто изливал злость на последнюю Сашиеву каверзу.

– Какие?

– Нужные!

– Твоя девка сейчас рухнет.

– Не рухну! – обиженно возразила Рыска и тут же споткнулась. Жар сделал вялое бесполезное движение в ее сторону, Альк, напротив, брезгливо отстранился, чтобы падающая девушка не увлекла его за собой.

Рыска выравнилась сама, даже не заметив благородных и не очень порывов спутников. Те тоже мигом выкинули из головы этот эпизод: цела, и ладно. Все устали как собаки, долгая ровная ходьба помогла беглецам успокоиться, но в то же время вконец истощила силы.

– Все равно не догоним, – наконец здраво оценил ситуацию Альк. – Надо на ночлег становиться.

– Здесь?! – Жар так трагично обвел рукой завешенные моросью поля и перелески, что Рыска, несмотря на все невзгоды, не удержалась от слабого смеха. – Нам даже костер развести нечем! Сейчас солнце сядет, совсем околеет!

– Где-то поблизости жилье должно быть. – Саврянин вообще напоминал вчерашнего утопленника: распущенные волосы, мокрые и оттого кажущиеся серыми, белая, даже с легкой синевой кожа, бесцветные губы. Еще бы, босиком и без рубашки!

– У меня все деньги отобрали, – жалобно призналась девушка. – Без денег не пустят...

Жар, напротив, оживился:

– Что, правда близко?

Саврянин поежился:

– Может, уже вон за тем леском. Три к одному. Пять к одному – за следующим.

Ободренный вор ускорил шаг. Дождь тоже усилился, поняв, что жертвы, которых он собирался медленно, со вкусом пытать до утра, могут улизнуть.

Поселок оказался и не за первым леском, и не за вторым, а между ними, в стороне. Пока дошли по мокрой траве, в башмаках у Рыски и Жара захлюпало по самый верх.

Вор, не в силах больше терпеть измывательства природы, направился к первой же избе.

Альк приостановился, осмотрелся:

– Лучше б нам подальше пройти.

– Какая разница-то? Лишь бы крыша была. – Вор уверенно постучался.

Дверь распахнула дородная, встрепанная и раскрасневшаяся баба с ухватом наперевес. Изнутри так пахло теплом и свежими щами, что Рыска чуть не заскулила от голода, как бездомная собачонка.

– Кому там Саший спать не дает? – громко и зло поинтересовалась баба.

– Не дает, мерзавец! – с готовностью поддержал Жар. – Только на Хольгину да вашу милость и уповаем! Пустите переночевать, а? Мы люди мирные, не буяним, не храпим...

Баба заколебалась, опустила было ухват, но тут разглядела Альку.

– С белокосым не пушу, – отрезала она и решительно дернула на себя дверь. Закрывать не удалось – Жар подставил ногу.

– Да где ж у него косы-то? – попытался пошутить вор. – Патлы одни.

– Пшли, пшли вон, бродяги! – Баба неумолимо тыкнула в Жара ухватом, сгоняя с крыльца. – Идите к свиньям на постой проситесь, там вам самое место!

– Так мы туда и пришли, – огрызнулся вор, поняв, что дело глухо.

Дверь звучно хлопнулась. Рыска беспомощно обернулась к Альку, снова чувствуя острую вину за поведение соотечественницы, но тот лишь пожал плечами:

– Я же говорил, что в эту избу идти не стоит.

– А куда стоит? – Жар с досадой подумал, что без Альки найти ночлег было бы куда проще. Пусть бы саврянин, не дразня добрых людей, в стогу в поле переночевал – но Рыска, конечно, не согласится.

– Вон ту можно попробовать, – показал Альк.

– А мне вон та нравится, – робко заметила Рыска. – Где желтые цветы у ворот.

– Или эту, – согласился саврянин.

– Пошли! – Второй вариант приглянулся Жару больше, ибо был ближе.

На сей раз стучать пришлось дольше, настойчивее, но дверь все-таки открыли – невысокий шуплый мужичок, у ног которого увивалась такая же мелкая криволапая дворняжка черного цвета.

– Ы-ы-ы? – испуганно поинтересовался хозяин.

Собачонка тявкнула куда членораздельней.

– Хозяин, пусти переночевать! – тоном «кошелек или жизнь!» гаркнул Жар.

Немой отчаянно замахал руками и замычал, пытаясь объяснить, что места нет и саврян он тоже не любит.

– А за денежку? – Жар потряс у него под носом тощим, но отчетливо позвякивающим кошельком.

Мужичок на миг замолк, что было единодушно принято за согласие, и озябшая троица ввалилась в избу, попросту сметя хозяина с дороги. Рыска вежливо закрыла за собой дверь.

В этом доме едой не пахло, но по крайней мере было тепло и сухо. Судя по грубо сколоченной мебели, немногочисленной утвари и полному отсутствию безделушек, немой жил один. Смирившись с незваными гостями, он жестами объяснил им, что лечь они могут на полу в кухне, а из еды в доме только вареная картошка, вон горшок дерюжкой укутан.

– А печку растопить можно? – Жар потрогал ее бок – едва теплый, вещи на такой до утра не высохнут.

Хозяин начал было объяснять, что дров мало, в доме и так душно, но глянул на Алька, осекся и уныло махнул рукой. Не то сжалился, не то подумал, что пусть лучше дрова горят, чем изба.

– И молока бы горячего, – неожиданно сказал саврянин, изрядно озадачив спутников – Альк и молоко сочетались примерно как волк и кочан капусты. – С медом и маслом.

Мужичок обреченно кивнул, взял с полки кувшин и полез в подпол.

– Просил бы уж варенухи, – чихнул Жар, возившийся в устье печи. Оттуда шел едкий вонючий дым, но потрескивания пламени пока не слышалось.

– Чудо, если у него хотя бы мед найдется... – Саврянин тяжело опустился на лавку, сложил руки на столе и уткнулся в них лбом.

Но нашелся и мед, и ярко-желтый кусок масла в плошке, и даже несколько луковиц от хозяйских щедрот. Сгрузив все на стол, мужичок вопросительно поглядел на Жара, и тот высыпал рядом содержимое кошелька – один мелкий сребр и куча медек.

– Хватит?

Повеселевший хозяин кивнул, сгреб монеты и ушел в комнату, задернув отгораживающую ее занавеску. Собачонка осталась, с надеждой принюхиваясь из-под лавки.

– Ты в порядке? – Жар ткнул Алька пальцем в выпирающий позвонок.

– Спать хочу, – проворчал саврянин, не поднимая головы. – Ты с печью разобрался?

– Да, горит.

– Запихни туда кувшин.

– Рыска уже ставит. – Вор сел рядом, ковырнул масло пальцем и сунул его в рот. – Ум-м-м, сладенькое!

Повторно снять пробу Жар не успел – Альк выбросил руку вперед и прилепнул его ладонь на полпути к плошке.

– Ты тут не один.

– И что? Я за него заплатил, могу хоть все съесть! – запротестовал вор, пытаясь добраться до масла второй рукой, но та тоже угодила в плен.

– А откуда у тебя деньги? – спохватилась Рыска. Она прекрасно помнила, что стража не только прощупала каждую складку на одежде, но и башмаки перетряхнула.

– Да так, – рассеянно отозвался Жар. – Завалились. Слушай, может, и картошку в печь поставить? Пусть прогреется.

– Где завалились?!

Альк снова подобрал руки под голову, повернул лицо к спутникам и злорадно сообщил:

– В чьем-то кармане по пути из города.

– Жар!!! Ты что, успел кого-то обокрасть?!

– Тихо ты! – цыкнул на нее вор, боязливо оглядываясь на занавеску. – Ну взял немножко... – (Грех было не взять, эти простофили на площади совсем за кошельками не следили!) – Потом верну, честное слово!

– Ты уже гитару вернул!

– Гитару я просто не успел. А теперь ее снова сперли, так что извините.

– Может, на ней лежит проклятие? – вкрадчиво предположил Альк, чей сарказм отогревался вместе с телом. – И коров сперли как раз из-за того, что на седле висела гитара?

Рыска с отчаянием подумала, что проклятие лежит на ней самой. Угораздило же связаться с этой парочкой!

– Я на ворованные деньги есть не буду! – Девушка решительно отодвинула плошку. Сильного впечатления это не произвело, потому что в масле уже зияла проколупанная Жаром дыра.

– Спать тоже? – уточнил Альк.

Рыска замаялась. Дождик еще не закончился и, похоже, до утра не собирался. Мелкий-мелкий, а земля успела промокнуть даже под деревьями.

– И не стыдно тебе ему потакать?!

– Нет, – равнодушно ответил саврянин. – Я устал, замерз и проголодался. Пусть ворюга сам с Хольгой за грехи рассчитывается.

– Но если мы закроем на это глаза сейчас, то он и дальше будет воровать!

– Ну и что?

– Это плохо!

– От того, что ты из принципа околеешь в луже под забором, лучше не станет.

Рыска все-таки рискнула бы – но ноги не желали поддержать ее благое намерение по перевоспитанию друга. Желудок тоже протестующее ворчал, не понимая, почему его обделяют, если еда и ночлег оплачены из одного кошелька.

Альк снял крышку с горшка и вытащил большую, желтую, облепленную укропом картошину. Собачонка заскулила и положила лапку ему на колено, умильно заглядывая в глаза и виляя хвостиком. Ее вопросы морали тем более не тревожили, а картошечка пахла так вкусно!

Саврянин так поглядел на собачку, словно представлял ее на вертеле, с поджаристой корочкой. Но все-таки отломил и бросил псине кусок картошки, жадно пойманный на лету.

– Ты глянь, ест, – вяло удивился Альк. – Неизбалованная.

– Кому ее тут баловать-то? – Вор шутки ради предложил собачонке четвертушку лука. Та обиженно чихнула и отвернула морду.

«Я – падшая женщина!» – с отчаянием подумала Рыска, глядя, как Жар заискивающе ставит перед ней тарелку, а Альк придвигает масло обратно – разумеется, поближе к себе, а не угождая девушке. Правильно молец говорил: стоит раз оступиться, и покатишься по наклонной. Сначала – кража Милки, потом похищение видуна, потом присвоение коров, потом убийство, потом тюрьма, потом виселица (правда, ее молец упоминал как конечную точку падения, а не промежуточную), а потом Рыска действительно помрет где-нибудь под забором, в лохмотьях и язвах, отвергнутая и забытая всем белым светом... Нет, надо срочно собраться с духом и прервать этот порочный круг!

Девушка шмыгнула носом и, бесконечно себя презирая, вгрызлась в картофелину.

* * *

Телега скрипела то тише, то громче, и тогда все ездоки напрягались, готовые в любой момент соскочить и начать яростно браниться. Но сломанная ось, подлеченная пучком палок и веревочными опоясками (даже голова штаны рукой поддерживал), пока держалась. По-хорошему сидеть бы на телеге не стоило, но впереди уже виднелся город. Едва-едва виднелся россыпью алых точек в темноте. А в царском приказе говорилось: приехать. Увидят стражники, что работники рядом с телегой идут, – мигом неладное почуют. Вот доберутся до места, отметятся у писаря, тихонечко лубки снимут и – «Вот напасть! Сломалась, проклятая! С чего бы это, а?». И пусть царь новую выдает.

Покуда переворачивали телегу и чинили ось, покуда чинили ее еще раз через пять вешек, а потом через семь – хотя тогда шли пешим ходом, – минуло и утро, и день, и даже вечер. Мужики устали, проголодались и наговорили о царе столько «хорошего», что Сашию полагалось утянуть его на небесные дороги живьем. Особенно зол был голова, безнадежно опоздавший на ярмарку. Придется теперь за ночлег в кормильне платить, иначе мука вконец отсыреет – с севера дул холодный, промозглый ветер, и все, кроме здоровяка Михы, ежились и постукивали зубами.

– Поди, дождь там идет, – уныло сказал Колай. – К завтраму и до нас доберется.

Ему никто не ответил – все и так было ясно.

– Паршивая весна выдалась, – продолжал нудеть весчанин, пытаясь хоть как-то скрасить затянувшуюся дорогу.

– Почему паршивая-то? – не выдержав такого поклепа, откликнулся голова. – Хорошая. Теплая.

– То-то и оно! – оживился при собеседнике Колай. – Даже яблоневый цвет заморозками не побил. Значит, жди их позже, когда пшеница выколосится, и тогда вообще без хлеба останемся. Ох, чует моя печенка, ждет нас новый год Крысы...

Голова суеверно отмахнулся:

– Да ну, в наших краях отродясь такого не бывало! В Саврии еще куда ни шло... да и то, это ж какие холода должны ударить, чтоб пшеница померзла?!

– Можно и не холода, – упрямо продолжал кликать воронов Колай. – Градом разок сыпануть, и готово. Дед рассказывал...

– Нам-то уже без разницы, – хмуро осадил его Цыка. – Какой бы ни был год, а для нас все равно Крыса.

Под днищем хрустнуло. Разговор оборвался. До городских ворот осталось всего шагов триста, ездоки уже видели подсвеченных факелами стражников. Те тоже глядели в сторону телеги – пока вряд ли разбирая в темноте, кто едет, но скрип далеко разносился по дороге.

– А все оттого, – злорадно ввернул молец, – что слишком много грехов на нее нагружено!

– Или слишком много святости, – огрызнулся Мих. – Чего ты вообще за нами увязался, Хольгин служба?

Молец подбоченился, выпятил бороденку.

– Видение мне было, – важно ответил он.

– Так они ж у тебя по три раза на неделю, – с досадой сказал голова. Похоже, к старости у мольца посыпалась черепица не только с моленной. Пора нового у наместника просить.

– Это особое, – возмутился молец, сверкая выкаченными глазами. – Не знамение, а повеление! Богиня Хольга избрала меня своим светочем, указующим путь во тьме людских прегрешений!

«Как путничьей крысой, что ли?» – завертелось на языке у головы, но так с него и не сошло. Ну его – полоумного злить!

– Отправила Она меня в мир, – продолжал молец, упиваясь собственной значимостью, – дабы нес я людям Ее слова, как пастырь в ночи бубенец перед овечьим стадом, отводя его от пропасти и волчьего леса!

Цыка с Михом переглянулись и сдавленно заперхали. В хуторском стаде бубенец вешали на столь же бородатого поводыря, который хоть и поумней овец будет, но, как ни крути, козел.

«Ну и слава Хольге, – с облегчением подумал голова. – Сама нас от этого помешанного избавила. Завтра же письмо наместнику настрочу...»

– Стой, кто идет? – лениво окрикнул стражник.

Мих рывком натянул поводья, и корова так же резко встала. Раздался оглушительный треск (стражники аж подскочили, выхватывая мечи из ножен), и телега просела на задок, раскорячив колеса. Батраки судорожно уцепились за борта, молец, не успев, повалился на спину, задрав тощие ноги.

– Вот напасть, – растерянно пробормотал голова, – сломалась! И с чего бы это?!

* * *

Альк был непривычно тих и задумчив. Сидел, сгорбившись над столом, и покручивал между ладонями дымящуюся кружку. Ладони грелись, молоко стыло.

– О чем вы говорили? – неожиданно спросил он, покосившись на Рыску.

– С кем? – растерялась девушка.

– С моим наставником. Прошлым вечером, возле «Очага».

– Ты видел? – Рыска съежилась, как щенок, застуканный с изжеванным хозяйским лаптем.

Саврянин презрительно искривил губы:

– Я знаю, что он за нами идет. И заметил, какая ты вернулась с улицы. Щеки красные, взгляд виноватый, постоянно оглядываешься, будто боишься, что за тобой кто-то увязался.

– Но ведь ты...

– Я же говорил: я быстро трезвею. И плохо пьянею. Так чего он тебе наговорил?

Рыска сбивчиво, постоянно опасаясь вспышки гнева, пересказала разговор с путником. Жар тоже с интересом прислушивался.

– Ага. – Альк отхлебнул молока, поморщился. Он с детства его терпеть не мог, но от простуды первое средство.

– И все? – не поверила девушка.

– Рыска, вот скажи, я дурак?

– Вообще – или в каком-то случае? – осторожно уточнила девушка.

– Давай я скажу! – с готовностью предложил Жар.

– Вообще, – проигнорировал его Альк.

– Если бы ты не признался, что он твой наставник, я бы сама догадалась, – проворчала Рыска себе под нос. У обоих вопросы, как ловушки посреди звериной тропы: и свернуть некуда, и подвоха вроде не видать, а со шкурой уже можно прощаться.

– Чего? – не расслышал саврянин, делая длинный – чтобы разом разделаться с этой пако-стью – глоток.

– Нет, ты не дурак, – устало повысила голос девушка. – Ну и?

– Только дурак может убить кулаком корову, на которой ему еще ехать не меньше недели.

– Это ты к чему? – совсем запуталась Рыска.

– К тому, что моя злость ничего не изменит. А значит, нечего тратить на нее силы и коров. Девушка чуть не выронила кружку от такого заявления.

– Совсем недавно тебя это не смущало!

– А я с тех пор еще больше поумнел, – криво ухмыльнулся Альк.

– Да, тебя по голове вчера хорошо-о-о приложили, – снова влез Жар. – Чудо, что не помер.

Саврянин поежился, потрогал ладонью – только почему-то не голову, а живот.

– Помер.

– Какой-то ты слишком прожорливый для беспокойника, – ехидно заметил вор, подчищая последним кусочком картошки плошку из-под масла.

– Ну умер бы, если б не превратился, – поправился Альк.

– И как?

– Страшно, – честно сказал саврянин.

– Грозная Хольга, злорадствующий Саший и все такое?

– Если бы. Там вообще ничего нет. Темнота – и все. – Альк мрачно уставился в опустевшую кружку.

– Откуда ты знаешь? – беспечно возразил Жар. – Ты ж все-таки не умер.

– Может, надо было еще немножко подождать? – поддержала его Рыска. – Зачем Богине открывать тебе Дверь, если ты не собирався в нее входить?

– Проверять мне что-то не захотелось, – огрызнулся Альк и встал, демонстративно обрывая разговор.

Пол в избе был дощатый, чисто выметенный, но его полезной для спины твердости Жар не оценил и, заглянув на печь, сволок с нее тулуп и шапку из неопределенно-бурого меха.

– Надо разрешения спросить... – заикнулась было Рыска, но тут из шапки выпорхнуло такое облако моли, что вор, не ожидавший нападения, с возгласом ужаса ее отбросил.

– Ты еще тулуп встряхни – может, мыши побегут, – посоветовал Альк.

Мыши не мыши, а пара тараканов по полу шмыгнула.

Разобравшись с постелью, Жар дунул на лучину, и в избе стало темно, как в захлопнутом сундуке. Вор на ощупь (ощупь слева с готовностью подвинулась, ощупь справа пнула его в ответ не то локтем, не то коленом) нашел свое место на полу и, как всегда, мгновенно уснул. Рыска ему жутко завидовала. У нее так легко провалиться в сон не получалось, хотя голова уже гудела как колокол, а в глаза словно песку насыпали.

Альк тоже не мог заснуть, но по другой, более обыденной причине.

– Кончай рыдать над своей загубленной судьбой! – не выдержал он.

– Я не рыдаю, – виновато прошептала Рыска, в очередной раз шмыгнув носом. – Я, кажется, простыла... и горло что-то саднит... хоть бы не разболеться к утру.

Альк рычаще выдохнул, и наступила тишина. Но девушку не покидало ощущение, что саврянин, приподнявшись на локте, продолжает на нее глядеть и о чем-то размышлять.

– Хочешь, подправлю дорожку? – Голос у видуна был странный, слегка напряженный, словно он сам не слишком верил в то, что предлагал.

– Какую? – Рыска тоже привстала, пытаясь разглядеть Алька, но к такой тьме и кошка не сумела бы приспособиться. Единственное окошко было наглухо закрыто ставнями.

– Твою. Чтоб не разболелась.

– А ты это можешь? Без крысы?

– Ты ж с лисой как-то справились.

– Ну... – «Именно что как-то!»

– Ты молодая здоровая девка, твои шансы заболеть пятьдесят на пятьдесят...

– Целых пятьдесят?! – испуганно перебила Рыска.

– Половина на половину, дур... очка! – в последний момент смягчил приговор Альк, что говорило о крайней заинтересованности в Рыскином согласии.

– А-а-а, – немного успокоилась девушка. Она-то уже успела вообразить, что утром проснется с воспалением легких и Хольга знает еще чего!

– Видун тоже может менять дороги, если вероятность достаточно высока: один к трем, один к пяти... Или хотя бы повысить шансы на нужный ему исход. Мой наставник как-то один к двенадцати повернул, – завистливо сообщил Альк.

– А ты?

– На тебя хватит, – отрезал саврянин, и так злясь, что наговорил лишнего.

– Ну давай, – неуверенно согласилась Рыска. – Надо на улицу выйти, да?

– Зачем?

– Чтоб никто не мешал. Тот путник, что к нам в веску приезжал, всегда в сторонку отходил.

– Погода влияет на судьбы людей куда больше, чем твои сопли. Немому мужику до них вообще дела нет, а это бревно мне не мешает.

Вор осуждающе всхрипнул. Заговорщики притихли.

– И... что я должна делать? – спросила Рыска щепку спустя.

– Молчать!!!

Девушка послушно сжала зубы. Стало слышно, как шелестит дождь и какая-то мелкая живность (но между печкой и Жаром Рыска чувствовала себя в безопасности), лает вдалеке собака да поскрипывает дерево за избой.

Потом шмыгнул носом уже Альк.

– Получилось, – прошептал он со смесью недоверия и восхищения. – Ну надо же.

– А что, могло не получиться? – встревожилась девушка.

– Обычно путникам не удается менять дороги друг друга, – нехотя признался саврянин.

– А раньше ты говорил, что крысы вообще не могут этого делать, только видят!

– И это тоже. – Памятливость весчанки Алька не шибко обрадовала. – Но сейчас-то я человек. Вот и решил попробовать, проверить.

– А что было бы, если бы не получилось? – настаивала Рыска, чую какой-то подвох.

– Какая теперь разница-то? Лежи и радуйся.

Девушка прислушалась к себе.

– А ничего не поменялось, – разочарованно протянула она. – И нос у меня по-прежнему течет...

– Конечно. Где ты видела, чтоб простуда так сразу прошла? Спи давай. – Голос у саврянина снова стал уверенно-командным. – И постарайся не хлюпать хоть четверть лучины, пока я не засну.

– Хорошо, – пообещала Рыска, поверив Альку и тоже повеселев. Даже горло как будто меньше болеть стало.

Но теперь уже саврянину что-то не спалось. Он перевернулся на спину, заложил руки за голову и с досадой сказал:

– А тот косой так за мое убийство и не заплатил. Сидит небось опять в кормильне, пьет, веселится, хозяину глазки строит. И не достать его уже, далеко отъехали.

– Ничего, его Богиня накажет, – попыталась утешить видуна Рыска.

– Как? – скептически буркнул саврянин.

– Да уж придумает что-нибудь. Пожар найдет, болезнь или невезение.

– Пфе! Я видал кучу подлецов и ублюдков, которые прожили долгую счастливую жизнь и померли в роскоши, ничуть не раскаявшись.

– Значит, Богиня давала им шанс исправиться! – с пылом подхватила Рыска. – И если они им не воспользовались, то в посмертье не найдут пути к Вечному Дому и будут вечно плутать по бездорожью!

– Тоже мне кара, – еще презрительнее фыркнул Альк. – Да кому он нужен, этот Дом?

– Как это – кому?! – священно возмутилась девушка. – Мне, например! Это место, где всегда тепло, цветут вишни и горит очаг, где тебя всегда ждут...

– Кто?

– Родители, дети, друзья...

– Нет, я имею в виду – кто ждет именно тебя?

Девушка растерянно почесала обстреканную крапивой щиколотку. С отцом она вообще не желала встречаться ни там, ни тут, мать сама ее избегала, детьми Рыска еще не обзавелась, а единственный друг, хвала Богине, пока пребывал на этом свете.

– Ну... дедушка, например, – осторожно предположила она.

– И что, он согласится провести с тобой вечность в этой идиллической избушке? Или все-таки предпочтет запереться в ней с омоложенной бабушкой, дабы наверстать последние двадцать лет вынужденно духовного общения?

– Почему у тебя каждый разговор на похабень какую-то сворачивает?!

– Это не похабень, а правда жизни. У большинства людей столько друзей и родичей, что они, видать, после смерти лопаются, по сотне домов разрываясь. А если каким-то чудом и соберутся под одной крышей, то через неделю перессорятся, через месяц передерутся, через год разобьются на вражеские лагеря и начнут воевать стенка на стенку, и ты сама плюнешь, соберешь вещи и уйдешь куда глаза глядят!

– Так ведь там будут не все, а только те, кто по-настоящему меня любил!

– О, у меня тоже один такой был! – обрадовался Алык. – Пес Бухлач. До того меня любил, что издох через неделю после того, как я в Пристань уехал. Вот и будем мы с ним сидеть на крыльце посмертной избушки, как два идиота, и выть на луну от тоски.

– Не будете, – с досадой возразила Рыска, – ты своей дороги тоже пока не выслужил!

– И не собираюсь. Лучше уж по бездорожью: новые места, новые знакомства, бабы, выпивка...

– Где? – спросонья встрепенулся Жар.

– На том свете, – любезно сообщил Алык. – Проводить?

Вор проворчал что-то невнятно-ругательное и перевернулся на другой бок.

– Да кто тебе наливать-то там будет?!

– Хорошо хоть насчет баб возражений нет.

– Есть! Это небесное тцарство, а не «курятник»!

– Ну куда-то же они из «курятника» попадают, – зевнув, справедливо заметил саврянин.

– Ты недавно ныл, что Богиня тебя вообще на порог не пустила, а теперь о загробных потаскухах мечтаешь!

– М-гы...

– Чего?

Но Алык уже спал.

* * *

Когда Румз Косой проснулся, за окном уже смеркалось. Званный ужин у судьи давно должен был начаться, но господин наместник запретил прерывать свой дневной сон. До чего же приятно неспешно ехать по улице, зная, что в этот момент судья и его гости сидят за накрытыми столами, вымученно улыбаясь и поддерживая светскую беседу, а про себя проклиная опоздавшего – слишком знатного, чтобы начинать без него. Румз и судья терпеть друг друга не могли, однако не пригласить наместника на прием было неприлично, а отказаться тем паче. Дипломатия, чтоб ее!

Румз откинул одеяло, на ощупь сунул ноги в мягкие кожаные тапочки и, позевывая и почесывая грудь, подошел к шкафу. Удачный денек выдался: и за разбойников награду назначать не нужно, разве что на могильщика потратиться, и от свидетелей избавился. Причем все

по закону: покуда власти злодеев злодеями не объявили, нечего добрым людям на них с косами выходить. А то эдак все начнут самосуды устраивать вместо порядочного четвертования!

Тревожил только пропавший труп (а тюремщик клялся, что при нем саврянин доживал последнюю лучину), и стража проверяла выезжающие из города телеги особенно тщательно.

О сорвавшемся (в прямом смысле слова) повешении Румз еще не знал – присутствовать на казни он не пожелал, утомленный бессонной ночью, и, разобрав еще несколько дел, сразу после обеда отправился спать. Будить наместника никто не осмелился, и дурные вести остались ждать, когда он переступит порог комнаты.

А все-таки как-то странно себя путничья община повела. За полночи все разузнала и посыльного прислала. Обычно они запросы чуть ли не по месяцу рассматривают, покуда со всеми не спишутся, а тут такое демонстративное отречение. Видать, что-то с этим непутником нечисто...

Мысль мелькнула и пропала. Замок потряс такой вопль, что глуховатая посудомойка двумя этажами ниже вздрогнула и выронила тарелку.

Ворвавшийся в комнату слуга застал Румза стоящим на коленях возле шкафа. Господин наместник уже не вопил, а с глухим воем пропускал через пальцы ворох пестрых лохмотьев, в которых с огромным трудом угадывались парадные одеяния. Особенно досталось новому камзолу, пошитому специально ради сегодняшнего приема и так богато изукрашенному драгоценными камнями, что вешалка гнулась под его весом. Несколько мелких сапфиров и изумрудов высыпались из открытого шкафа вместе с тряпьем, но даже навскидку было видно, что большая и лучшая часть камней бесследно исчезла.

Впрочем, не совсем бесследно.

Слуга поднес свечу ближе к столу, к опрокинутой на какой-то документ чернильнице, и увидел несколько переплетающихся цепочек следов, пересекающих столешницу и спускающихся по одной из ножек.

Глава 9

*Крысы пробираются в повозки, корабельные трюмы и даже котомки, путешествуя вместе с людьми и расселяясь по всему свету.
Там же*

– Ы-ы-ы!

– М-м-м...

– Ы-ы-ы, ы!

– М-м... у-у-у...

Несколько щепок Рыска пыталась постичь смысл этих звуков, потом наконец догадалась открыть глаза и поняла, что хозяин избы безуспешно пытается растолкать лежащего с краю Жара.

С краю?! Рыска приподнялась на локте, заголошню шаря взглядом по полу.

– А где Альк?

Вор тоже сел, как от щелчка кнутом. Проклятый саврянин, до чего довел – от одного его имени сон прочь улетает, будто колодезной водой окатили!

Мужик, порядком разозленный «беседой» с нахальным гостем, изумленно глядел, как парень с девушкой лихорадочно перетряхивают тулуп, шапку и башмаки. Жар даже на четвереньках к печи подполз, заглянул под нее.

– Эй, тварь, ты там?!

Немой боязливо попятился. В подпечье и ребенок бы не поместился, к тому же половина ниши была заложена поленьями.

Рыска уже не на шутку перепугалась – а вдруг крыса собака придушила или хозяин походя пришиб и выкинул, не посчитав нужным сообщить об этом гостям?! – но тут дверь распахнулась и вошел Альк. Косы заплетены, подвернутые штаны в брызгах – видать, мыться ходил, а то и купаться. За ним вбежала собачонка, преданно виляя хвостиком.

– Как ты себя чувствуешь? – косо глянул на девушку саврянин.

Рыска, опешив от такой заботы, шмыгнула носом и с радостным изумлением обнаружила, что он вовсе не забит.

– А... да ничего вроде. – Девушка сглотнула. Горло тоже не болело, пересохло только.

– Может, и моим здоровьем поинтересуешься? – Жар плечом стер с носа пыльную паутину, чувствуя себя круглым дураком.

– Зачем? И так вижу, что не сдох. – Альк равнодушно переступил через его согнутую спину, без спросу снял с гвоздя хозяйское полотенце и вытер мокрое лицо, потом скомкал и бросил на лавку. Рыска поспешила подхватить его и повесить на место, заискивающе улыбнувшись хозяину. Тот не разделял ее дружелюбия и, видя, что гости более-менее пришли в себя, снова начал их выпроваживать, мыча и попеременно показывая на дверь, потом на свой висок и ладонью поперек шеи.

– Это у него голова болит, что ли? – Жар выпрямился, сердито показал саврянину кулак.

Альк ответил презрительным оскалом:

– Так, что хоть вешайся?

– Это он сейчас весчанского голову позовет, и тот нам по шее надает, – перевела более догадливая Рыска.

Немой радостно закивал и вдохновенно повторил пантомиму.

– А запасной голова у них есть? – поинтересовался саврянин.

Хозяин поумерил пыл, тем не менее продолжая неумолимо теснить гостей к выходу.

– Ладно-ладно, уже уходим! – поднял руки Жар. – А до Рогатки далеко?

Мужик на пальцах показал – десять лучин и еще пять.

– Эх, пролетели мы с торжищем, – тоскливо сказал вор. – Если б всю ночь шли...

– Что ж не шел? – Альк заглянул в горшок на столе, но новой картошки там, увы, не появилось.

– А ты?

– Это не мои коровы. И не мои торбы. Я вас просто сопровождаю.

– Ой, – спохватилась Рыска, – расписку-то у меня тоже отобрали! Она в кошеле вместе с деньгами лежала!

– Ха. – Саврянин, к огромному облегчению хозяина, наконец переступил порог. За ним вымелись и остальные неприятные гости. Собачонка, спохватившись, взъерошилась и сурово затыкала им вслед (правда, когда Альк оглянулся и пристально посмотрел ей в глаза, смутилась и спряталась за хозяином).

На улице оказалось не утро, а ближе к полудню. Облака так и не разошлись, но дождем больше не прыскали, и земля успела высохнуть. Северный ветер унес уже ставшую привычной жару, Рыске было зябковато даже в рубашке и штанах – особенно при виде бледного полуголого Алька с недовытертыми каплями воды на груди и плечах.

– Что – «ха»? – настороженно потребовал уточнений Жар.

– Это значит, что ваших проблем на одну больше, а моих – на одну меньше. – Саврянин вышел за калитку и уверенно повернул налево.

Бабки, судачившие на лавочке у общинного колодца, примолкли, как испуганные лягушки, но стоило компании чуть отойти, как за спиной снова раздалось оживленное «бур-бур-бур».

– Ничего себе грибочки! – Жар от возмущения перешел на подзабытый при Рыске жаргон. – Втюхал нам гнилое мочало, а сам шайкой прикрылся и в кусты?!

– А если бы вас уже после обналичивания ограбили, тоже я был бы виноват? – отбрехивался Альк вяло, не пытаясь оторваться от спутников.

– А кто нас с мышеловкой подставил?!

– А я вас просил туда соваться?

Разговор свернул в прежнюю колею, как Рыска уже знала – закольцованную.

– И что нам теперь делать? – жалобно спросила она, даже не пытаясь переспорить Алька.

Саврянин пару щепок шел молча, делая вид, что не замечает ее умоляющих глазниц и вообще их дороги совпадают совершенно случайно, потом смягчился:

– Идти в Рогатку. По-моему, это все-таки не лишено смысла. Вдруг воры не успеют продать коров за сегодня.

– А может, их вообще не туда погнали, – мрачно возразил Жар. – Мало ли кругом весокторжищ...

– Туда, – уверенно сказал Альк. – И думаю, это вовсе не воры. Просто кормилец ткнул пальцем знакомому жулику – мол, хозяева этих уже не вернутся, продай да поделимся. А Рогатку я знаю, там за скот хорошую цену дают, потому что рядом лесопилки и песчаные карьеры. Надо ж на чем-то это добро вывозить.

Рыске стало чуть полегче. Цель была, надежда – тоже, а значит, все не так беспросветно. Еще бы солнышко выглянуло...

– Тебе не холодно? – осторожно спросила девушка у Алька.

Тот пожал плечами:

– Лето как лето. В Саврии и похолоднее бывает.

– Но это же не значит, что можно ходить в одних штанах!

– Предлагаешь их снять?

Рыска, не успокоившись, обратилась к другу:

– Жар, может, отдашь ему рубашку или кафтан?

– Вот еще! – взъерошился вор. – Ему ж тепло, сам сказал.

– Ничего ему не тепло, вон вся спина в гусиной коже!

– Пусть сам попросит. – Жар демонстративно застегнулся под самое горло.

– Успокойся, я твою вонючую рубашку и так не надену. – Альк шевельнул лопатками, пытаясь согнать предательские мурашки.

– Давай я тебе свою отдам, а сама Жарову возьму, – настаивала девушка. Не то чтобы она так радела о здоровье белокомого, но подозревала, что простуженный Альк будет еще гадостнее Алька здорового. Впрочем, главное, что бросать Рыску с Жаром он вроде не собирался. Девушка сама не понимала, на кой ей сдалась компания саврянина, но при всей Альковой непредсказуемости с ним было спокойнее. Пусть белокопый постоянно втравливал их в неприятности, но вытаскивал из них тоже он. Главное – подловить момент, когда первое и второе уравновесятся, и тогда уж расстаться навек!

Жару Рыскино предложение совсем не понравилось. Ясно, что оставить подружку нагишом он не сможет и придется раздеваться. Насмешливый взгляд саврянина поверх Рыскиной головы заставил вора стиснуть кулаки – похоже, Альк готов был согласиться, даже если и вправду не мерз. Но ответить не успел. Позади раздался приближающийся скрип, громкие веселые голоса, шелканье кнута и низкое, гортанное мыканье волов. Рыска и Жар машинально сдвинулись к обочине, Альк остался стоять, развернувшись лицом к двум приближающимся возам.

– Ну чего дорогу загородил, белокопый? – остановив волов, спокойно, но без особой приязни осведомился вожак, крупный мужчина в соломенной шляпе и ярко-зеленой рубаше, правивший первой упряжкой. На каждой телеге лежало несколько мешков и сидело по пять человек, все как на подбор: рослые, широкоплечие, бородатые, с толстопалыми мозолистыми руками.

– Подвези до Рогатки, добрый человек, – ровно сказал Альк, глядя вожаку в глаза. Тот так же уверенно и неспешно оценил саврянина, потом его компанию и лениво поинтересовался:

– А что нам с того будет?

– Охрана, – коротко ответил саврянин. – Путь долгий, лес глухой. Мало ли.

Мужики переглянулись – и обидно захохотали.

– Поди лучше к разбойникам наймись, от нас защищать, – посоветовал вожак, наклоняясь вбок и поднимая здоровенный топор на длинной изогнутой рукоятке.

Прочие мужики не остались в долгу, и обе телеги оцетинились лезвиями, как огромные стальные ежи. «Можно таких в сказку запустить, – машинально подумала Рыска. – А герою тогда копьё надо, длинное и тонкое».

– Мы – потомственные лесорубы, – пояснил вожак. – К Хольгиному Пупу лес валить едем, тсарский подряд. Пшел с дороги, белокопый!

Рыска, не дожидаясь Алькова ответа, вцепилась ему в руку с одной стороны, Жар – с другой. Тело саврянина напряглось как струна, но вырываться он не стал. Лишь презрительно бросил:

– На кой вам топоры-то? Боднули разок, дерево и упало.

Мужики заворчали, как стадо разбуженных медведей. Один, самый обидчивый, даже привстал, собираясь перекинуть ногу через борт:

– Щас я эту крысу двухвостую...

– Сиди, – одернул его вожак, снова берясь за вожжи. – Нашел с кем связываться. Х-хо, пошли!

Волы послушно налегли на ярмо. Троице пришлось посторониться: заступать им путь было все равно что катящемуся с горы валуну. Только и осталось сердито и обиженно провожать лесорубов взглядом.

– Эй, девчонка! – неожиданно окликнул Рыску возница со второй телеги. – А это не ты, случаем, третьего дня сказку с помоста травила? Про сиротку?

– Я, – зарделась девушка и, повинувшись наитию, выпустила Алька и поспешила за лесорубами.

– Молодец, – одобрил возница. – Я чуть живот не надорвал слушаючи. Хотел даже монетку кинуть, да, пока стоял, какая-то сволочь кошель срезать успела!

Теперь «польщенно» потупился Жар.

– Что, правда та самая? – заинтересовался еще один мужик. – То-то гляжу – мордашка знакомая... Только тогда ты побойчее была, воробьем по помосту скакала!

Вожак тоже придержал волов и обернулся:

– Сказочница? – Взгляд лесоруба потеплел. – Хм... А вот сказочницу мы, может, и взяли бы. Дорога длинная, скучная...

– Так возьмите, дяденьки! – взмолилась обнадеженная девушка. – Я много еще всяких баек знаю! А вот он, – Рыска кивнула на Алька, – на гитаре играть умеет!

– Не умею, – огрызнулся саврянин, подходя, впрочем, поближе.

– Я же слышала!

– Ну тренькал в кормильне по пьяни... – нехотя, словно бы даже смущенно сознался Альк.

– Так умеет или нет? – подозрительно уточнил вожак.

– Умеет-умеет, просто стесняется!

– Не стесняюсь. – Саврянин набылчился еще сильнее.

Жар его понимал: как же, отпрыск благородных кровей, мастер клинка и косы, без пяти щепок путник, а его соглашаются взять только потешником-струнощипом, в довесок к девчонке, и еще кланчить приходится!

– А этот, поди, песни поет? – ухмыльнулся лесоруб, переведя взгляд на вора.

– Добрые люди, – проникновенно сказал тот, прижимая руки к груди, – вы нас только подвезите, я вам еще и станцюю! Позарез в Рогатку надо!

– Ладно, уговорили, – рассмеялся вожак. – Садитесь. Только если дорога в гору пойдет и волы встанут, слезете и толкать будете! И еды у нас в обрез. Девку еще покормим, а вы сами себе харч ищите.

Рыска, просияв, ухватила за борт, и ее с хохотом посадили в четыре руки. Жар вскочил сам, в ту же телегу, Альк в следующую. Уселся сзади, с самого краешку, но лесорубы все равно сдвинулись вперед, стремясь оставить между собой и саврянином как можно больше места. Впрочем, Альку это было только на руку.

* * *

На ярмарку голова не попал и следующим утром. Стражники, отсмеявшись над подвязанной поясами осью, проводили недотеп до места сбора – большого пустого амбара, обнесенного высоким забором. В обычное время там хранили строевой лес, пол был густо усыпан сухой корой и щепками. Встретивший весчан молодец в тсецкой шапке веселиться не стал, а страшно наорал на голову: мол, издеваться над батюшкой-тсарем удумали, да за такое вас всех в кандалы и на рудник! Пришлось отдать ему муку, чтоб смиловился, а дождавшись рассвета, побегать по Макополю в поисках умельца, который быстренько заменил бы ось.

В обед, когда телега стала как новенькая, а кошель головы печально съежился, выяснилось, что молодец никакого отношения к приемке работников не имеет и был оставлен просто за сторожа. Поглумившись над доверчивыми весчанами, он вскинул на плечи дареную муку и до возвращения головы был таков.

Настоящий хозяин шапки, толстый добродушный тсец с седыми висками, об этой истории так и не узнал, а мрачность головы его не удивила – тут все такие были.

– Что, не хочется на родное тсарство батрачить? – весело упрекнул толстяк, роясь в бумагах. – Ага-ага... вижу. Мих, Викий и Колай. Кто тут есть кто?

Весчане нестройно назвались. Цыка замешкался, чуть не проговорившись.

– А этот, бородатый?

– Наш молец, господин. Увязался вот, отговорить не смогли... – залебезил голова, опасаясь, что ему всыпят еще и за этого, Хольгой стукнутого.

– Молец? – благосклонно глянул тсец. – Да еще доброволец? Ишь ты! Что ж, пускай едет, ремесло нужное – благословить там кого или отпеть.

– Отпеть?! – побледнел Колай. – Чего это вдруг – отпеть?

– Я – Хольгин посланник, – приосанился молец. – И пойду указанной Ею тропой, даже если она раскалена добела и усыпана терниями!

– А какие он проповеди читает – вообще заслушаетесь! – льстиво заверил голова чуток опешившего тсеца.

По счастью, молец посчитал ниже своего посланничьего достоинства тратить на них свое красноречие и умолк.

– Ишь ты, «отпеть», – продолжал бормотать Колай, – типун ему на язык! Надо ж было такое сказануть!

Цыку больше встревожило другое слово.

– А куда ехать-то? Нам говорили, в Макополе работать будем.

– Скоро узнаете, – уклончиво ответил тсец, выписывая голове бумагу, что люди, коровы и телега приняты в полном порядке. – Страна большая, крепкие руки везде нужны. Все, человек, иди, дальше не твоя забота!

Голова поклонился, сунул свернутую трубочкой расписку в рукав и коротко, неловко распрощался с весчанами – будто с уже чужими.

– Фессю мою проведай! – не сдержавшись, в последний миг окликнул его Цыка. – Скажи, что у меня все хорошо, пусть не тревожится!

– Проведаю, передам!

За воротами амбара голова стащил шапку и утер ею потный лоб.

– Что ж, хлев сгорел, зато и крыса с ним, – вслух подумал он. – Эй, пацан! Медьку хочешь? Покажи, где тут поблизости кормильня почище да подешевле!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.